

Автономная некоммерческая организация
ЦЕНТР ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ: XXI ВЕК

ТЕТРАДИ *ГУМАНИТАРНОЙ*
ЭКСПЕРТИЗЫ (4)

МЕДИА ЭТОС:
Тюменская конвенция:
ориентир самоопределения,
способ собирания сообщества

Ответственный редактор В.И.Бакштановский

Тюмень - 2000

“Тетради гуманитарной экспертизы” - продолжающееся издание автономной некоммерческой организации “Центр прикладной этики: XXI век”. Цель издания - публикация материалов гуманитарной экспертизы и консультирования ситуаций становления нового этоса (“духа” и “правил игры”) в современной России: этоса политического, делового, регионального этоса, медиаэтоса, этоса образовательной деятельности и т.п. Возможные виды и формы публикуемых материалов: результаты экспертных опросов, практикумов, деловых игр; аналитические тексты и т.д.

Редакционный совет:
Г.С.Батыгин, Ю.В.Казаков, А.Ю.Согомонов, Ю.В.Согомонов

Ответственный редактор
В.И. Бакштановский

ТЕТРАДИ ГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ (4). Медиа этос. Тюменская конвенция: ориентир самоопределения, способ собирания сообщества / Отв. ред. В.И.Бакштановский. - Тюмень: Центр прикладной этики: XXI век, 2000. - 96с.

В четвертом выпуске “Тетрадей” представлены материалы, отражающие результаты реализации второй части проекта, посвященного созданию этической конвенции регионального сообщества журналистов: фрагменты стенограмм семинаров, варианты проекта конвенции, обзоры экспертного опроса и рецензий. Выпуск завершается анализом результатов проекта.

Проект реализуется при финансовой поддержке Фонда Форда, при партнерском участии Союза журналистов Тюменской области, Национального института прессы, организационной поддержке администрации г. Тюмени и департамента информации и региональной политики администрации Тюменской области, информационной поддержке ГТРК “Регион-Тюмень”, газет “Тюменский курьер” и «“МК” в Тюмени».

Редактор выпуска И.А. Иванова. Оригинал-макет И.В. Бакштановской. Научно-организационная работа М.В. Богдановой. В подготовке выпуска принимали участие: В.А.Кабакова, Н.В.Попова, А.П.Тюменцева.

Подписано в печать 25.12.2000. Формат: 60x84/8. Гарнитура Arial Cyr. Усл.печ.л. 6. Тираж 250 экз. Отпечатано с готового макета в типографии издательства “Вектор-Бук”. Лицензия ПД № 17-0003 от 6.7.2000.

Адрес редакции:
РФ, 625002, Тюмень, ул.Немцова, 39-83, тел./факс (3452) 24-02-26

© Центр прикладной этики: XXI век. 2000.

СОДЕРЖАНИЕ

Нравственное саморегулирование “цеха” не завершается созданием конвенции, а лишь начинается им (<i>Предисловие редактора</i>)	5
“...Мы – конструктивная телерадиокомпания, которая хотела бы, чтобы в стране состоялось гражданское общество, а оно на тотальном отрицании не строится” (<i>Фрагменты стенограммы семинара “Тюменская этическая медиаконвенция в свете опыта хартии Национальной ассоциации телерадиовещателей” в ГТРК “Регион-Тюмень”</i>)	7
Тюменская медиаконвенция: встреча с проблемой “журналист – редактор – собственник” (<i>Обзор семинара в администрации Тюменской области</i>)	19
“...Принимать ответственность на себя или искать способы уклониться, списывая все на трудную ситуацию в обществе” (<i>Обзор материалов экспертизы первого варианта конвенции</i>)	26
Тюменская этическая медиаконвенция (<i>Вариант для заключительного семинара</i>)	40
“...Все, что здесь происходит, – это действительно новое освоение медиапространства” (<i>Обзор стенограммы заключительного семинара</i>)	47
Тюменская этическая медиаконвенция (<i>Итоговая версия</i>)	72
<i>В.И.Бакштановский, Ю.В.Согомонов</i> Тюменская этическая медиаконвенция: прецедент польдера	79

НРАВСТВЕННОЕ САМОРЕГУЛИРОВАНИЕ “ЦЕХА”
НЕ ЗАВЕРШАЕТСЯ СОЗДАНИЕМ КОНВЕНЦИИ, А ЛИШЬ НАЧИНАЕТСЯ ИМ
(Предисловие редактора)

Еще несколько лет тому назад очень многим в России казалось, что страна твердо выбрала свой путь. Укрепилось мнение, что новое – третье – сословие надежно сидит в русской птице-тройке (вспомним, что в гоголевской “птице-тройке” сидел именно предприниматель Чичиков). С не меньшей уверенностью можно было утверждать, что самоопределилось и еще одно сословие, точнее – “цех”. Журналистское.

И вот сегодня *чичиковы* уже не могут с достаточной определенностью надеяться ни на то, что усидят в “тройке”, ни на то, что по-прежнему определяют ее направление.

По-моему, уверенность (и даже самоуверенность!) должна, наконец, оставить и корпорацию журналистов. Ей – хочется или не хочется – предстоит новое самоопределение. Или хотя бы попытка понимания: куда сегодня летит русская “птица-тройка”, кого несет она на себе, что и как могут изменить те, кто сидит в “тройке”, в направлении ее (страны) движения и в своей собственной неповторимой жизни.

Речь идет о попытке своим интеллектуальным поиском рационально объяснить особенности нового российского *перелутья*, своим жизненным и деловым успехом наполнить содержание сценариев для модернизирующейся России, творчески выстроить свою индивидуальную биографию, определяя как свой собственный жизненный путь, так и сценарные надписи на сказочном придорожном камне, прогнозирующие пути для всей страны – и для профессиональной корпорации.

На эту тему и работает проект “Тюменская этическая медиаконвенция”.

В 4-ом выпуске “Тетрадей...” собраны материалы как первого, так и второго этапа работы проекта. Первый из них представлен обзорами двух семинаров. Второй – экспертизой первого варианта конвенции, текстом второго варианта, вынесенного на итоговый семинар, стенограммой заключительного семинара, итоговым вариантом конвенции. Выпуск завершается аналитическим обзором деятельности проекта.

Проект “Тюменская этическая медиаконвенция” создавался усилиями прежде всего самих журналистов, редакторов, издателей. Важнейшей нашей – научных работников – задачей было не поддаваться соблазну самим написать искомый документ, а потом лишь предложить его на обсуждение, одобрение широким журналистским массам. Однако всякого рода этические документы, моральные обязательства должны возникать в сознании тех, кому придется жить в соответствии с этими обязательствами. Доказательством работы самого профессионального сообщества и служит публикация основных материалов проекта.

Подтверждением “встречного движения” журналистов и исследователей служит фрагмент рецензии журналиста Ю.И.Пахотина на второй вариант конвенции, посвященный предыстории проекта. Как рассказывает Ю.Пахотин, *первыми, кто осознал, что кроме интересов собственных изданий и их учредителей существуют еще и общие интересы журналистского сообщества, были руководители СМИ (издатели и редакторы). И они предприняли попытку хотя бы клубного корпоративного объединения. Были созданы последовательно: клуб редакторов тюменских городских СМИ, клуб редакторов областных СМИ, пресс-клуб “14 августа”. Однако все эти объединения не решились ни одной задачи корпорации и кроме организационных заседаний руководители СМИ под эгидой этих клубов больше и не встречались. Шло время и, наконец, сами журналисты осознали свои корпоративные интересы. После долгих, изматывающих дебатов все-таки удалось воссоздать Тюменский областной Союз журналистов. И, удивительное дело, он оказался жизнеспособным.*

Провели несколько мероприятий, встреченных с одобрением всеми журналистами, после чего появилась тяга, особенно у молодых сотрудников СМИ, вступить в еще недавно отторгаемый ими Союз. Начали создаваться первичные организации Союза журналистов в редакциях областных и районных СМИ (чего не было уже лет 10).

Но на фоне этой положительной тенденции к корпоративному объединению журналистов вне своих изданий сами СМИ продолжали информационные войны друг с другом, публиковали “заказные” материалы, сплетни в виде версий, печатали чужие материалы без ссылки на источники или вовсе за другой подписью, “черный пиар” под видом информации или редакционных статей и т.д., и т.п.

И профессионалы, носители традиций российской журналистики, робко заговорили о создании какого-то этического документа, который мог бы использоваться в качестве морального барьера на пути всей этой вакханалии, принимаемой за свободу слова. Постепенно идея, как говаривал классик, овладела массами. Как раз в это время начались этические семинары, появились специальные проекты.

Разумеется, и замысел проекта, и его результаты – варианты конвенции – были встречены неоднозначно. Кроме позитивного восприятия – и соответствующей конструктивной критики – проявилось скептическое и негативное восприятие. Например, по поводу амбиций конвенции, ее неготовности ограничиться “провинциальной” самоидентификацией (в масштабе видения ситуации и намерений проекта). Или в связи с тем, что модель конвенции не соответствует неким традиционным образам профессиональных кодексов. Можно даже говорить, что имело место и ее *неузнавание*.

Поэтому важной задачей проекта на его второй стадии было показать, что выбор именно такой модели, как *конвенция*, отражает современное – переходное – состояние ситуации и в обществе, и в цехе, которое трудно регулировать традиционным сводом принципов и норм. Такое переходное состояние требует большего внимания к размышлениям журналистов по мировоззренческим вопросам нравственных исканий и уклонения от доминирования собственно нормативной части. Модель разрабатываемой проектом конвенции – не для “готового” сообщества, а для *протосообщества*, атомизированного “цеха”, для начала процесса нового собирания корпорации. Именно поэтому она *сочетает* такой мировоззренческий раздел, как “Моральный выбор”, с разделом сугубо нормативным (“Минимальный стандарт”).

Представляется, что, независимо от того, какой выбор совершит профессиональное сообщество тюменских журналистов после создания конвенции, важно иметь в виду, что нравственное саморегулирование “цеха” не завершается актом творения конвенции, а, в известном смысле, лишь *начинается* им. Конечно, конвенция – обобщенный опыт “цеха”. Но никакой опыт не может быть финальным – он пролонгирован как *жизнь* самого сообщества. И тогда он не “мертвая буква”, а “дух”.

**“...МЫ – КОНСТРУКТИВНАЯ ТЕЛЕРАДИОКОМПАНИЯ,
КОТОРАЯ ХОТЕЛА БЫ, ЧТОБЫ В СТРАНЕ СОСТОЯЛОСЬ ГРАЖДАНСКОЕ ОБ-
ЩЕСТВО, А ОНО НА ТОТАЛЬНОМ ОТРИЦАНИИ НЕ СТРОИТСЯ”**

(Фрагменты стенограммы семинара

*“Тюменская этическая медиаконвенция в свете опыта хартии
Национальной ассоциации телерадиовещателей” в ГТРК “Регион-Тюмень”)*

Открывая семинар, президент ГТРК “Регион-Тюмень” А.К.Омельчук отметил, что компания одна из первых подписала национальную хартию телерадиовещателей. «И, честно говоря, одна из немногих компаний – в отличие от других телевизионных и радиомонстров – придерживается ее положений, ни одно из них практически не нарушено. Мы действительно стараемся работать не вторгаясь в частную жизнь, не “сливая” компроматы и т.п. Мы – конструктивная телерадиокомпания, которая хотела бы, чтобы в нашей стране состоялось гражданское общество, а гражданское общество на тотальном отрицании не строится».

По мнению А.К.Омельчука, сотрудникам ГТРК “действительно есть о чем поговорить”, “мысли наших журналистов и сотрудников, наверное, найдут отражение в конечном продукте проекта – Тюменской этической конвенции”.

При этом сам процесс работы над конвенцией даже более значим, чем конечный продукт.

Отдельный пункт программы семинара – выступление-консультации Ю.В.Казакова (Национальный институт прессы) на тему “Профессиональные кодексы как инструмент саморегуляции “цеха” (вокруг распространенного среди участников семинара пакета документов по профессиональной этике журналиста).

Затем выступил В.И.Бакштановский (Центр прикладной этики). Он рассказал о замысле проекта “Тюменская этическая медиаконвенция” и отметил, что семинар организован для обсуждения судьбы хартии НАТ – чтобы на ее примере попытаться спрогнозировать сценарии судьбы тюменской медиаконвенции.

Далее В.И.Бакштановский подчеркнул, что проект “Тюменская этическая медиаконвенция” реализуется усилиями прежде всего самих журналистов, редакторов, издателей. По его мнению, главная задача научных работников – участников проекта – не поддаваться соблазну написать некий документ, а потом предложить его на одобрение “широким журналистским массам”. На наш взгляд, всякого рода этические документы, моральные обязательства должны возникать в сознании тех, кому потом придется жить в соответствии с этими обязательствами.

В программе нашего семинара сказано, что будущая Тюменская этическая медиаконвенция рассматривается нами “в свете опыта хартии Национальной ассоциации телерадиовещателей”. Нам предстоит посмотреть, что из непростого, может быть даже драматического, опыта этой хартии стоит учесть, чтобы избежать тех проблем, с которыми она столкнулась сразу после подписания – в ситуации информационных войн. Хартия НАТ может стать уроком для нас прежде всего потому, что ее опыт содержит противоречие намерений и результатов и типичные реакции на это противоречие.

Характерна реакция, которая возникла в этой ситуации в сознании некоторых журналистов и тех, кто исследуют журналистское сообщество. По мнению одних, хартия сама себя дезавуировала, раз ее подписанты пошли на такой информационный конфликт. Другие добавляли, что не надо было и бумагу тратить на то, чтобы ее писать. В то же время была высказана и противоположная точка зрения. Например, Е.А.Злотникова, исполнительный директор НАТ, сформулировала такое возражение критикам хартии: “Сколько веков существуют библейские заповеди и сколько раз за это время они были нарушены? Но следует ли из этого, что библейские заповеди бессмысленны? Почему же факт нарушения хартии НАТ в процессе информационных войн должен заставлять нас думать, что такого рода документы не только бесполезны, но, может быть, и вредны?”.

Для того чтобы рационально обсудить этот вопрос, надо пройти между Сциллой банализации темы и Харибдой ее драматизации. Например, судьбу хартии НАТ можно чрезмерно драматизировать, то есть придавать факту информационных войн излишне

пессимистическое значение, что и происходит со многими критиками хартии. Но можно и *банализировать* тему профессионально-нравственных кодексов как таковых. Есть пространственная точка зрения, согласно которой неразумно для того, чтобы вести себя порядочно в профессиональной сфере, садиться писать эти документы, организовывать большие мероприятия по их обсуждению и подписанию. Сторонники этой точки зрения риторически спрашивают: неужели нормальный журналист сам не сделает того, что предписывают кодексы и хартии?! “Чтобы доносить до зрителя достоверную информацию, не лезть в частную жизнь, не показывать долго и крупным планом отрезанные головы, не сквернословить в эфире, нужно обязательно, собравшись в апостольском количестве, торжественно придумать телевизионную библию?”, – пишет один из телевизионных критиков. И ясно, что этот вопрос у него – вполне риторический.

Банализация реальных проблем нравственной жизни “цеха” может обернуться *обесмысливанием* саморегулирования профессии с помощью этических соглашений. Вспомним, как один из тюменских журналистов отозвался на работу “цеха” над будущей конвенцией: “журналисты – такие же профессионалы, как слесари, рыбаки и торговцы, и потому им не нужна никакая журналистская этика – достаточно общебиблейских заповедей”. Автору казалось, что этот аргумент – самый убедительный.

Но вот, например, актуальный конфликт французских журналистов с Министерством юстиции. Министр Дигу придумала новое толкование известного принципа презумпции невиновности. Ее толкование существенно ограничивает право журналистов публиковать фотографии, рассказывающие о трагических происшествиях, катастрофах и преступлениях. Если предложенный ею закон будет принят, то фото- и видеосъемка жертв преступлений, предполагаемых преступников, а также людей, пострадавших во время несчастных случаев, смогут появиться в прессе только с разрешения тех, кто на этих кадрах изображен.

По мнению французских журналистов, это означает, что само понятие сенсационной фотографии, острого репортажа из повседневной жизни исчезнет. Журналисты начали бороться с новой версией трактовки принципа презумпции невиновности такими аргументами: “В 1982-ом году исламисты взорвали бомбу в Париже у синагоги. На следующий день миллионы французов вышли на демонстрации по всей стране, чтобы протестовать против этой акции террористов, во главе колонны манифестантов шел Франсуа Миттеран. А вывели людей на улицы страшные фотографии пострадавших от взрыва детей, сделанные французскими репортерами и опубликованные в вечерних газетах. Если бы в 1982-ом году действовал закон Дигу, то никаких демонстраций протеста бы не было”.

Может быть этот аргумент поколеблет категорическую уверенность тех, кто считает, что у журналистов нет никакой особой профессиональной этики. Во всяком случае я хотел бы, чтобы наш семинар не поддавался на соблазн банализации проблемы, чтобы мы не потеряли смысл своей работы.

И все же задача семинара не в прямолинейном просветительстве, привнесении готовых ответов, а в совместном поиске ответов на вопросы программы. Как отмечено в ней, нам предстоит принять участие в создании Тюменской этической медиаконвенции. А способом обсуждения возможного содержания этой конвенции на нашем семинаре является анализ опыта предшественников, в частности близкий для ГТРК “Регион-Тюмень” опыт хартии НАТ. Нам предстоит проанализировать эту хартию и те суждения, которые уже высказаны журналистами, в том числе и вашими коллегами, по поводу хартии, и попытаться понять: что в ней сильного, что – слабого, и тем самым извлечь уроки для нашего собственного проекта.

А.Леошков: Разве не достаточно было бы обратиться к книге “Становление духа корпорации: правила честной игры сообщества журналистов”?

В.И.Бакштановский: Книга хорошая, и здесь присутствует часть ее авторов и редакторов, но многое в ней, на мой взгляд, ушло в прошлое. Слишком большие произошли изменения в жизни общества и СМИ с 1995 года. Как сказали мне участники прошлогоднего экспертного опроса, времена романтической этики – в прошлом.

Переходя к первому вопросу программы – Не является ли причиной неэффективности хартии НАТ подмена ее авторами и подписантами профессионально-нравственных мотивов создания этого документа мотивами внеэтическими, прагматическими?, – ведущий отметил, что такая формулировка вопроса отражает его скептическую гипотезу. И поэтому предложил участникам семинара отреагировать на проблематизацию первого вопроса программы, содержащуюся в двух группах экспертных суждений.

Первую, численно доминирующую группу суждений, объединяет акцентирование такого мотива создания хартии НАТ, как реакция на внешнюю угрозу “цеху”, мотив выживания, мотив целесообразности. В качестве иллюстрации были приведены конкретные цитаты. Е.Барабаш: “Конечно, лучше иметь что-то вроде официального документа, справки, что ты не посягаешь на основы нравственности, а то уж совсем затюкали со всех сторон, особенно с левой. Такой справкой, щитом, которым можно прикрываться от назойливых коммунистов и прочих недовольных, и призвана стать хартия”. М.Швыдкой: «если пытаются создать над нами какие-то комиссии по высшей этике и так далее, мы говорим: “Ребята, не надо нас извне контролировать, у нас много контролеров уже. ... Мы сами понимаем, что есть определенная ответственность, которая лежит на вещателе”». А.К.Симонов: “Хартия НАТ оказалась просто сиюминутной акцией для поддержания собственной безопасности вещателей... Сегодня кодекс для меня – инструмент целесообразности, ...кодекс становится способом самосохранения СМИ”. М.А.Федотов: “Эта хартия создавалась по инициативе ФСТР как средство утихомирить отношения телеканалов, прибрать их к рукам, навести порядок. С точки зрения наведения порядка идея правильная, я готов приветствовать создание этой хартии с мотивацией наведения порядка. Лучше мы сами наведем порядок в своем доме, чем кто-то со стороны придет наводить его”. М.Асламазян: «Когда большие вещатели по инициативе НАТ решили подписать хартию, это были инициатива “сверху” – инициатива главных редакторов – и дань моде, но никак не внутренняя потребность. Дело в том, что, на мой взгляд, реальной национальной индустрии еще не создано: десять лет – срок небольшой. Скорее всего показалось важным в тот момент, до выборов, сказать, что все мы святее Папы Римского, что сейчас мы подписываем хартию и будем жить по ней как по Библии».

Для второй – малочисленной – группы суждений характерно акцентирование собственно морального мотива создания хартии, ее ориентации на профессиональное самосовершенствование “цеха”. В качестве примера ведущий привел рассуждения Е.А.Злотниковой. *“Главное значение хартии в том, что это первый подход к саморегулированию, первый опыт формулирования его критериев... Я считаю важным выделить причины, по которым хартию подписали все центральные каналы и больше ста региональных телекомпаний, в том числе тех, которые жестко конкурируют между собой в связи с различиями в концептуальных подходах, политике, позиционировании, как теперь говорят, на рынке. Почему они согласились с основными принципами хартии? Думаю, потому, что для людей, которые хотят себя уважать, считать себя профессионалами, настало время осознать: насколько же они профессиональны, в какой мере их деятельность соответствует нормам профессиональной журналистики?”*

Может быть, беда хартии в том, что эта, только что процитированная, позиция не услышана? В том, что вместо мотивов из сферы профессиональной этики при создании хартии доминировали аргументы целесообразности?

Первым выступил А.Яшков: Когда в нашу редакцию программы “Город” попал текст этой хартии, я кинул реплику своему напарнику Сидоркину о том, что если следовать хартии, то надо собирать манатки и идти на троллейбусе работать. Или продолжать делать, что мы делаем. Конечно, если “сверху” упадет “бумага” о том, что надо стоять спиной в кадре, когда ты делаешь начитку, или, например, когда снимаешь трупы, камеру надо держать вверх ногами, – мы подпишем и эту бумагу. Но на деле будем исходить из того, что ждет телезритель, прежде всего, тот круг зрителей, на которого мы работаем, который знает нашу программу, а мы знаем, что он хочет увидеть. И потому пора узнать: эта хартия профессорам нужна или нам?

В.И.Бакштановский: Она нужна профессиональному сообществу.

Ю.В.Казаков: Давайте переадресуем вопрос присутствующим. Считаете ли вы, что эта хартия нужна журналистам?

А.Леощков: Вы задаете странный вопрос, потому что ответ на него известен заранее. То же самое с вопросом о том, не является ли причиной неэффективности хартии подмена ее авторами и подписантами реальных мотивов этого документа другими мотивами. Явный ответ – “да”. А что дальше: продолжать критику хартии или переходить к составлению конвенции для тюменской корпорации? Пока вы подаете нам вопросы для критики хартии.

В.И.Бакштановский: Для того, чтобы посмотреть, что в ней удалось или не удалось. И тогда извлечь уроки будущей тюменской конвенции. Я не вижу здесь “или”.

Н.П.Петрушина: Заказ на тюменскую этическую конвенцию поступил от нашего Союза журналистов?

В.И.Бакштановский: Идея создать конвенцию возникла одновременно у правления тюменского Союза журналистов и в Центре прикладной этики. И в этом смысле идея не навязана сообществу, инициирована им. Это мне кажется важным, ибо эффект от такого навязывания был бы неутешительным – вот и в начале семинара мы уже чувствуем настороженность некоторых его участников.

Н.П.Петрушина: Вернемся к вопросу о том, нужна ли хартия НАТ журналистам. Я полагаю, что она была создана в силу объективных причин. Ее просто необходимо было создать, пусть и такую несовершенную – информационный терроризм на экранах и заставил задуматься тех, кто подписал хартию от имени своих коллективов. Среди журналистов региона, я не хочу никого обидеть, очень много непрофессионалов. Сам по себе диплом об окончании факультета журналистики, мне кажется, не дает права сразу говорить на такую огромную аудиторию. Нужно каждый день доказывать, что ты на это имеешь право. Я, как редактор, могу помочь, научить, подсказать, но ведь у многих амбиции: если я получил право на эфир, то что хочу, то и ворочу. И потому самоограничение, саморегулирование очень важны для журналистов. Хартия должна была родиться.

В.И.Бакштановский: Если кому-то показалось, что на первый вопрос программы ответ очевиден, – я бы не согласился. Мне кажется, что эта хартия теряет в своем эффекте по совершенно простой причине: когда какой-то этический документ создается по внешним мотивам, он обесценивается.

Я чуть ли не продавливаю этот тезис в этой аудитории, потому что боюсь, что то же самое произойдет и с тюменской конвенцией. Опасаюсь, что и она может быть востребована по внешним соображениям. Например (я говорю лишь условно!), правление Союза хочет выслужиться перед областной властью, показать ей, что оно, благодаря этической комиссии, может держать всех вас в кулаке, а Бакштановским просто воспользовались – он напишет документ или убедит тюменских журналистов, что это они написали (у Бакштановского хитрости хватит). Именно поэтому, вовлекая профессиональное сообщество журналистов Тюмени в процедуру по созданию Тюменской этической конвенции, я намеренно закливаю на качестве мотивов создания таких документов, чтобы не попасть в ситуацию, в которой была подписана хартия.

В.Н.Битюков: Можно ли утверждать, что в хартии НАТ превалировали утилитарные мотивы? На мой взгляд, в создании этой хартии задействована сумма мотивов. Первый мотив – это политический заказ. Над журналистами раньше был идеологический контроль, а сегодня у журналистов, особенно молодых, нет механизмов сдерживания. Нужен новый механизм и его стали готовить – в виде Высшего совета по этике. Это заставило самих вещателей проявить инициативу создания хартии хотя бы из чувства самосохранения, чтобы можно было уйти от угрозы появления новых отделов пропаганды, чтобы можно было возразить власти: мы сами будем профессионально решать свои вопросы. Мы знаем мировой опыт саморегулирования, мы сами создадим для себя “правила игры”. И мы от своей компании эту хартию подписали – потому что находим много полезного для себя. И она работает, ее нормы восприняты в нашей повседневной работе. Еще раз: хартия НАТ создана под влиянием сразу нескольких мотивов.

А.А.Швецов: Не стоит утверждать, что хартия плоха уже потому, что ее создание мотивировано стремлением журналистов выстроить щит самообороны. Да, она действительно создана и по этому мотиву. Нашему профессиональному сообществу по-преж-

нему надо защищаться. Я считаю, что от этого никуда не денешься, – мы живем в таком обществе. В то же время хартия “сырая” – в ней маловато мирового опыта журналистских сообществ, других кодексов. И так как главная цель нашего семинара – помочь создать тюменский кодекс, в нем должны быть учтены все недостатки хартии НАТ. И при этом нужна конкретность, учет наших местных специфических условий.

В.Н.Битюков: Может быть, это не очень корректно прозвучит, но некоторым из нас и не надо составлять конвенцию для себя. Мы уже работаем в ее духе.

Реплика: Но если эту хартию соблюдать, то кто нас вообще будет смотреть: она состоит из сплошных ограничений. И если все их принимать во внимание, то невозможно будет провести ни одно репортерское расследование.

А.К.Омельчук: Это только А.Яшков считает, что в хартии заложено ограничение его репортерской свободы.

А.Яшков: А как же быть с запретом на вмешательство в частную жизнь? Давайте возьмем конкретный пример. Мать двоих маленьких девочек ушла из дома, оставив их закрытыми. Ее не было дома три недели. Девочки – самой старшей четыре года, младшей – два года – голышом бегают, водой все затоплено. Если бы я не зашел внутрь этой квартиры (а она не пускала меня с камерой), то не смог бы донести до телезрителей весь тот ужас, в котором находились дети, и не смог бы воздействовать на таких матерей, на души телезрителей, чтобы не допустить других фактов такого рода.

А.К.Омельчук: А можно ли топтаться по одной частной жизни, чтобы дать пример другим? Эта мать – тоже живой человек, может быть, чем-то страдающий. Прежде чем выносить чужую жизнь в эфир, ты должен подумать, как сделать это деликатно. И хартия помогает в этом отношении.

А.Яшков: Какая деликатность? Я просто отпихнул ее и вошел в дом с понятиями. Давайте оговорку сделаем, что в некоторых случаях вмешательство в частную жизнь допускается.

Реплика: Без пояснения этот принцип хартии кажется сомнительным. Ведь есть же у нас право на внимание к частной жизни публичных политиков, других деятелей?!

В.И.Бакштановский: Тонус разговора повысился, как только от абстрактных рассуждений перешли к конкретным ситуациям. Но так ли уж очевидны решения? В хартии то ли норма неудачно сформулирована, то ли она намеренно сделана жесткой? Но ощущаем ли мы, что когда хотим, чтобы норма была более гибкой, то не только увеличиваем возможности журналистской свободы, но и входим в конфликт со свободой гражданина? Ведь побудительная сила такого рода профессиональных кодексов заключается в том, что они пытаются отрегулировать конфликт двух свобод, двух прав. Когда не сталкивается право журналиста на информацию с правом человека на частную жизнь, будь то мать двоих детей или другой какой-то пример, тогда вроде бы и проблем никаких нет, никакая хартия не нужна. Хартия является необходимым документом тогда, когда нужно решить конфликтную ситуацию, когда журналист должен сделать моральный выбор.

За полтора часа работы я впервые произнес то ключевое слово, которое, собственно, и составляет, мне кажется, задачу всех кодексов – дать журналисту осознать себя субъектом морального выбора и мне кажется задать его ориентиры.

Ю.В.Казаков: В.Бакштановский говорил о конфликте двух свобод, а за ним еще стоит право гражданина на информацию и право общества на информацию: журналист в данном случае – это скорее инструмент. Хотя есть своеобразные права журналиста, но в данном случае речь идет о праве общества на информацию. И такого рода конфликты учитываются в хартии. Двадцать лет искали и нашли очень точную формулировку.

Г.М.Ниязова: У меня нет особых разногласий с этой хартией. Мы, по крайней мере старшее поколение, давно живем по этим нормам, для нас это уже внутренние нормы.

Однако у меня складывается такое впечатление, что хартия создана для провинциальных компаний – те ограничения, которые существуют для нас, не существуют для столичных компаний. Они позволяют себе показывать отрезанные головы, высказываться как угодно и в чей угодно адрес, естественно, в угоду тем, кто владеет этими компаниями. Может быть, действительно существует два нравственных закона – для провинциального мира и для Москвы. Только зачем они поставили под хартией свои подписи?

Н.П.Петрушина: Я совершенно не боюсь, что хартия будет исполняться только региональными компаниями. У нас умный народ – телезрители и радиослушатели. Наступит время, когда он поймет, что СМИ посягают на его свободу как телезрителя, и переключится на другой канал.

Ю.В.Казаков: Это ложная версия. Она как бы правильная, ибо пришла из цивилизованного социума, где можно выбирать из пятидесяти каналов. А если у телезрителя один канал? Нельзя рассчитывать только на возможность переключения кнопки.

А.К.Омельчук: Первый вопрос программы семинара сформулирован намеренно провокационно – в него заложена оценка и указана причина неэффективности хартии. Идеологи семинара за все наше телевизионное сообщество решили, что хартия не работает или работает неэффективно. А я хотел бы сказать иначе: “Хартия работает”. Да, наши московские коллеги показывают весь этот бедлам, отрубленные головы, киллерство политическое. А мы занимаемся и будем заниматься нормальной, цивилизованной и нравственной телевизионной журналистикой. И предмет гордости многих членов нашего коллектива то, что, в отличие от первых двенадцати подписантов, мы практически не нарушаем эту хартию. И она действует уже на уровне таких конкретных понятий, как стыд и совесть.

Кстати, когда руководители основных каналов, кроме РТР, говорят об информационных войнах, они извиняются, у них оправдательный тон – это на них давит в том числе и хартия, то, что они ее подписали. Даже агрессивный Леонтьев выглядит оправдывающимся. А нам практически не в чем оправдываться, мы стараемся работать профессионально.

Я бы внес поправку в первый вопрос, убрал оценочные категории. Почему, например, недоумевает Леошков? Потому, что гипотеза разработчиков первого вопроса семинара внушает ему, что хартия безнадежна и бессмысленна. А наш опыт показывает обратное. И учитывая уроки хартии и свой опыт, мы вполне можем выработать тюменскую конвенцию.

Завершая обсуждение первого вопроса, В.И.Бакштановский еще раз подчеркнул, что в нем содержится его *гипотеза*: я намеренно заложил в вопрос свое видение, предполагая право каждого с ним не соглашаться. Еще раз поясню, почему я так продавливаю значимость мотива подписания тех или других профессионально-этических документов. Представьте себе, что сегодня, после того как завершится наш семинар, я буду беседовать с кем-то из своих коллег и меня спросят: “Ну как прошел семинар? Охотно ли участвовали в нем сотрудники ГТРК? Проявили ли они активность по доброй воле, был ли у них профессиональный творческий интерес, хотелось ли разобраться в вопросах профессиональной этики и потому они забросили все дела и пришли на семинар?”. “Нет, – отвечу я, – о доброй воле речи нет. Просто президент компании своей волей, административным ресурсом, поручил назначенным людям участвовать в семинаре, а они, понимая, что такое административный ресурс, на семинар пришли”.

Разве такой ответ не обесценит значение нашей сегодняшней работы? Конечно, я понимаю, что абсолютная добрая воля – в чистом виде – в реальной жизни проявляется редко. Но и доминирование утилитарных мотивов не красит наши поступки. В сознании человека чаще всего действует комплекс мотивов, от самых высокоморальных до самых житейских. Вот так же и с хартией телерадиовещателей могло бы и должно было произойти. Я не настолько наивен, чтобы осуждать создателей и подписантов хартии за то, что они хотели с ее помощью прикрыться от внешнего регулирования со стороны государства. Это нормальный мотив, это человеческий мотив, и думаю, что большинство сообществ, которые создавали для себя профессионально-этические документы, этим мотивом руководствовались. Но ведь не только им. Когда в моральных документах просматривается голая целесообразность, тогда ни к чему употреблять слово “мораль” – создавайте уставы, административные регламенты и не пишите “профессиональная этика”.

Мне кажется, что или авторы хартии забыли о том, что неплохо бы продекларировать такой мотив, как профессионально-нравственное самосовершенствование, или просто критики хартии не поняли, что к ее созданию авторов побудило несколько мотивов. Поэтому так важно, что сегодня прозвучала эта идея о целом спектре мотивов – не только без моей “подсказки”, но и вопреки моей гипотезе.

Урок нашего семинара для создаваемой тюменской этической медиаконвенции – понять, что она не должна разрабатываться только ради утилитарных соображений. Их стыдиться не надо, ибо мы живем в реальных обстоятельствах, но не стоит забывать и мотивы профессионально-нравственного самосовершенствования.

В.И.Бакштановский: Получилось так, что обсуждая первый вопрос, мы фактически затронули и второй вопрос программы: свидетельствует ли участие подписантов хартии НАТ в информационных войнах о том, что саморегулирование СМИ через кодексы – утопия? Появился соблазн сразу перейти к третьему? Но Нина Петровна Первушина не дала нам сомкнуть этот вопрос, сказав, что иначе мы автоматически признаем, что информационные войны дезавуировали НАТ, что хартия НАТ – сплошная утопия, а, значит, то, что мы начали делать в Тюмени, получит такую же оценку.

Чтобы проблематизировать обсуждение второго вопроса программы, ведущий предложил рассмотреть ряд мнений об эффективности – неэффективности хартии НАТ, предлагая решить: адекватны ли реакции цитируемых критиков на участие подписантов в информационных войнах?

С одной стороны, это “суждения-приговоры”. А.К.Симонов: *«Хартию растоптали сами подписанты. Всем подряд – “неуд”, нет даже троечников. В итоге хартия доказала свою несостоятельность»*. М.Пономарев: *“Хартия дезавуирована всеми каналами: несколько дней спустя в эфире показана порнография (пленка с человеком, похожим на Скуратова), а телеканалы проявляют какое-то маниакальное удовольствие от показа отрубленных голов, расстрелов и т.д. ...Иными словами, бумагу надо экономить и хартии, вероятно, подписывать не стоит”*. С другой стороны – “суждения защиты”. Е.А.Злотникова: *“Понимаю, что большой вопрос для НАТ и ее хартии – ситуация острой информационной борьбы каналов во время избирательной кампании. Сразу, как только эта борьба обозначилась, нам стали задавать вопросы: а как же хартия, в которой написано о недопустимости таких методов конкуренции? Значит, хартия – искусственное образование, сразу же провалившееся при столкновении с жизнью? На одной из встреч, где обсуждались эти вопросы, мне пришла в голову мысль: разве частое нарушение библейских заповедей означает, что эти заповеди неправильны? Разве можно сказать, что заповеди Христа провалились? Разве то, что они, признанные как правила и постулаты, которым человечество должно следовать, к которым оно должно стремиться, не выполняются в силу несовершенства общества и человека означает, что человечество недостойно жить или что эти заповеди были неправильными? Отнюдь нет, ибо такая совокупность постулатов позволяет обществу видеть планку, определить для себя идеальные нормы, а человеку различать добро и зло”*. Маша Слоним: *“Может быть, она и должна существовать, даже если ее сразу же стали нарушать. Как заповеди, да? Ты же не все заповеди выполняешь, но ты знаешь, когда грешить, как надо и что ты делаешь не так, как надо. Может быть, и хартия НАТ тоже должна существовать, чтобы иметь какую-то планку поведения и знать, насколько ты удалился от идеала”*.

Итак, взвесив оба типа суждений, какой из них можно считать более адекватным?

В.Н.Битюков: Я не думаю, что участие в информационных войнах – это конец хартии. Хартия – документ на длительную перспективу. Все мы живем в реальных обстоятельствах и часто поддаемся им. Но хартия этим не отменяется. Например, возникли обстоятельства и часть сообщества оказалась не готовой соблюдать хартию, ввязалась в борьбу. Но принципы хартии не уничтожены. Даже участвуя в информационных войнах, журналисты осознают, что поступают вопреки журналистской этике, нашему общественному договору. Если я нарушил этот договор, то буду сам себя судить, анализировать свои поступки и все равно вернусь к той норме, которую описывает хартия. Значит, хартия работает, это перспективное соглашение, в него заложены достойные ценности.

А.Яшков: Хартия не утопия, хотя бы потому, что мы ее обсуждаем.

В.И.Бакштановский: Вообще-то я ждал от участников семинара скорее скепсиса, а то и нигилизма. Я был готов услышать, что хартия нереалистична, что в жизни мы, жур-

налисты, все равно все делаем по-другому – иначе мы не будем журналистами, ибо критерием профессионализма журналиста является именно нарушение заповедей, а тот, кто в рамках этих заповедей живет, – бестолковый журналист, бесполезный, от него проку нет.

Однако, если семинар полагает хартию НАТ не утопичной, тогда попытаемся укрепиться в этой позиции. Как вам понравился аргумент, с которым Елена Злотникова отбивалась от всех утверждающих, что хартия НАТ дезавуирована, ссылаясь на судьбу библейских заповедей? Это работающий аргумент?

Г.М.Ниязова: Библейские заповеди для психически нормальных людей – внутренняя норма. Люди могут нарушать эти нормы, но не могут не возвращаться к ним. И нормы хартии выводились из представления о профессиональных качествах нормальных журналистов. Понятно, что бывают крайности, но это говорит о людях, а не о заповедях.

Н.П.Петрушина: Если следовать пессимистической логике, которая заложена во втором вопросе программы, значит мы все живем в аморальном обществе. Если закон нарушается, он что, перестает быть законом? Конечно, хартия – не утопия. Более того, я бы предложила всем вновь поступающим на работу журналистам подписывать вместе с заявлением и эту хартию.

В.И.Бакштановский: Это уже делается на ТВ-6 – Пономарев требует, чтобы в отделе кадров вновь поступающие журналисты подписывали хартию НАТ, именно подписывали. А нарушение какой-то нормы является основанием для очень серьезных административных санкций.

И в дополнение – информация к размышлению. Как быть в ситуации, когда этические документы, подписанные от больших профессиональных сообществ, оказываются подорванными из-за серьезных нарушений? Полагаю, что один из возможных ответов дает А.К.Симонов (Фонд защиты гласности). *«Важно учесть, что этический кодекс может существовать только для тех, кто признал его над собой. То есть на самом деле желание некоего сообщества отделить овец от козлиц, “чистых” – от “нечистых” практически невыполнимо по причине того, что кодекс подпишут только “чистые”. “Нечистые” могут не подписать этого кодекса и, следовательно, он будет не властен над ними. Что делать? Тем более, если в одной и той же редакции окажутся и те, кто подписал кодекс, и те, кто его не подписал.*

Один из выходов – создание особого рода сообществ, ассоциаций, в которые войдут только те, кто подписывает кодекс. Например, гильдия судебных репортеров, в которую входят лишь те, кто признал ее кодекс, своеобразный этический стандарт. Их, по-моему, сегодня в гильдии всего человек 35. Но это марка. Например, такой журналист приходит к судье: вот, пожалуйста, мои “корочки” – я член гильдии судебных репортеров. И судья уже знает, что это человек, с которым безопасно разговаривать: он не перевернет твои слова. Тем более, что гильдия учреждена с помощью Верховного суда и Арбитражного суда, а в ее уставе сказано, что вся гильдия своим авторитетом отвечает за каждого своего члена. Вот такого рода сообщества и надо создавать.

Сейчас начали публиковаться расследования, которые сопровождаются такой “шапкой”: “Сделано в соответствии с программой “Чистые перья”. Это означает, что сама тема расследования прошла экспертизу, что в нем обязательно есть несколько источников информации, что факты перепроверены. Кроме того, перед публикацией ее “фигуранту” было предложено прокомментировать факты, содержащиеся в расследовании. Уже опубликовано три или четыре расследования под этой “шапкой”.

Вероятно, в этом направлении можно создавать и другие сообщества, гильдии».

Третий вопрос программы: Какая из дискутируемых в СМИ моделей этической миссии “цеха” – “контрольно-административная” или “консультативная” – в большей степени отвечает задачам саморегулирования “цеха”?

В.И.Бакштановский: Последний вопрос семинара связан с той институцией, с помощью которой профессиональные сообщества пытаются применить созданные ими кодексы и хартии. У институции могут быть разные названия – “Этический комитет”, “Этическая комиссия”, “Жюри”, “Коллегия” и т.п.

В процессе разработки хартии НАТ был предусмотрен такой шаг, как создание общественного совета, который бы занимался контролем за исполнением хартии и разбирался бы с ее нарушителями. Но этот общественный совет не был создан, по многим версиям никогда не будет создан, потому что легче было договориться о содержании хартии, чем о функциях этого совета. Существует две модели общественного совета для хартии НАТ, и я предлагаю вам на обсуждение каждую из них, чтобы можно было заранее предвидеть “плюсы” и “минусы” будущей этической комиссии, создаваемой под тюменскую конвенцию.

Первая модель – когда этическая комиссия выполняет административно-контрольные функции – почти судебная инстанция, только в сфере профессиональной морали, она использует хартию как инструмент, на основании которого можно вынести не только моральные, но и административные санкции. Вторая модель – этическая комиссия должна выполнять лишь экспертно-консультативные функции.

Когда, например, у А.Яшкова и А.К.Омельчука возникает ситуация резкого расхождения в оценке описанного выше сюжета с матерью двоих дочерей, можно обратиться в этическую комиссию, в составе которой есть и люди, обладающие жизненным опытом и моральным авторитетом, и эксперты по профессионально-нравственным кодексам, которые осведомлены о мировом и российском опыте регулирования такого рода конфликтов. Они помогут разрешить конфликт через диалог, а не методом монолога руководителя с соответствующими санкциями.

В.Н.Битюков: Обе модели комиссии неприемлемы. Особенно – административно-контрольная модель. Надо ли нам, чтобы кто-то был еще и моральным судьей? Важнее подумать о механизме творческого сотрудничества вещателей для того, чтобы каждый мог в таком сотрудничестве оценить свою позицию, поведение, чтобы мог опереться на внутренний самоконтроль, а не навязанный извне. Я хочу быть субъектом, а не объектом.

А.К.Омельчук: Я предлагаю в будущей тюменской этической конвенции записать: “конвенция не обязательна для персонального исполнения” – и потом наши подписи. Мы ее признаем, но лучшее признание – это не обязательное ее исполнение, а внутреннее отношение. И если внутреннего посыла, осознанной необходимости, нет, то и об ответственности за нарушение конвенции речи не может быть.

Конвенция – это внутренняя конституция, а не внешняя, поэтому загонять себя в ту или другую модель комиссии не надо. Если мы с вами разработаем свод ценностей и норм, к которым сами внутренне стремимся, если подписываясь, соглашаемся не только разумом, но и сердцем, то и комиссия не понадобится. Эта конвенция о свободе и она должна начинаться со свободного принятия того или другого, можно ее подписать, но исполнять не обязательно.

Ю.В.Казаков: Предложенные участникам семинара для обсуждения модели этической комиссии не выдуманы. Возьмем этический кодекс татарстанского журналиста. Он почти схож с общероссийским. Почти. Ибо содержит абзац о том, что любое умышленное нарушение принципов профессиональной этики рассматривается как серьезный проступок, наказуемый дисциплинарным взысканием или даже увольнением из редакции. Посмотрите, как кодекс профессиональной этики превратился в инструмент, который может быть использован так, как это угодно административной инстанции.

И вот, например, такой человек с безукоризненным именем в нашей профессии, в ее информационной части, как Добродеев, после того, как хартия НАТ начала как бы сыпаться, сказал: “Вся беда в том, что в хартию не были включены жесткие санкции. Без жестких санкций такой документ не может работать. Это принципиальная ошибка”. Это мнение Добродеева, который еще не был директором ВГТРК. Мнение человека, который считает, что профессиональная мораль тоже нуждается в определенных санкциях. Какого рода санкциях? Моральных? Ведь не подать руки – это тоже санкция. В любом случае такая институция, как этический комитет, нужна, нужна как инструмент профессиональной этики. Вторая модель – консультативная – очень мягкая версия такой институции. Коллеги сами консультируют друг друга. И ограничиваются моральными оценками.

Кстати, Большое жюри Союза журналистов России опирается только на моральные санкции. Оно может, посоветовавшись по поводу конфликтной ситуации, показать наруше-

ния кодекса и ориентиры для выхода из конфликта. Но это только в отношении членов Союза.

Г.М.Ниязова: А вообще все это нужно – хартии, конвенции и т.п.? Есть внутренние ограничения. Они будут всегда. Есть моя честь и совесть. А если их нет, то никакая хартия не поможет.

Ю.В.Казаков: А если голос Вашей совести подскажет то решение, которое войдет в противоречие с общественными интересами?

Г.М.Ниязова: Значит я разным хартиям просто не буду подчиняться. И если в них не будет каких-то репрессивных методов, чтобы заставить меня действовать иначе, то меня они не будут волновать.

В.И.Бакштановский: Этот подход требует комментариев. Давайте подумаем о силе и слабости позиции, согласно которой в сфере морали окончательная инстанция – я сам, мои внутренние нормы, они неписанные и их вовсе не обязательно записывать. Но как быть с тем обстоятельством, что каждый из нас, являясь “я”, еще и входит в сообщество. И сообщество – профессиональное или сообщество человеческое в целом – изобрело такой инструмент, как мораль, который пытается согласовать мое “я” с другим “я”, иначе у нас будут постоянные, в лучшем случае, турниры, а в худшем – разборки, ибо каждый из нас убежден в том, что это его моральная позиция самая правильная, а позиция другого – неправильная.

Кто нас с Анатолием Константиновичем, вошедших в конфликтную ситуацию по совершенно конкретным профессионально-этическим вопросам, рассудит, если каждый из нас говорит: “Я последняя инстанция”? Нас рассудят этические нормы, которые существуют для такого рода конфликтных ситуаций. Нормы, прописанные в профессиональных документах, – чтобы могли опереться на опыт людей, которые в этих ситуациях уже оказывались, какое-то решение нашли, и это решение оценено “цехом” и занесено в коллективный опыт.

Хорошо, что мы почти стихийно вышли на тему морального самоопределения человека. Да, субъект – последняя инстанция уже потому, что это он принимает решение. Но важно, чтобы этот человек еще и сказал себе: “И другой человек – такая же самостоятельная инстанция, он тоже самоопределяется. И если наши интересы в сфере частной жизни или в профессиональной деятельности столкнулись, то выбор каждого должен быть сориентирован не только на его собственную позицию, не только на его личные неписанные правила, но и на те правила и нормы, которые человечество прожило, отрефлектировало и сообщило нам в разных формах – от заповедей до профессиональных кодексов”.

Хорошо, когда мы не забываем, что последняя инстанция в моральном выборе – это мы сами, но при этом помним, что такой же инстанцией являются и другие, и потому все эти инстанции должны заключать между собой некий контракт, общественный договор, хартию, конвенцию. Конвенция – это согласованные правила игры, и процесс согласования правил профессиональной этики журналистов является способом создания будущей тюменской конвенции.

Н.П.Петрушина: Возвращаясь к моделям этической комиссии, считаю, что предпочтительнее консультативная модель ее. С судьями, еще Грибоедов говорил, тяжело.

В.Н.Битюков: Поскольку мы говорим, что будущая тюменская конвенция – это договор об общественном согласии в нашем цехе, то если должен быть какой-то совет, то пусть он состоит не из аксакалов, а собирается по принципу творческого совета.

Н.П.Петрушина: И получится, как на наших летучках: если ты даешь мне деньги займы, я хвалю все твои передачи, не даешь – я их ругаю.

В.Н.Битюков: У меня возникло тревожное опасение. Мы обсуждали хартию НАТ, которая была подписана всеми вещателями в России, говорили, что в нее заложены хорошие нормы. И вот появились голоса людей, которых не устраивает отсутствие в хартии жестких санкций. Санкций, которыми бы оперировала некая комиссия. А не появилось ли и в Тюмени желание создать конвенцию, которую бы некая комиссия считала инструментом для того, чтобы держать в узде прессу?

В.И.Бакштановский: Именно потому, что представление о комиссии как некой административно-контрольной инстанции имеется и в столицах, и в провинции, я включил эту

тему в программу семинара. И ваши опасения, возражения предельно важны для того, чтобы верно сориентировать тюменскую конвенцию.

Завершая третий этап работы семинара, я доволен, что мы не поддались соблазну простого выбора из двух моделей этической комиссии, не попались вот в эту ловушку двух крайностей. Хорошо и то, что преодолели фобию любой комиссии, когда из опасения породить инквизицию, отказались от любой институции, аккумулирующей опыт “цеха”. Тем самым мы, вольно-невольно, поставили перед тюменским сообществом журналистов задачу взвешенного подхода к созданию этической комиссии.

Ю.В.Казаков: Поскольку семинар ориентирован на извлечение уроков для будущей тюменской конвенции, давайте в заключение подумаем над тем, какой она должна быть, учитывая, что в мировой, отечественной практике есть разные образы профессионально-этического кодекса журналистов. Есть документы с предельно конкретной расписанностью норм. Есть документы, которые говорят скорее о принципах, логике, о системе взаимоотношений, в том числе внутрикорпоративной цензуры. Какой же с вашей точки зрения должна быть тюменская конвенция? Более детализованной, чем хартия НАТ? Или она должна включать скорее принципы взаимоотношений журналистов Тюменской области и акцентировать проблему их солидарности? Или..?

Г.М.Ниязова: А чем мы отличаемся от журналистов, например, Самарской области? Почему у нас должна быть отдельная конвенция?

В.Н.Битюков: Отличаемся тем, что у нас есть Снисаренко и Золотухин.

А.К.Омельчук: А что, в Самаре нет никого подобного?

Ю.В.Казаков: Можно ли предложить версию ответа? Давайте сами себе скажем, что мы здесь обсуждаем вопросы корпоративного договора. Профессиональная корпорация предполагает достаточно консолидированные представления, на основе которых может возникать договор между корпорацией и обществом. Прежде чем декларировать обществу свои правила игры, надо сначала между собой договориться.

Как я понял идею тюменской конвенции? Тюменцы задали себе вопрос: можем ли мы в пространстве, которое нам доступно, собрать потенциальных корпорантов? Ведь у общества должно быть представление о профессии, ему, грубо говоря, наплевать, ты тележурналист, газетчик или еще кто-то. Оно хочет доверять журналисту как представителю “цеха”. Значит, надо попытаться собрать примерное представление о том, что такое журналистика современная, ее логика, ее принципы, ее нормы.

Посмотрим, что получится. Надо попробовать. Одни заранее уверены в успехе, другие скептически, третьи боятся именно успеха – предполагают, что конвенция обернется против них. В любом случае важно, что это не чисто исследовательский интерес, а интерес гражданского общества.

Реплика: А нужно ли общее представление? Не скучно ли будет и нам, и обществу? Пусть будут такие, как Яшков, такие, как Гульсина, а народ будет выбирать такого, которого он хочет.

Ю.В.Казаков: А разве речь идет о том, чтобы с помощью конвенции усреднить журналистов?

Реплика: Мне показалось, вы хотите, чтобы мы все одинаковыми стали.

В.И.Бакштановский: Это сомнение имеет право на существование. На всякий случай надо всегда бояться “усреднения”, нивелирования индивидуальности и т.п., но это опасение реализуется только в том случае, если вы уклонитесь от работы над конвенцией. А поскольку вы уже вовлеклись в этот процесс, то и не дадите такой возможности реализоваться. Например, не допустите в ее тексте требования административно-обязательного подписания конвенции. Или, например, предложите сделать этическую комиссию экспертно-консультативным советом.

Итак, опасения, фобии, если хотите, понятны, но реакция на эти фобии может быть разной. Можно и сказать идеологам проекта: “Ну вас, вам это надо, вы сами и занимайтесь. Нас сегодня Омельчук заставил, мы и посидели немножко, а потом расстались навсегда”. Можно и по-другому – работать над конвенцией вместе.

Ю.В.Казаков: Уважаемые коллеги. Для меня было неожиданным услышать опасения, что конвенция, да и любые кодексы, унифицируют профессию. Упаси бог. Наоборот, мне кажется, что мы пытаемся продвинуться к максимальным степеням профессиональ-

ной свободы. Кодексы лишь говорят: есть такие действия журналиста, которые запрещены для профессии. Давайте их и определим. Но все остальное – это пространство свобод. Более того, на это пространство никто не может покушаться – оно саморегулируется цехом.

В.Н.Битюков: Я хочу оспорить допущение Владимира Иосифовича о том, что мы здесь собрались лишь по приказу. Я прошу не банализировать, как вы говорите, и не драматизировать наши размышления и рассуждения. Здесь сидят думающие люди, которые пытаются понять и сформулировать свои представления о профессиональной этике, ибо в сообществе надо жить и работать по правилам. Не из-за страха мы собрались, нет. Это нормальный, профессиональный разговор опытных людей.

В заключение А.К.Омельчук поблагодарил всех участников семинара за мудрость и терпение, за то, что семинар дал возможность остановиться, оглянуться, поразмышлять над вопросами, которые в повседневной текучке уходят на второй план.

**ТЮМЕНСКАЯ МЕДИАКОНВЕНЦИЯ:
ВСТРЕЧА С ПРОБЛЕМОЙ “ЖУРНАЛИСТ - РЕДАКТОР - СОБСТВЕННИК”
(Обзор семинара 1)**

В своем вступительном слове В.И.Бакштановский (Центр прикладной этики) сообщил о замысле проекта Тюменской медиаконвенции в целом. Характеризуя первые шаги проекта, он рассказал об экспертном значении проведенных центром интервью и проблемных семинаров, показавших представления тюменских журналистов о практикуемых ими – и желаемых – “правилах игры”.

Именно в процессе этих акций центра и прозвучала характерная проблематизация такого рода “правил”. Вот фрагмент из интервью с В.С.Горбачевым (“Тюменская правда сегодня”): *«“Четвертая власть” как власть журналистов – это химера. Действительно, СМИ – это власть, но власть не журналистов, а издателей. Журналист здесь только наемный работник, как его ни назови. ...Прежде всего такую конвенцию между собой должны заключить издатели – никому не светит участие безработного».*

Надо ли доказывать, что это не только “тюменская” проблема? Яркое проявление ее в масштабах страны – кризис хартии НАТ. Не потому ли хартия “села на мель”, что в ней не были “проявлены” и специально закреплены “правила взаимоотношений” журналистов и редакторов с *собственниками* (явными и скрытыми)? Вот версия Анатолия Лысенко: *“Хартию НАТ подписывали честные и порядочные люди. Но они – генеральные директора каналов, а на самом деле на каналах все решают владельцы, которые ничего не подписывали. Это похоже на ситуацию, как если бы собрались лондонские дворецкие и написали правила поведения для джентльменов, посещающих клуб”.*

Но разве не возможны иные позиции собственника? В одном из интервью для нашего проекта Маша Слоним (телепрограмма “Четвертая власть”) отметила, что *“частный владелец в любой стране – может быть, к России это пока еще не полностью относится – в первую очередь заинтересован в том, чтобы его газета продавалась, телевидение смотрелось. Поэтому частный владелец должен быть заинтересован в том, чтобы на него работали именно журналисты-профессионалы. Частный владелец не играет в такой степени в политические игры, в какой, к сожалению, это делается в российских государственных СМИ. Так что легче, я думаю, все-таки работать на частного владельца, там больше здравого смысла”.*

Итак, ведущий предложил *первый* вопрос программы семинара: какими нормами и “правилами игры” руководствуются в случае внутренних конфликтов в редакции СМИ участники семинара? Конкретнее: какими “правилами игры” руководствуются журналисты? какими – редакторы? какими – издатели (собственники)?²

По мнению консультанта проекта Ю.В.Казакова (НИП, Москва), проблематизация взаимоотношений в системе “журналист – редактор – собственник” может быть представлена следующим образом.

Для журналистов

Чем регулируются (и регулируются ли) сегодня профессионально-этические отношения журналиста и редактора: в стране, регионе, вашем конкретном СМИ? Должны ли эти отношения соответствовать специальной, отсутствующей пока профессионально-этической норме – или для полноценного (с точки зрения самих сотрудников СМИ, но также и с позиции защиты интересов читателя) существования их достаточно выполнения журналистом и редактором Закона РФ “О средствах массовой информации”?

1 Авторы обзора – В.И.Бакштановский, В.А.Кабакова.

2 Участник семинара В.П.Юкечев – директор Новосибирского отделения НИП – предложил употреблять термин “владелец”, сославшись на подготовленный к обсуждению законопроект М.А.Федотова “Об основах экономических отношений в сфере массовой информации”: «Дело в том, что статус владельца или собственника может представлять как сам непосредственно владелец – он может выступать и издателем, иногда редактором, а очень редко – оставаясь и пишущим журналистом. Но при разрастании собственного бизнеса чаще всего он делегирует полномочия владельца другому человеку, приглашая его издателем газеты. Издатель представляет интересы собственника или владельца».

Конкретнее: При каких условиях позиция редактора способна восприниматься журналистом как цензура, недопустимое ограничение его права на свободу самовыражения? Как часто у рядовых журналистов возникает ощущение такого рода? Каким образом можно было бы минимизировать “встроенную” угрозу редакторского подавления авторской позиции журналиста? Не являются ли одним из выходов защиты авторской позиции журналиста, укладываемой в заявленной концепции издания, защиты его права на руководство при выборе позиции – именно писанные профессионально-этические нормы в виде кодекса редакции конкретного СМИ?

Для редакторов

Нуждается ли в “нормативной” защите от произвола собственника редактор, и если “да”, то в какой форме может конструироваться и выступать эта защита на внутрикорпоративном уровне?

Как обеспечить редактору тот уровень внутренней свободы, который позволял бы себя уверенно чувствовать и журналисту, – не всякому, разумеется, а тому, который уважает и соблюдает закон, уважает достоинство граждан, работает в режиме “профессионально правильного” поведения на всех этапах подготовки материала?

Для издателей-собственников

Нуждается ли в специальной *кодексной* артикуляции “регулирующей” позиции собственник, вынужденный опираться в своих взаимоотношениях со СМИ (и, главное, в своих взаимоотношениях за пределами СМИ, во внешнем, по отношению к корпоративному субъекту, миру) далеко не только на закон РФ о СМИ, но и на массу других законов, нормативных актов, а то и “понятий”?

Что может сделать сама корпорация для того, чтобы собственник СМИ был в наибольшей степени защищен от неправомерного внешнего давления (от власти и криминалитета – до “общественности”), деформирующего затем всю систему внутренних взаимоотношений в рамках конкретных СМИ и отражающемся как на качестве конкретного корпоративного “продукта”, так и на репутации конкретных членов корпорации и корпорации в целом?

Желательна ли, полезна ли для выстраивания устойчивой системы внутрикорпоративных отношений, основанных на взаимной ответственности корпорантов (в том числе “пограничных”, в лице собственника, имеющего интересы за пределами сферы СМИ) перед конкретным гражданином и перед обществом, разработка специальных “кодексов поведения” или кодексов внутренних взаимоотношений конкретных СМИ?

Если “да”, – какие опасности могут подстергать корпорантов, берущихся за их конструирование и стремящихся учесть интересы и журналистов, и редакторов, и владельцев СМИ?

Если “нет”, то какими другими институтами и инструментами может быть решена та же задача – в масштабах, минимально-достаточных для закрепления и развития самостоятельного, “рыночного начала” в жизни современной региональной прессы? Например: какие пункты должны вноситься в трудовые соглашения с редакторами и журналистами?

В качестве прецедентов “нормотворчества” со стороны главных менеджеров редакций В.Бакштановский привел позицию генерального директора канала ТВ-6 А.С.Пономарева. На одной из летучек он сказал: «Я прошу отдел кадров в каждом контракте с журналистами вписывать фразу об обязанности журналистов ознакомиться с положениями хартии и в своей работе им следовать. Прошу и в контрактах с производящими организациями, в договорах, по которым мы работаем, записывать требование: следовать положениям хартии. Это значит, что если однажды, например, возникнет конфликт руководства канала с программой “Дорожный патруль”, то у нас будет ориентир для его разрешения».

Другой прецедент. Руководитель радиостанции “Эхо Москвы” Алексей Венедиктов, один из подписантов Московской хартии, при приеме журналистов на работу дает новичкам ознакомиться с этой хартией и предлагает ее подписать. И люди ее подписывают – только на этом условии Венедиктов берет их на работу. Не формальная ли это процедура, работает ли она? Работает: если ты не согласен с хартией и потому ее нарушаешь, то зачем подписывал? Поэтому: нарушаешь – вылетаешь с работы.

Второй вопрос программы семинара ведущий сформулировал следующим образом: Возможны ли *согласованные* “правила игры” для *системы* отношений “журналист-редактор-собственник”? Если “да”, то в отношении каких “болевых точек” этой системы их стоит выстраивать в первую очередь?

В качестве примера одной из таких “точек” в отношениях “редактор – журналист” В.И.Бакштановский привел суждение, сформулированное в процессе проведенного им интервью, опубликованного в “Тетради... (3)”. *«Простой пример – вечное противоречие между амбициями журналистов, особенно репортеров, ведущих расследование, и позицией главного редактора. Чем более “горяча” ситуация, в которую проникнет журналист, чем более “горячий” материал он принесет, чем более резким будет этот материал на экране, тем более удовлетворены профессиональные амбиции репортера. Редактор же смотрит на эти вещи шире, он обязан – просто вынужден – смотреть шире, ибо в этом его профессионализм. Он может увидеть, как что-то в репортаже не стыкуется с концепцией канала, что-то, может быть, просто опасно для нравственного здоровья общества, что-то, быть может, очень “горячо”, но односторонне. И когда редактор говорит все это журналисту, то журналист нередко воспринимает его позицию как обычную цензуру, давление или, как иногда бывает у творческих людей, весьма ранимых и очень субъективно воспринимающих наш мир, как зависть редактора к творческому успеху сотрудника.*

Именно поэтому некое уложение, кодекс, документ, в котором прописаны действия, допустимые или недопустимые, например, для редактора, переводит конфликт начальника и подчиненного в дискуссию двух профессионалов, в которой можно опереться на признанную сообществом норму. Кстати, наличие такой нормы позволяет сделать более профессиональными журналистские летучки» (Н.Злотникова, НАТ).

Первый этап обсуждения вопросов программы начался с консультации, которую попросил условный журналист (роль его взял на себя ведущий), обратившийся к В.С. Горбачеву. «Я – начинающий журналист. Я уверен, что мы, журналисты, договоримся между собой о неких правилах игры в нашем “цехе” – в профессиональном сообществе – и будем использовать это произведение нашего общего труда для того, чтобы ориентироваться на него в отношениях между собой и, самое главное, в наших отношениях с получателями информации. И мне кажется, что такой кодекс будет самодостаточным. Но, судя по теме семинара, я заблуждаюсь?! Не могли бы вы и как редактор, и как представитель собственника дать мне консультацию о конфликтах, которые поджидают меня, если мы в своем кодексе не сформулируем нормы и “правила игры” в отношениях журналист – редактор – собственник»?

В.С.Горбачев: «Я в этих вопросах консультант плохой – никогда не умел регулировать, не моя это стезя. Я как-то больше надеялся на здравый смысл людей и понимание элементарных правил приличия. Если где-то в творческом коллективе редакции выстроены “железные” правила поведения, мне это не очень нравится».

С тем же вопросом ведущий обратился к Р.С.Гольдбергу (“Тюменский курьер”).

Р.С.Гольдберг: “Я назову только одну норму – всегда прошу наших сотрудников ссориться только со мной, а не друг с другом. Со мной они могут ссориться сколько угодно, могут говорить все, что думают, и получить в ответ все, что я думаю. Но совершенно недопустимо, чтобы сотрудники ссорились друг с другом. Я-то выдержу, а ссоры внутри коллектива могут породить затяжные конфликты. Они возникают из-за мелочей, но приводят к появлению кланов”.

Не слишком ли проста консультация мэтров по вопросу молодого журналиста? И консультант семинара *Ю.В.Казаков* (НИП, Москва) уточняет проблему: “Когда журналист выполняет свои обязанности, он вольно или невольно попадает в ситуацию, где его права, свобода, ответственность пересекаются с правами, свободой, ответственностью редактора. Возникает конфликтная ситуация: есть редакционная самостоятельность, есть право журналиста на мнение. Чем вы руководствуетесь в таких конфликтных ситуациях?”

В.С.Горбачев заметил, что это “конфликты прошлого”, еще тех времен, когда в Тюмени было всего две газеты, и не согласные с политикой издания журналисты вынуждены были терпеть. “А теперь сколько угодно газет. Не нравится здесь – иди в другую.

Сегодняшние конфликты – частного характера: у какого-то журналиста Васи есть друг Петя, а редактору он – враг. Журналист Вася очень хочет Петю похвалить, а редактор Иван Иванович, говорит, что он плохой человек”.

М.В.Богданова (Центр прикладной этики), не согласившись с В.С.Горбачевым, привела пример реального столкновения интересов собственника и журналиста. «В процессе работы над проектом мне пришлось побеседовать с более чем двадцатью журналистами. Журналистка одной из газет поведала историю, которая имеет, на мой взгляд, непосредственное отношение к нашему разговору. Пусть это и частный случай, но я как-то засомневалась в том, что конфликт “журналист – редактор” ушел в прошлое. Журналистка, проработавшая в газете более двадцати лет, журналистка с именем, отдает редактору материал. Тот делает небольшую приписочку к этому материалу, ориентируясь на приоритеты нового собственника газеты. Увидев – уже в опубликованном виде – свой материал, журналистка возмутилась. Редактор же на ее возмущение сказал, что у газеты изменился собственник и необходимо выражать его интересы. В итоге журналистка ушла из темы, в которой она работала двадцать лет. Кто виноват? Журналист, который как бы не выразил “линию газеты”? Виноват редактор?».

В.С.Горбачев: “В любой газете и сегодня, и вчера, и завтра редактор не должен без согласования с автором вносить правки – это аксиома. Тот, кто это делает – плохой редактор. Он должен вызвать журналиста, объяснить ему, в чем дело, сказать, что издатель сменился, и предложить своей рукой переписать текст, если тот не согласен – возвратит ему его материал и пусть идет вон”.

Р.С.Гольдберг: “Но это же какой-то мазохизм получается: человек должен сам себя изнасиловать”.

В.С.Горбачев: “Естественно. Если хочешь – перепиши материал. Не хочешь – иди в другую газету”.

Как видно из этого диалога, разговор пошел более конкретно: как редактор должен выстраивать свои отношения с журналистами и собственниками?

Первая версия. Со сменой собственника меняется и политика издания, и цель редактора – вести газету курсом, который определил собственник. Журналист при этом должен выбирать соответствующую его взглядам редакцию. К цитированным выше словам *В.С.Горбачева* добавим суждение *В.Н.Битюкова* (ГТРК “Регион-Тюмень”): “Если творчество журналиста совпадает с направлением редакции, он работает, сохраняя индивидуальность, собственное мнение, позицию. Если у журналиста появился другой взгляд, ему плыть на другом корабле”.

Второй подход. Для редактора главными остаются профессиональные правила. *Р.С.Гольдберг*: “Я прошу своих сотрудников, когда они готовят какой-то материал, разобратся и быть уверенными в том, что они пишут. А дальше сам редактор перед собственником несет ответственность за то, что написал журналист. Иначе, прошу прощения, произойдет проституирование нашей профессии”.

Третья точка зрения. Редактор выбирает позицию “середины”, редактор – буфер, редактор – дипломат. *Э.З.Юрченко* (ТРТР): “Редактор сегодня должен быть буфером между журналистами и собственниками, должен быть дипломатом, должен иметь взаимопонимание и с собственником, и с журналистом. Он должен из любой ситуации выйти так, чтобы материал, достойный эфира или публикации, ушел в эфир”.

В.П.Юкечев привел пример отношений коллектива редакции и собственника, процитировав кодекс газеты “Вашингтон пост”: “Газета в своих расследованиях идет как угодно далеко, даже если это может принести вред ее владельцу”. Чтобы такого рода кодекс стал выполнимым, по мнению Юкечева, нужна единая корпорация журналистов, в которую бы входили и владельцы газет. Другое дело – если владельцы предприятий, к примеру, действуют в интересах прибыли, то владельцы медиарынка (российского) стараются извлечь из СМИ другой доход, у них преобладают интересы политические, идеологические и др.

В.В.Садко (департамент информации и региональных отношений администрации области) предложил рискованный образ: сравнил профессию журналиста и сапожника, которые, по его мнению, в принципе ничем не отличаются. «Есть собственник, который создал свое предприятие, нанял управляющего сапожной мастерской и сапожников. Этот

собственник имеет право спокойно сказать, например, что сапоги на рынке не пошли, и он будет выпускать грампластинки. Рабочие оказываются не “у руля”. Точно так же может быть и с журналистами. Собственник говорит, что информация не окупается, будет заниматься порнографией или выпускать спортивный еженедельник. И журналисты вынуждены перестраиваться, ибо именно собственник задает правила игры. Каким образом журналистам защитить свои интересы, свои права? Это следует делать через институт профсоюза».

Сравнение журналиста с сапожником некоторым из присутствующих не понравилось, но разговор активизировался. Мотивированное возражение привел *Ю.В.Казаков*. «Журналистика – это другая профессия: она сочетает в себе свободу, публичность и долг. Кстати, в российском законодательстве о СМИ впервые это слово прозвучало в законе о СМИ одним из авторов которого был М.Федотов, там есть понятие “общественный долг”. Это первая попытка привязать нас к старому и устойчивому европейскому требованию. Вот как формулировалась в 1993 году (новее резолюции по профессиональной этике нет) логика профессионально-этических взаимоотношений внутри информационных организаций: “издатели и журналисты должны сосуществовать, помня о том, что законное уважение идеологической ориентации издателей и владельцев должно быть ограничено абсолютными требованиями достоверности информационных сообщений и соблюдением профессионально-этических норм журналистики”».

По мнению Ю.В.Казакова, у нас очень плохо защищены права редактора, по отношению к собственнику в том числе, по отношению к собственнику государственному – еще хуже. Эти права нигде не прописаны. Особенно по отношению к финансовым группам, которые формально, по европейским позициям, не должны оказывать воздействие на редакционную позицию. Но есть резолюция по журналистской этике Совета Европы, в которой шесть позиций одной из статей специально посвящены проблеме взаимоотношений внутри этого мини-корпоративного сообщества.

При этом речь идет не только о проблеме обуздания амбиций и претензий собственника, но и о проблеме его защиты. И если говорить о корпорации, то в той же степени, в какой возможны внутренние конфликты, в той же степени должна возникать система внутренней самозащиты.

Попытку осмыслить ценности и нормы взаимоотношений в системе “журналист – редактор – собственник” предпринял *С.А.Фатеев*, отметивший, что он может выступить сразу в трех ипостасях: как собственник, как соучредитель телекомпании “Ладья”, как ее генеральный директор, исполняющий функции главного редактора всей творческой части, и как журналист – в своей телекомпании, и как сотрудник радиостанции “Маяк”. «Я на себе испытываю конфликтность этой системы. ...Что касается моей деятельности как журналиста “Маяка”, с которым я сотрудничаю уже тридцать шесть лет, то радиостанция, всегда отличавшаяся объективностью, достаточной долей правдивости, определенной независимостью даже в прежние времена, сейчас довольно резко изменила свою ориентацию. С нас требуют такие материалы, о которых прежде мы и подумать не могли: против кого-то, за кого-то. Мы с этим внутренне согласиться не можем и пытаемся сопротивляться: либо по какой-то причине вовсе не сделать материал, либо акценты в нем расставить так, как считаем нужным. Проблемы были, тем не менее сейчас на “Маяке” возобладал здравый смысл, понимание того, что нельзя резко менять ориентацию. И мы, те, кто придерживался здравого смысла, в общем-то оказались победителями.

Что происходит в “Ладье”? Сменился один из акционеров. Прежний в развитие нашей телекомпании не вкладывал ни копейки. Мы очень долго по этому поводу воевали и, видимо, наши слова дошли – появился акционер, который заинтересован в развитии нашей телекомпании. Но при первой же встрече мы постарались выяснить его позицию в отношении политической ситуации, в отношении концепции нашего канала, которая записана в уставе. Сегодня мы совершенно определенно знаем, что его позиция совпадает с нашей. Хотя было много споров, были и элементы давления, тем не менее мы с собственником пришли к консенсусу и уверены, что в ближайшем будущем резких изменений в нашей концепции не произойдет.

У нас в редакции существуют определенные “правила игры”. Но так как коллектив был набран из молодых журналистов, практически все “с улицы” пришли, то, естествен-

но, с самого начала мы должны были акцентировать внимание на этих правилах. Они продиктованы нашим журналистским ремеслом: быть достоверными, взвешенными, не допускать экстремизма, крайних оценок, проверять и перепроверять информацию, давать разные точки зрения и т.п. К сожалению, не все приняли эти “правила”. С некоторыми приходилось очень серьезно разговаривать. Кто-то не согласился с нашими требованиями, им пришлось уйти. Мы видим их работу на других каналах, видим, что человек остался верен себе и нормально чувствует себя в новой редакции. Значит, там его позиции в ремесле совпали с позициями руководителя канала. Один из ушедших – уходил с боями, хлопнул дверью – вернулся к нам. Поработав в других редакциях, говорит, что все-таки именно у нас ему хочется работать, так как более творческая обстановка, которая позволяет раскрыться в полной мере.

На мой взгляд, редактору, руководителю издания надо действительно быть дипломатом, политиком, для того чтобы сохранить коллектив, не дать его развалить при резких телодвижениях собственника и, в то же время, убедить собственника в том, что для него важнее сохранить творческий потенциал данного коллектива, чем решить сиюминутные политические задачи.

Хотя примеры, которые можно видеть и в Тюмени, показывают, что очень сложно все это осуществлять. Хотелось бы верить, что проект нового закона о средствах массовой информации более четко пропишет элементы защищенности журналиста, редактора, права и обязанности собственника.

А что касается Тюменской медиаконвенции, в которой заинтересован Союз журналистов Тюменской области, то ее, конечно, надо наконец создать. И прежде всего именно для и во имя молодых, чтобы они, вступая в наше сообщество, имели представление о допустимом и недопустимом ни при каких обстоятельствах».

Стремясь проблематизировать намерение кодифицировать систему взаимоотношений “журналист – редактор – собственник”, *В.П.Юкечев* поставил вопрос о том, представляет ли журналистское сообщество сегодня единую корпорацию, у которой могут существовать одни и те же правила? «Еще вчера, когда все мы были только редакторами и репортерами, мы представляли собой единую корпорацию, тесно сплоченную в Союзе журналистов. Все было очень просто, незатейливо, агрегат работал. Но способны ли мы включить в журналистское сообщество, то есть в информационную корпорацию, владельцев газет? Ведь они действуют по другим правилам и должны действовать по другим правилам, потому что интересы бизнеса – это извлечение прибыли. При этом, кто сегодня на медиа-рынке играет по этим правилам – учреждает газеты и телекомпании с точки зрения получения прибыли? Абсолютно никто. Сегодня средства массовой информации используются для других целей, несвойственных им, для извлечения других дивидендов – политических, идеологических, административных и так далее.

Может ли внутрипрофессиональное регулирование начинаться раньше, чем владельцы медиасредств станут действовать по каким-то правилам? Кто и каким способом должен создавать эти правила для владельцев, которые сегодня задают тональность игры на медиапространстве? Без попыток ответа на этот вопрос создается такое впечатление, что в достаточно большой и просторной клетке собрались звери, помещенные туда кем-то, и договариваются о правилах игры внутри этой клетки, как будто снаружи ничего нет. А снаружи тоже есть какая-то жизнь, влияющая на жизнь в клетке. Способны ли населяющие клетку животные, простите уж за такие сравнения, влиять на те правила, которые должны принимать на себя другие субъекты, которые влияют на поведение “животных”? Мне кажется очень важной последовательность в создании правил: регуляция поведения владельцев, затем – редакторов и журналистов между собой, потом – между ними и владельцами».

Тема этического кодекса тюменских журналистов несколько раз звучала на семинаре. В один из моментов возник спор. *Э.З.Юрченко* засомневалась в необходимости создания подобных документов. “Что такого вы скажете в своем кодексе тюменским журналистам, чего не существует в учебниках журналистики? Исследуй материал, выслушай все точки зрения – это общеизвестные вещи”. По мнению *Е.Кондратенко* (“Тюменский эфир”), кодексы профессиональной этики должны быть. В частности, для нее важно, чтобы в будущей медиаконвенции регулировались такие вопросы, как взаимоотношение

журналиста с руководством редакции. Она привела слова своего шефа по ГТРК “Регион-Тюмень”: «Анатолий Константинович Омельчук сказал потрясающую вещь: второй фразой после заголовка “Этическая конвенция” должно стоять “для необязательного использования”». И пояснила: “то есть для самоопределения”.

В.П.Юкеев поделился опытом решения вопроса районными журналистами Новосибирской области совместно с экспертами Национального института прессы. “Составили не столь обязательную для исполнения, но обязывающую задуматься хартию журналистов, учредителей и издателей районных СМИ Новосибирской области. Хартия состоит из трех частей. В первой – журналисты и издатели фиксируют те приоритеты, которым они привержены. Во второй части только учредители и издатели фиксируют свои обязательства, гарантирующие профессиональную самостоятельность редакций.

Сейчас идет самый болезненный и самый интересный процесс, когда в каждом районе должны садиться за один стол представители администрации и редакции (главный редактор), чтобы примерить базовую хартию к своим взаимоотношениям. Быть может, в каком-то районе от хартии останется всего три пункта, которые каждый из них будет способен выполнять. В двух районах из тридцати уже идут переговоры. Я не знаю, чем это закончится, но понимание необходимости этого есть”.

Финальные пожелания участников семинара показали “болевые” точки, тревожащие тюменские СМИ.

Л.В.Каравеева («МК» в Тюмени): «В Тюмени более актуальным является вопрос взаимоотношений между изданиями. И нам нужно что-то вроде пакта о ненападении издания на издание. Мелкие и крупные “шпильки”, направленные друг на друга, мне как читателю абсолютно несимпатичны. Я считаю, что это отпугивает читателя. Людей, которые любят понаблюдать за чьим-то скандалом, не очень много».

Л.В.Каравееву поддержал *В.Н. Битюков*: “Необходимо заключить пакт о ненападении СМИ, договор о коллективной безопасности в Тюмени СМИ. С одной стороны, о ненападении, с другой – о том, чтобы, когда возникает опасность для порядочного СМИ, мы всем дружным коллективом встали на защиту своих коллег”.

В заключительном слове ведущий семинара *В.И.Бакштановский* предположил, что первая попытка выхода на безусловно инновационную тему не пропадет зря. С точки зрения ведущего, начато освоение чрезвычайно важной темы, без решения которой все последующие акты профессионально-нравственного нормотворчества будут уязвимы.

**“...ПРИНИМАТЬ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НА СЕБЯ
ИЛИ ИСКАТЬ СПОСОБЫ УКЛОНИТЬСЯ,
СПИСЫВАЯ ВСЕ НА ТРУДНУЮ СИТУАЦИЮ В ОБЩЕСТВЕ”
(Обзор материалов экспертизы первого варианта конвенции 3)**

I

Первая версия конвенции, сформированная по результатам стартового этапа проекта и опубликованная в “Тетрадах ... (3)” для широкого обсуждения, была предложена десяти тюменским журналистам. При этом каждый из экспертов уже участвовал в работе по созданию первого варианта конвенции.

Обсуждая раздел “Проблемная ситуация”, один из экспертов предложил снять его, чтобы не придавать конвенции излишний академизм: “*Это же не научная статья*”, – замечает Л.В.Караваева («МК» в Тюмени). Большинство экспертов рекомендовали снизить пафос слов, связывающих момент создания тюменской конвенции с “рубежом веков”. По мнению В.П.Зуйкова (ИТАР-ТАСС), “*сам по себе рубеж веков – физическое время, оно ничего не меняет*”. Н.П.Петрушина (ГТРК “Регион-Тюмень”) «*не стала бы вводить в конвенцию временную градацию “рубеж веков”, ибо не следует каждый раз на рубеже веков определять место для СМИ*». М.Г.Симонова («Эхо Москвы» в Тюмени») полагает, что “*достаточно сказать о новой ситуации, а не о рубеже веков*”.

Оценивая содержание раздела и предлагая свои коррективы, эксперты считали важным акцентировать то обстоятельство, что проблемная ситуация в жизни “цеха” – отражение новой социальной ситуации. Так, В.П.Зуйков отмечает, что “*журналистика находится в ситуации социально-политической ломки. 70 лет СМИ служили не обществу, а государству – были частью пропагандистской машины. Сегодня у журналистов есть выбор: или принимать ответственность на себя, или искать способы уклониться от нее, списывая все на трудную ситуацию в обществе. Именно этот рубеж значим, именно он определяет проблемную ситуацию в журналистике сегодня*”. Н.П.Петрушина заметила, что “*проблемная ситуация в журналистике возникла в связи с социальными изменениями в нашем обществе*”. При этом “*сегодня на первый план вышла личность журналиста, и порой он забывает, что несет ответственность как профессионал за свое слово. Появляется много авторских программ, в которые редактор не имеет права вмешиваться, порой от этого страдает качество профессиональной деятельности журналиста*”.

Разделяя тезис об отражении в жизни “цеха” обстоятельств динамики социальной жизни, одни эксперты принимают и тезис конвенции о том, что она отражает интересы профессиональной морали, максимально согласующиеся с общественной моралью (Л.В.Караваева), Н.П.Петрушина (“*С этого пункта следует начать второй раздел*”).

В то же время другие эксперты не готовы принять тезис первого варианта конвенции о том, что интересы профессиональной морали согласуются с моралью общества. Так, Г.А.Ткаченко (“Городские будни”) говорит, что “*профессиональная мораль не должна согласовываться с моралью общества. В стране было несколько политических и иных режимов, и с каждым из них должна согласовываться профессиональная мораль – “чего изволите?”*”. Мы, журналисты, для того и существуем, чтобы почувствовать аморальность общества». По мнению В.П.Зуйкова, “*сегодня общество разъединено по многим параметрам, в частности по принадлежности к тем, кто использует, и тем, кого используют. Возникает вопрос, с чьей моралью согласуется профессиональная мораль журналистов: с моралью тех, кого используют? Или тех, кто использует?*”. Л.П.Машинова (“Тюменская правда”) полагает, что “*конвенция должна отражать интересы профессии в высшем понимании этого слова. Наше общество во многом аморально. В идеале СМИ должны быть выше навязываемых обществом правил игры*”.

Весьма скептически эксперты восприняли завершающий тезис раздела о проблемной ситуации, в котором подчеркивалась *этическая вменяемость* тюменских журнали-

стов. Но основания скепсиса различны. Так, Е.В.Московкина (Информ.агентство “Тюменская линия”) считает этот тезис ненужным, «поскольку факт создания конвенции уже сам за себя говорит об “этической вменяемости тюменских журналистов”», а В.И.Лысов (“Парламентская газета”) отмечает, что “здесь не должно быть воспитательных нотаций”.

Относительно раздела “Роль и задачи конвенции” экспертами было сделано два замечания. Во-первых, оспорена формулировка такой задачи конвенции, как преодоление с ее помощью ложных образов профессиональных этических кодексов. Н.П.Петрушина задает вопрос: “Не обидим ли мы здесь тех, кто создавал кодексы до нас?”. Во-вторых, проблематизирована роль конвенции как “флага” профессиональной корпорации, сигнала коллегам и обществу. В.П.Зуйков отмечает, что профессиональная мораль журналистского сообщества вряд ли существует как единое целое. «Например, профессиональная мораль ОРТ и НТВ. Наверное, одной из задач работы над конвенцией может быть проявление практикуемых журналистами профессиональных моралей и лишь после соответствующего анализа имеет смысл пытаться составлять “флаг”». Кстати, В.И.Лысов предлагает разъяснение к смыслу выражения “сигнал коллегам”: как постоянное напоминание о том, что журналист – «не один в профессии. Причем очень специфической, где “пятно”, проступок, неудачная цитата одного мгновенно бросает тень на коллегу или даже на всех».

По поводу тезиса этого раздела о том, что выполнение или невыполнение норм профессиональной морали наблюдается уже на бытовом уровне, невооруженным глазом гражданина, М.Г.Симонова замечает: «Я бы не стала наделять “гражданина” и “обывателя” таким зорким глазом. Недоверие к любой информации, с одной стороны, и простодушие, с другой стороны – качества, присущие нашей публике сегодня».

На тезис проекта конвенции о том, что она должна быть инструментом технологии связи самих СМИ с общественностью, высказалось большинство экспертов. Г.А.Ткаченко опасается, что этот тезис лишь усилит путаницу в функциях СМИ, которые и так часто отождествляют с PR. Л.В.Караваева опасается, что этот тезис прозвучит «как призыв “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!”». В.И.Лысов замечает, что конвенция является в большей степени инструментом технологии связи внутри самих СМИ, а В.П.Зуйков хотел бы, чтобы конвенция стала “связующим звеном между поколениями внутри СМИ”. С точки зрения Ю.С.Бубнова, “пункт о конвенции как инструменте технологии связи самих СМИ с общественностью представляется преждевременным. На данном этапе этот пункт лучше не затрагивать”.

В экспертизе содержания раздела “Мотивы” нельзя не заметить значительного разброса оценок и суждений. Так, по поводу значимости второго из мотивов – “внутренние угрозы для корпорации” – Г.А.Ткаченко отмечает: “Это очень важный мотив, я бы поставила его на первое место”, а Ю.С.Бубнов говорит: «Свободе слова нельзя научиться “заранее”, “загодя”, поэтому мотив “во-вторых” кажется мне неверным, ненужным».

Относительно третьего мотива – “позитивная потребность сообщества в своем нравственном развитии через корпоративную саморегуляцию ради сохранения корпоративной общности в ситуации ее раскола” – В.П.Зуйков предлагает, во-первых, иную формулировку – «Точнее написать: “ради сохранения профессиональной общности”, ибо речь идет прежде всего о профессии, а корпоративность является скорее организационной формой, способом сохранения и развития профессии» – и, во-вторых, новый акцент: «Важно здесь учесть, что для молодых журналистов потребность в нравственном развитии не актуальна, они пришли со своим “Я”, что само по себе не плохо, но иметь целью только самовыражение – значит отходить от профессии».

В связи с предложением в проекте раздела выделить в качестве доминирующего мотива свободный выбор такой задачи, как восстановление, сохранение, защита и укрепление взаимного доверия между СМИ и обществом, эксперты также расходятся в суждениях. По мнению Г.А.Ткаченко, “сегодня народ настолько привязан к прессе, что у большинства газет нет проблемы с доверием читателей – это проблема молодых, частных газет”. В то же время Л.П.Машинова подчеркивает, что “восстановление, сохранение, укрепление взаимного доверия между СМИ и обществом – задача не одного года. Слишком много разрушено”.

А Е.В.Московкина полагает, что *“доминирующим мотивом создания конвенции должен быть мотив укрепления общности журналистского сообщества. Только вместе журналисты смогут решить, как вернуть потерянное доверие общества к СМИ, как противостоять угрозе свободе слова и, в то же время, как избежать использования свободы слова в меркантильных интересах отдельных лиц. Поэтому считаю, что основной мотив – это объединение журналистов для совместного решения профессиональных проблем”*.

Обсуждая раздел конвенции под названием “Корпоративная миссия”, эксперты прежде всего среагировали на пафосность понятия “миссия” и на “занятость” понятия “миссия” неадекватными теме смыслами. В первом случае один из экспертов заметил: *«От формулировки “миссия” я слегка теряюсь. Не хотелось бы возводить журналистов в ранг “богочеловеков”. “Миссия” – это зеркальчики, а мне ближе – “зеркало”, то есть акцентирование на том, что отражает это зеркало. Хотелось бы умеренных, деликатных характеристик миссии»* (Л.В.Караваяева). Другой эксперт во многом солидарен с этим замечанием: *“не следует подчеркивать особенность нашего предназначения – это будет дополнительно стимулировать заносчивость, апломб и т.д., характерные для немалой части журналистской среды. Правильнее подчеркивать нашу особую ответственность за нашу позицию, наши подходы, за каждое слово”*. И еще один созвучный подход: *“часто бывает так, что мы присваиваем себе роль мессии. Наверное, это следует как-то отразить в конвенции. С миссионерством нам, журналистам, в сегодняшней ситуации надо быть поделикатнее”* (В.П.Зуйков).

В то же время эксперт считает саму задачу формулирования миссии важной, ибо *«сегодня часто получается, что повседневные обязательства “ремесла” определяют и характер миссии – в большинстве своем наша пресса превратилась в содержанку влиятельных персон и прочее»*. По мнению В.П.Зуйкова, *“если журналистика – профессия общественная, то и профессионализм журналистский отличается от профессионализма необщественных профессий. Он уже изначально содержит в себе нравственные принципы. Поэтому в формулировке миссии должно быть сказано и о профессионализме”*.

В связи с тезисом этого раздела конвенции, согласно которому из множества миссий прессы, определяющих ее жизнь, предпочтительно выстроить определенную конфигурацию, соответствующую именно сегодняшней ситуации в обществе, один из экспертов – Г.А.Ткаченко – полагает, что *«конфигурацию невозможно выстроить в соответствии с задачей дня – все так быстро меняется. Поэтому в тексте следует дать перечисление основных миссий “цеха”: так или иначе, волей или неволей, все типы миссий имеют право на жизнь»*. Иное предлагает В.И.Лысов: *“представляется, что духу профессии наиболее соответствует миссия информационная”*.

Раздел проекта конвенции “Журналист как субъект морального выбора” несколько экспертов прокомментировали прежде всего с точки зрения его значимости. Е.В.Плетнева (“Тюменская правда”) говорит, что *«вопросы “ради чего?” и “во имя чего?” сегодня особенно важны для журналиста, чтобы определить его жизненную и профессиональную стратегию – ситуация слишком неопределенна и противоречива»*. В свою очередь, Н.П.Петрушина отмечает: *“Очень важный раздел, ибо мало кто об этом задумывается”*.

По мнению Ю.С.Бубнова, проблематизация в проекте конвенции самого вопроса о моральном выборе журналиста дает ориентационный эффект: *“Журналист может и впредь поступаться совестью, делая моральный выбор. Но для того и конвенция, чтобы такому представителю массмедиа уже труднее было ходить в героях, представлять из себя порядочного человека, обманывать себя и других”*.

Комментируя тезис раздела о том, что ситуация морального выбора может иметь и стратегический план: действовать ли в духе конвенции или избрать иное основание своих решений и поступков, Г.А.Ткаченко предостерегает от возможной неверной трактовки тезиса: *“Не может конвенция зарегулировать жизнь. Конвенция содержит основополагающие моменты, ориентиры”*. Известная созвучность позиций содержится в комментарии Е.В.Московкиной: *“В конвенции невозможно предусмотреть все жизненные ситуации, когда перед журналистом может возникнуть проблема морального выбора. Поэтому”*

надо действовать скорее в духе конвенции. Выбирать, руководствуясь своей порядочностью, принципами”.

Обращаясь к теме критериев морального выбора, прежде всего к критерию успеха, эксперты концентрируют свое внимание на двух аспектах. Первый из них – связь успеха с уровнем профессионализма. *“Критерий достижения успеха в профессии – многолетнее пребывание в профессии, преданность профессии. Они и ведут журналиста в профессии”,* – говорит Г.А. Ткаченко.

Второй – соотношение материального и иных критериев успеха. По мнению Ю.С. Бубнова, в конвенции должно быть учтено то обстоятельство, что *“есть два уровня успеха: успех как общественное признание и успех – коммерческий. Задача общества и государства – совместить эти уровни: честность и признание должны находить достойное вознаграждение”.* В то же время Е.В.Московкина акцентирует первичность профессионализма: *“Высокий гонорар должен быть следствием высокого успеха журналиста в профессии. Если журналист профессионален, ему доверяют, слушают, смотрят, читают, за этим последует и материальное вознаграждение. В журналистике не должно быть легких денег”.* В.И. Лысов обращает внимание на иной критерий: *“Успех в профессии – это еще и эффективность работы журналиста, в том, что от конечного результата его работы – заметки, статьи, репортажа – кому-то стало чуть теплее”.*

По мнению экспертов, фрагмент этого раздела, посвященный критерию выбора средств достижения цели, требует конкретизации с точки зрения оценки как цели, так и средств. В.П.Зуйков: *“Что такое благая цель? Думаю, что в журналистике насколько общественно значима цель, настолько моральными могут быть и средства. Может быть, стоит указать на то, что и сама цель должна быть взвешена – насколько она общественно значима?”.* Е.В.Московкина: *«Игра может быть честной и должна быть честной только с потребителями информации. Источники же часто не оставляют журналисту выбора. Считаю журналиста непрофессионалом, если он отказался от важной интересной информации ради лицемерной морали. Единственное, что, на мой взгляд, можно предусмотреть в конвенции, – это недопустимость софизма и “дезы” по отношению к обществу, а также пропаганды насилия и жестокости и т.д.».*

Относительно заключающего раздел тезиса о том, что “цехом” признается как благотворный определенный риск журналиста в ситуации морального выбора – естественно-го фактора свободной профессии, обоснованного права журналиста на нравственные искания, моральное творчество, в том числе и создание новых правил честной игры – М.Г.Симонова отмечает, что этот тезис *“обязателен в конвенции, т.к. активизирует понятие активной позиции журналиста и сложности ситуации”*, а В.И.Лысов предлагает дополнение: *“Необходимо упомянуть и право на неудачу, на ошибку в моральном выборе”.*

В разделе проекта конвенции под названием “Минимальный стандарт профессионально правильного поведения”, первое критическое замечание отнесено к характеристике стандарта как конкретизации мировоззренческого кредо. Г.А.Ткаченко: *“Как бы не было чрезмерной конкретизации!”.*

В рамках этого раздела экспертам был поставлен специальный вопрос: является ли предложенный набор необходимым и достаточным? Почему? Какие нормы и правила стоит убрать, а какие – вставить? Ответы экспертов: Н.П.Петрушина – *“Нет специального пункта о том, что журналист не должен использовать канал или газетную полосу в личных целях”*; Л.В.Караваева – *“В стандарте нет пункта о том, что журналист должен занимать честную позицию по отношению к своему изданию. Не рассматриваются отношения: заказчик – журналист – редакция”*; Ю.С.Бубнов – *“Первые семь пунктов кажутся совершенно ненужными. С остальными полностью согласен”*; Е.В.Московкина – *«Считаю, что первый пункт нужно исключить. Честно ли это – напоить чиновника, чтобы “вытянуть” из него признание о том, как он украл из бюджета деньги, и записать его признание на пленку, не предупредив его об этом? Наверное, не честно. Но, по-моему, в данной ситуации цель оправдывает средства. И подобных ситуаций в деятельности журналиста может быть очень много».* Г.А.Ткаченко – *“Первый пункт следует расшифровать – можно и честно купить. Добавила бы пункт о*

том, что деятельность средства массовой информации профессиональна тогда, когда он работает на основе эксклюзивной информации. Это один из значимых признаков профессии, очень важный для регионального сообщества журналистов”.

Еще один вопрос экспертам: какие из норм и правил минимального стандарта наиболее актуальны для тюменской журналистики и потому должны быть вынесены на первые места? Ответы: Н.П.Петрушина – 3, 4, 11, Л.В.Караваяева – пункт 13 перенести на третье место; Ю.С.Бубнов – пункты 9-11 наиболее актуальны; Е.В.Московкина – предлагаю выстроить пункты в такой последовательности: 2,8,10,11; М.Г.Симонова – пункт 12 должен быть одним из первых; Е.В.Плетнева – первые 5 пунктов особенно актуальны для столичной журналистики, для тюменской – 6-14.

Раздел “Этическая комиссия”, поставивший перед экспертами вопрос о приоритетной модели комиссии – “суд” или “Консультация” – развел экспертов по двум позиционным группам – “за” и “против”, разумеется, с различием аргументов внутри каждой группы.

При этом были высказывания против создания комиссии в принципе или с ограничениями. В.П.Зуйков: *“Может быть, имеет смысл создавать экспертно-консультативные комиссии на базе конкретных СМИ, но причем тут тогда сообщество журналистов в целом? В создании комиссии пока не вижу перспективы, потому что еще не создано само сообщество”*. Е.В.Московкина: *“Считаю, что комиссия не только не должна исполнять роль суда, но и вообще не должна существовать, по крайней мере, с постоянным составом”*. Е.В.Плетнева: *«А судьи кто? “Цех” знает, кто из тюменских журналистов готов судить с пристрастием. Не замечая бревна в своем глазу. Поэтому назовите мне фамилии и я скажу – быть этой комиссии инстанцией нравственного суда или же дать ей роль всего лишь экспертно-консультативную»*.

Остальные эксперты рекомендовали проекту предпочесть модель консультативную. Н.П.Петрушина: *“Экспертно-консультативная комиссия”*. Л.В.Караваяева: *“Экспертно-консультативная комиссия, на которой разбирается не человек, а ситуация”*. Ю.С.Бубнов: *“Экспертно-консультативная”*. В.И.Лысов: *“Только экспертно-консультативная. Никакого суда!”*. Г.А. Ткаченко: *“Только вариант экспертно-консультативной комиссии. Она выносит вердикт и доносит свое мнение до журналистской среды”*. М.Г. Симонова: *“Экспертно-консультативная комиссия, ибо в конечном итоге журналист должен сам решать моральные вопросы”*.

По вопросу о составе комиссии – только из журналистов или с включением представителей гражданского общества – мнения также разделились. Часть экспертов рекомендует ограничиться узкопрофессиональным составом комиссии. *“Только из самих журналистов”* – Л.В.Караваяева (допуская, *“когда это нужно, привлечение специалистов”*). Сходная позиция у Г.А. Ткаченко. *“В комиссию должны входить журналисты с привлечением в каждом конкретном случае специальных экспертов”*. В.И.Лысов: *«Комиссия должна состоять из журналистов. Только они дотошно знают особенности “журналистской кухни”»*.

Сторонникам смешанного состава комиссии Е.В. Плетнева предлагает предварительно ответить на вопрос: *“о каких структурах гражданского общества идет речь?”*.

Большая часть экспертов рекомендует проекту предпочесть смешанный состав комиссии. Ю.С.Бубнов: *“Самим себя оценивать очень сложно. Привлечение представителей общества совершенно необходимо”*. М.Г.Симонова: *“Обязательно включить представителей гражданского общества, вероятно – гуманитариев”*. Е.В.Московкина: *“Предлагаю роль комиссии осуществлять самим журналистам и представителям гражданского общества, за исключением представителей любого из органов власти. Кроме того, в комиссии не должно быть постоянного состава”*.

Весьма различны предложения экспертов по вопросу о том, каким образом должна работать будущая комиссия. Л.В.Караваяева полагает, что *“работу комиссии надо посвящать разбору ситуаций, а не личностей. Резюме писать анонимно, чтобы не было предубеждений: в журналистике есть клановость и важно, чтобы она не была решающей”*. Со своей стороны Е.В. Московкина считает, что *“заседания комиссии должны быть открытыми для всех. Право голоса могут иметь все журналисты, граждане, кроме представителей власти”*.

Относительно предмета деятельности комиссии эксперты также расходятся в своих предпочтениях, и тем самым в рекомендациях проекту конвенции. Ю.С.Бубнов: *“Предметом обсуждения должен быть определенный перечень проблем, сформулированный самим сообществом как задачи особой важности, сформулированный заранее”*. Г.А.Ткаченко: *«Комиссия – это инструмент понимания, поэтому в проект надо заложить этический аудит. Остальные пункты – “б” и “в” – это задачи другого органа»*.

Последний вопрос, по которому эксперты высказывали свои суждения в адрес проекта конвенции, был тоже альтернативным: подписывать или не подписывать конвенцию? За подписание предложены следующие аргументы. В.И.Лысов: *“Думается, что конвенция должна быть подписана журналистами и после этого обнародована в этих же СМИ. Только так она приобретает какой-то смысл”*. Ю.С.Бубнов: *“Брак – это добровольное закрепление дружбы (чаще всего). Думаю, что добровольное присоединение к конвенции (в виде подписи) – и нормально, и целесообразно”*.

Откликаясь на предложенную в проекте конвенции вторую альтернативу – не подписывать, – эксперты дополняют ее своими аргументами. Л.В. Караваева: *“Конвенция должна приниматься добровольно. Если люди не подписали конвенции, то это не означает, что они ее нарушают”*. Е.В.Московкина: *“Считаю, что подписание конвенции на данном этапе нецелесообразно”*. Г.А.Ткаченко: *“Конвенция должна существовать. Но подписывать ее не обязательно – мы апеллируем к ней. Мы же не подписываем конвенцию о правах ребенка, а апеллируем к ней”*. Е.В.Плетнева: *“Кто будет подписывать? Каждый журналист? Я не люблю, когда над моей свободой довлеет нечто”*.

В заключение приведем два высказывания экспертов относительно проекта конвенции в целом.

Л.В.Караваева: *“Немного смущает чрезмерно извинительный тон проекта конвенции, с множеством оговорок. Хотелось бы, чтобы в окончательном варианте этого не было: к чему вообще создавать конвенцию, если заранее извиняться за это?”*

Ю.С.Бубнов: *“Спасибо инициаторам, организаторам, первопроходцам. Вы реализуете мысли и побуждения, которые смутно бродят в умах честных людей, журналистов”*.

II

Второй группе экспертов было предложено дать рецензии на вариант конвенции. При этом рецензентами стали как тюменские журналисты, так и внешние по отношению к региональному сообществу эксперты.

Структура рецензий не была предзаданной, что позволило каждому из рецензентов избрать ту форму работы, которая представлялась ему более эффективной.

Так, например, один из рецензентов – Ю.И.Пахотин, главный редактор регионального приложения «АиФ» в Западной Сибири – не просто отредактировал предложенный ему текст первого варианта конвенции, но и включил в раздел “Преамбула” характеристику этапов движения сообщества тюменских журналистов к созданию конвенции.

«За последние десять лет кардинально изменились не только общество, страна, система управления государством – изменилась сама жизнь, а значит и взгляд на нее, что, безусловно, не могло не сказаться на отображении этой новой жизни в средствах массовой информации. Пожалуй, сегодня СМИ, со времен перестройки марширующие в авангарде общества, первыми испытали на себе все те жесткие изменения, которые произошли в государстве за время реформ, и первыми испытали (и продолжают испытывать) последствия недоразвитости этих реформ, их половинчатости, порой нелепости отдельных решений. Все эти долгие годы мы говорим о переходном периоде. Видимо, наша жизнь, жизнь этого поколения, так и пройдет в этом грандиозном переходе от одной формации к другой, в спорах и дискуссиях о том, к какой эпохе мы движемся и от какой ушли.

Но, как говорила великая поэтесса, “Времена не выбирают. В них живут и умирают”. Поэтому раз выпала нам судьба работать в эпоху реформ – будем к ней приспосабливаться. Итак, что же произошло на сегодняшний день со средствами массовой информации области?

Во-первых, их стало много – свыше 300. Во-вторых, они стали разными: партийные, коммерческие, государственные, местные, региональные, федерально-региональные (“МК”, “АиФ”, “Труд”). Отсюда и разный (партийный, государственный, коммерческий, местнический и т.д.) подход к любой теме, любой проблеме. А если у средств массовой информации разные, порой противоположные, интересы, могло ли быть единым журналистское сообщество? Не могло. Что и продемонстрировала корпорация многие годы. Распался Союз журналистов, канули в небытие семинары, творческие конкурсы, отделились СМИ автономных округов, вспыхивали время от времени информационные войны между СМИ, обслуживающими интересы руководителей разных территорий. Так было еще совсем недавно.

Но постепенно ситуация стала меняться. Первыми осознали, что кроме интересов собственных изданий и их учредителей существуют еще и общие интересы журналистского сообщества, руководители СМИ (издатели и редакторы). Были предприняты попытки некоего, хотя бы клубного, корпоративного объединения. Были созданы последовательно: клуб редакторов Тюменских городских СМИ, клуб редакторов областных СМИ, пресс-клуб “14 августа”. Но все эти объединения не решили ни одной задачи корпорации, и кроме организационных заседаний руководители СМИ, практически, больше и не встречались под эгидой этих клубов. Шло время, и наконец, осознали корпоративные интересы журналисты. После долгих, изматывающих дебатов все-таки удалось воссоздать Тюменский областной Союз журналистов. И, удивительное дело, он, поскольку был структурирован и имел выборный орган (правление), оказался жизнеспособным.

Было проведено несколько мероприятий, встреченных с одобрением всеми журналистами, после чего появилась тяга, особенно у молодых сотрудников СМИ, вступить в еще недавно отторгаемый ими Союз журналистов. Начали создаваться (чего не было уже лет 10) первичные организации Союза журналистов в редакциях областных и районных СМИ.

Но на фоне этой положительной тенденции к корпоративному объединению журналистов вне изданий сами издания продолжали информационные войны друг с другом, публиковали “заказные” материалы, сплетни в виде версий, печатали чужие материалы без ссылки на источники или вовсе за другой подписью, “черный пиар” под видом информации или редакционных статей и т.д., и т.п.

И профессионалы, носители традиций российской журналистики, робко заговорили о создании какого-то этического документа, который мог бы использоваться в качестве морального барьера на пути всей этой вакханалии, принимаемой за свободу слова без границ. Постепенно идея, как говаривал классик, овладела массами. Прошли теоретические семинары на эту тему, появились первые проекты. Дело идет к завершению – созданию окончательного варианта этической медиаконвенции, которая, освященная подписями (?), станет документом обязательным (?) при рассмотрении конфликтных ситуаций между изданиями, журналистами, между СМИ и обществом, руководителями и сотрудниками СМИ, неким формированием под условным названием “этическая комиссия”. Это, надеюсь, будет в самом ближайшем будущем».

Рассуждая о роли и задачах конвенции, Ю.Пахотин предлагает подчеркнуть, что она “ни в коей мере не ущемляет творческой свободы” и “является внутренним документом, способствующим саморегуляции, самоограничению журналистского сообщества, и позволит ему в сложных ситуациях оставаться в рамках этического поля, не вступать в противоречие с общепринятыми обществом нормами морали, с одной стороны, и существующими, выработанными поколениями российских журналистов, этическими нормами профессии – с другой стороны”.

Рецензент предлагает сформулировать задачу конвенции – быть своеобразной демонстрацией (и самим журналистам, и обществу) готовности “бороться своими силами с теми изданиями и их сотрудниками, которые грубо и цинично попирают общепринятые человеческие и профессиональные нормы и правила, провоцируя общество и государство на создание внешних ограничителей свободы слова”.

В разделе “Корпоративная миссия”, предлагающем рецензентам выделить наиболее важную миссию “цеха”, Ю.И.Пахотин отдает предпочтение одной из нескольких вы-

двинутых на обсуждение моделей – той, которая исходит из призвания журналиста помочь людям сделать выбор между добром и злом. *«Наша профессия налагает на каждого пишущего, снимающего, говорящего работника СМИ особую нравственную ответственность. Думаю, ошибаются те представители власти, общества, политических формирований, которые считают, что рыночные отношения, когда все продается и все покупаются, сводят СМИ к сфере услуг. То есть журналисту платят деньги, за которые он обязан обслужить клиента, будь то власть, банкир, политик или любой другой потребитель с кошельком. Полагаю, в России это не пройдет. Хотя бы потому, что в России не только поэт больше чем поэт, но и газетная публикация, и телепередача, больше чем жанр. Это всегда урок нравственности или безнравственности. Миссия российского журналиста все-таки помочь людям разобраться, кто “плохой”, кто “хороший”, что есть “добро”, а что “зло”. И о чем бы не писал и не говорил журналист – зрители, слушатели, читатели будут ждать именно этого: оценок, морали. Все известные мне попытки американизировать СМИ, сделать их сухими, информационными, беспристрастными – вели к краху».*

Рецензируя раздел “Журналист как субъект морального выбора”, Ю.Пахотин предлагает подчеркнуть, что в ситуации выбора *“журналист просто обязан исповедовать принцип – не навреди корпорации! Конвенция должна четко прописать этот принцип как основной”.*

Комментируя тему критериев профессионального успеха журналиста, рецензент предлагает сохранить тезис: “Конвенция признает и поощряет стремление журналиста к вершинам профессионального успеха”, но сопроводить его следующим ограничением: *«само слово “успех” должно определяться не суммами его контрактов и гонораров, а степенью морального влияния на аудиторию читателей, слушателей, зрителей. Чем больше людей считается с его мнением, чем больше людей ему доверяют, тем более успешен он как профессионал. И корпорация обязана именно на такой успех ориентировать журналистов».*

Относительно раздела “Минимальный стандарт профессионально правильного поведения” рецензент ограничивается лаконичным замечанием: *“полностью согласен с этим разделом, нет никакого желания что-то там убавить, прибавить или переименовать”.*

А вот раздел, посвященный этической комиссии, комментирует обстоятельно. Соглашаясь с тезисом проекта конвенции о том, что профессионально-этическая сторона деятельности журналистов должна быть предметом анализа, суждений и оценок, Ю.Пахотин подчеркивает, что комиссия не должна иметь *“функции инквизиции, товарищеского суда и вообще суда”.* При этом комиссия, по мнению рецензента, *“должна быть той инстанцией, куда не хотел бы попасть ни один порядочный, совестливый журналист, редактор, издатель и ни одно уважающее себя, пекущееся о своем авторитете средство массовой информации. Добьемся этого – можно считать, что главная задача сообщества выполнена”.*

Корректируя фрагмент о предмете деятельности комиссии, рецензент полагает, что она *“по собственному усмотрению, по просьбе журналистов, редакторов, издателей, общественных организаций, партий, движений, отдельных граждан должна дать морально-нравственную оценку конфликтной ситуации, возникшей в результате публикации или озвучивания в СМИ, или самой публикации, если в ней усмотрено нарушение конвенции. Сам факт обсуждения должен быть уроком для СМИ”.*

Что касается проблемы – будут или не будут приняты оценки комиссии журналистским сообществом, то ее решение *«напрямую зависит от качественного состава комиссии. Если не возникнет вопроса: “А судьи кто?” – значит все нормально».*

Особо выделим позицию рецензента в разделе о подписании-не подписании конвенции. *“Безусловно, чтобы комиссия работала на базе именно документа, а не декларации о благих намерениях, конвенция должна быть освящена подписями редакторов и (или) издателей. Это необходимо сделать, во-первых, потому, что в сознании большинства без подписи любой текст – просто бумажка, а не документ. Во-вторых, подписав конвенцию, редактор будет требовать ее выполнения от всех журналистов редакции. В-третьих, мы все уважаем себя и поставим подпись только под тем доку-*

ментом, который мы изучили, согласились и готовы исполнять. Это и только это будет актом публичного признания (при печати или озвучивании) конвенции документом. Сам факт анализа (кто подписал или не подписал) имеет огромный эффект и воспитательный, и морально-нравственный”.

И наконец, завершающее решение, в котором рецензент высказывает не только отстраненную, но и личную профессиональную позицию: “я настаиваю на подписании конвенции и готов сделать это даже в том случае, если все остальные руководители СМИ откажутся”.

Еще один тюменский журналист – президент ГТРК “Регион-Тюмень” А.К.Омельчук – в лаконичной форме представил свою рецензию как документ скорее критический.

Относительно раздела “Проблемная ситуация” рецензент считает, что предложенная в нем характеристика “рубеж веков” уязвима – *“сегодня уже поздно говорить о рубеже веков, следовало бы, может быть, для пафоса упоминать: начало нового века, начало нового тысячелетия”.*

Относительно характеристики ситуации морального кризиса замечает, что *“моральный кризис общества” – устаревающее на ходу или по ходу процесса понятие. Если даже кризис не преодолен, то по крайней мере ссылка на него архаична, да и вряд ли она послужила поводом для создания конвенции. Причина и повод: самоопределение, самоидентификация цеха после 70-летнего попрания основных норм журналистики».*

Рассматривая раздел о задачах конвенции, А.К.Омельчук подчеркивает, что *“информация – категория самодостаточная, и если общество безнравственно, Нагорные проповеди на газетной полосе обществу не помогут. Этому обществу. Как математические формулы по своему содержанию не могут быть нравственны/безнравственны, так и информация – в чистом или голом виде – вещь самодостаточная”. По мнению рецензента, «говоря “о нравственном влиянии добрым примером”, мы возвращаемся снова к прямолинейной пропаганде».*

И еще раз: *«Информация может нравственно “воспитывать” общество только своей сутью, только в этом случае общество подстраивается под информационный ряд и дисциплинирует себя. Можно предположить: если бы в течение, скажем, 10 лет население Советского Союза слушало информацию исключительно по Би-Би-Си, это было бы другое общество, другое население».*

Что касается “конфигурации мотивов”, то, по мнению рецензента, в конвенции стоит указать, что единственным мотивом ее появления *“является исключительно угроза саморазрушения, ибо цехом до сих пор не осознается основополагающая природа информации как самодостаточного и самодовлеющего начала”.*

Негативно относясь к пафосным определениям, рецензент полагает, что предпочтительнее остановиться на трактовке “миссии” профессии как – деле, работе, функции. *(“Все пафосные определения не случайно взяты из лексикона богослужителей, еще немало – и всякого журналиста мы введем в ранг дьякона или священника”.)*

Комментируя положения раздела “Журналист как субъект морального выбора”, рецензент пишет: *“Сформулируем ориентир профессиональной деятельности СМИ – свобода слова и ответственности”.*

Относительно предложенных в варианте конвенции критериев профессионального успеха, рецензент полагает, что *“честное имя – не только хороший гонорар, но и хороший капитал, поэтому каждый выбирает свою цену, а деловитость – не антипод талантливости. Пожалуй, следует остановиться только на декларировании стремления к профессиональному успеху. Идя дальше, мы можем выплеснуть из ванны ребенка”.*

Раздел “Минимальный стандарт” представляется А.К.Омельчуку наиболее содержательной частью предложенной версии конвенции: *“Я даже полагаю, что этим джентльменским набором вполне можно и обойтись, не ударяясь в пафос и постоянное оправдывание, что в протитуированном обществе наша профессия более, чем другие, – протитуирована”.*

Рассматривая предложенные на экспертизу модели этической комиссии, рецензент скептически оценивает каждую из них: «Авторы конвенции, не изжившие в себе советские нормы жизни, не могут вырваться из привычных пут и пытаются создать для неумных журналистов домком (или правление гаражного кооператива), со всеми вытекающими отсюда последствиями склочно-коммунального менталитета».

Относительно вопроса подписывать – не подписывать А.К.Омельчук предлагает, чтобы «конвенцию, – скорее всего краткий выразительный набор “джентльменских” правил игры на информационном поле – подписывали редакции СМИ. Понятно, необходимо при этом создать высокий имидж конвенции, чтобы всякий подписывающий ее статусно числился в нравственной элите “четвертой власти”».

А после подписания? «Конвенция, как правила внутреннего распорядка или памятка о технике безопасности, лежит перед каждым сотрудником редакции, и редакторы СМИ используют ее в текущей работе как дисциплинарный устав. Тогда этика входит в состав профессиональных обязанностей, без всяких экспертно-консультационных комиссий. Никто из нас не терпит над собой, кроме Высшего суда и непосредственных начальников, лишних судей».

В заключение своей рецензии А.К.Омельчук отмечает, что в конвенции не прописана одна принципиальная вещь: «Надо бы освободить понятие “Независимость прессы” от ненужных политических и эмоциональных толкований. Тогда “независимость” в области передачи информации следовало бы трактовать так: независимость – объем необходимой информации, дающей возможность достоверно отражать событие (факт), тогда: журналист – посредник (только и исключительно!) между источником информации и субъектом, желающим (даже жаждущим) эту информацию получить. Зависимость (журналиста) – набор: недостатка информированности, нежелания знать полную правду, социальных предрассудков, недостаточного творческого потенциала, собственного невежества и ограниченности».

А.К.Симонов (Фонд защиты гласности, г.Москва) начинает свою рецензию с оценки замысла проекта. «Я высоко ценю саму идею создания конвенции. Считаю, что весьма полезно обсуждать проблему кодексов, хартий, соглашений. А если такое обсуждение в результате приводит к совместному принятию некоего набора требований, который каждый из них готов выполнять, то этот трудный процесс чрезвычайно благодетелен».

Характеризуя содержание раздела “Роль и задачи”, рецензент предлагает уклониться от сверхмасштабных задач и предпочесть задачи “более скромные”. «Не “преодоление превратных представлений о профессиональной морали”, а вставка этического пояса в готовые шлевки для поддержания собственных моральных штанов. Не “демонстрация флага” обществу и коллегам, а простая констатация факта, что даже при условии – “какое общество, такие и СМИ” – нет и не может быть серьезных препятствий чтобы самим быть лучше. Констатация, что мы хотим быть иными, и конвенция – подтверждение этого желания, а значит и свидетельство надежды, что и общество может быть лучше. Если захочет. Так как задача конвенции направлена вовнутрь, ретрансляция её в общество должна происходить через признание невозможными неких слов и поступков. Если и общество поддержит это неприятие – нечтением, несмотрением, а журналисты сумеют это отторжение поддержать и озвучить, то и роль конвенции расширится и усилится».

Относительно предложения высказаться по поводу желательной конфигурации мотивов создания конвенции А.К.Симонов говорит: «Если принять тезис, что конвенция не только для внутреннего потребления сообществом, а и для потребления обществом, то едва ли стоит первым мотивом ставить “внешнюю обусловленность, связанную с угрозами свободе слова”. Здесь, мне кажется, на первом месте стоит мотив “потери доверия общества”, так что предложение сделать его “доминирующим” мне нравится».

Реагируя на тезис проекта конвенции о роли новых тенденций “управляемой демократии” и пр., рецензент полагает его излишним. «Ведь что получается: сегодня так, а

завтра, когда возникнут новая демократия и иные управляемые тенденции, придется отправить конвенцию псу под хвост? Как-то обидно тратить несколько лет на работу, результаты которой столь скоротечны. Конечно, можно говорить о конвенции как спасательном плоте против какой-то угрозы. Но в принципе наша профессиональная мораль не должна зависеть от любой модели демократии – ни от советской, ни от “управляемой”, которая на нас надвигается».

Раздел “Корпоративная миссия” кажется А.К.Симонову лишним, “тем более, если конвенция обращена еще и к читателю-зрителю-слушателю. Люди, которые о своей профессии говорят как о миссии, вызывают у меня подозрение. Снижение пафоса пойдет на пользу конвенции”. А если все же приходится выбирать между практикуемыми моделями миссии (социальной функции) профессии, то «я бы спорил с миссией “четвертой власти”, ибо она очень соблазнительна для журналистов, и отстаивал тезис о том, что мы, журналисты, помогаем обществу понять самого себя. В этом смысле мы – “зеркало”».

Обстоятельно разбирая раздел “Моральный выбор”, А.К.Симонов и здесь предлагает снизить пафос, связанный с понятием “Кредо”: «Ведь чем выше пафос текста, тем легче потом “провинившемуся” сослаться на невыполнимость требований конвенции. Чем проще мы скажем о своих нормах, тем точнее можно будет потом проверить самих себя на следование конвенции».

Однако тезис о значимости самого раздела рецензент разделяет: «с тем, что вопросы “ради чего” и “во имя чего” важнее вопроса “с какой целью” – согласен».

Рецензент поддерживает тезис о значимости готовности журналиста к моральному выбору. “Я согласен, что человек, готовый к выбору – сумеет его сделать. Даже сделать морально”. И разбирает конкретную ситуацию. «Когда-то Евтушенко написал строки, которые многие его современники – и я в том числе – повторяли не без гордости:

*Мы – лицедеи, богомазы,
Дурили головы господ.
Мы ухитрялись брать заказы,
А делали – наоборот.*

Это совпадает с известным изречением Председателя СЖР Всеволода Богданова: “Русский журналист, он и деньги возьмет, и правду скажет!”.

По зрелому размышлению, всю нравственную несостоятельность моего любимого шестидесятничества я вывожу именно из этой формулы. Вопрос: был ли вообще выбор? Ответ: да, был. Был Платонов, Абрам Терц, Владимов, Аскольдов и Герман (Алексей), словом, был выбор. Так что жаловаться можно только на себя».

В связи с этим А.К.Симонов отмечает, что “важно и правильно считать профессиональным успехом успех в профессиональной среде. Поскольку выбор сегодня все-таки намного свободнее, осознание обстоятельств этого выбора намного доступней профессионалам, а они – в отличие от дней нашей молодости – не одним миром мажутся”.

Раздел “Минимальный стандарт”, по мнению рецензента, “хорош уже тем, что минимален”. И лаконичная резолюция: “Я бы подписал”.

Рассматривая предложенные в проекте конвенции альтернативные модели этической комиссии, А.К.Симонов полагает, что «нравственный суд – это не для постсоветского пространства, где грибоедовское “А судьи кто?” требуют знать чуть не с колыбели. Значит – экспертно-консультативный совет».

Из двух вариантов состава комиссии рецензенту “больше импонирует смешанная комиссия, а не чисто профессиональная, и тут я полностью согласен с резоном о ее большей целесообразности. Самим журналистам, да и обществу в целом, суждение такой смешанной комиссии просто интереснее, не говоря об остальном”.

В связи с альтернативностью аргументов проекта конвенции по поводу подписания – неподписания рецензент высказывается так: “Служение – не подписывается. Это все равно, что дать подписку, что я хороший и безгрешный. А вот что касается службы, то, коли возникнут внутренние профессиональные стандарты отдельных СМИ, почему бы им не стать составной частью профессионального контракта журналиста,

заклученного добровольно. Там могут присутствовать даже запретные темы данного издания и это не должно быть осуждаемо. Это, по крайней мере, честно”.

Директор Института развития прессы (Санкт-Петербург) А.А.Шароградская начинает свою рецензию с оценки особенностей модели конвенции. “Особенности данной модели заключаются прежде всего в том, что моральные принципы предлагается формулировать, с одной стороны, в рамках широкой мировоззренческой концепции, а с другой – применительно к региональному, в данном случае тюменскому, журналистскому сообществу. Такой подход кардинально отличает данную модель от различных этических кодексов, хартий, канонов, принципов”.

Рассматривая общую структуру разрабатываемой конвенции, А.А.Шароградская полагает, что “была бы не лишней хотя бы краткая характеристика уже достигнутых в данной области результатов или главных особенностей существующих международных, национальных и корпоративных этических кодексов журналистов”. Кроме того, рецензент считает этот раздел центральным и видит его на одном из первых мест в конвенции.

В разделе “Проблемная ситуация” рецензенту “хотелось бы видеть более конкретную характеристику ситуации и ее особенности именно в Тюменском регионе”.

По мнению рецензента, “четкое определение задач, а точнее говоря целей конвенции, является одним из самых важных элементов всей работы, поскольку от этого зависит ее конкретное содержание и практическое значение. В определенной степени сделать это удалось”. При дальнейшей работе над данным разделом рецензент считает необходимым “более четко и последовательно изложить основные цели конвенции, не забывая при этом особенности региональной постановки и решения указанных задач”.

Рассматривая раздел “Мотивы”, рецензент высказывает следующее суждение: “изложение этого вопроса в виде специального раздела конвенции выглядит несколько более академично, чем это необходимо. Ведь речь не идет о трактате по философской этике и соответствующих этому жанру категориальных определениях. В нашем случае главные положения данного раздела вполне могли быть изложены в первом или втором разделах, что подтверждается самим текстом”.

Раздел “Журналист как субъект морального выбора” рассматривается рецензентом как один “из двух главных, наиболее содержательных разделов модели”. Значение его “заключается прежде всего в весьма интересной и плодотворной попытке изложить общемировоззренческую основу журналистской этики. Такой подход практически всегда позволяет глубже и конкретнее сформулировать частные, прикладные аспекты той же этики, и в этом отношении включение данного раздела и его основное содержание являются вполне уместными, целесообразными и обоснованными”.

“Минимальный стандарт профессионально правильного поведения” – это, по мнению рецензента, второй из двух основных разделов рассматриваемой модели. “К сожалению, из двенадцати страниц текста модели данный раздел занимает меньше двух, а ведь именно здесь, насколько я понимаю, заключается суть предлагаемой конвенции. Поэтому хотелось бы видеть более развернутое, обоснованное и связанное по смыслу и логически с предыдущими разделами изложение данного вопроса”.

По мнению рецензента, представленная совокупность норм профессиональной деятельности журналиста является весьма полной. Однако речь может идти как о сокращении данного списка, так и о его расширении. Но прежде следует прояснить ряд важных моментов: «1) Каким образом предлагаемый “минимальный стандарт” связан с мировоззренческими и социальными аспектами данной конвенции? Если такой связи нет или ее трудно установить, то может быть стоило ограничиться простым изложением данного стандарта? 2) К журналистскому сообществу какого, так сказать, масштаба относится “минимальный стандарт”: некоему абстрактно-идеальному, международному, федеральному или региональному? 3) Проводят ли авторы данной модели различие между юридическими и этическими нормами журналистской деятельности? Дело в том, что некоторые положения “минимального стандарта”, в отличие от аналогичных формулировок многих этических кодексов, явно тяготеют к юридиче-

ским нормам. Так, например, «пропаганда преступности, терроризма, насилия, жестокости», с чем, как отмечают авторы (с.9), должна быть несовместима профессиональная деятельность журналистов, прямо подпадает под статьи уголовного кодекса. То же относится и к некоторым другим формулировкам этого списка норм. Проблема действительно очень сложная, особенно в средствах массовой информации. Но тем интереснее и важнее дать ей возможно четкое решение».

В заключение своей рецензии А.А.Шароградская отмечает, что указанные недостатки и пожелания «ни в коем случае не уменьшают значения проделанной авторами работы и имеют своей целью помочь в мере возможностей осуществлению задуманного проекта».

В.А.Кабакова («Тюменский курьер») считает, что в процессе дальнейшего обсуждения и редактирования проекта конвенции «важно избежать двух ошибок: излишней многословности, за которой потеряется основной смысл, и излишней краткости текста. Поскольку мы называем документ своей визитной карточкой, «флагом», он должен быть ясным».

Высказываясь о структуре конвенции, рецензент предлагает объединить разделы «Проблемная ситуация» и «Мотивы и намерения». И в этом новом разделе подчеркнуть, учитывая суждения тюменских журналистов, опубликованные в трех выпусках «Тетрадей...», что главной чертой проблемной ситуации является потеря СМИ доверия общества, провоцирующая такие угрозы свободы слова, как попытки ввести внешний контроль над деятельностью СМИ. Соответственно, считает рецензент, в конвенции надо подчеркнуть, что «главная задача, которая стоит перед профессиональным сообществом, с помощью этической конвенции (соблюдая ее правила) восстановить и сохранить взаимное доверие между СМИ и обществом, без чего трудно удерживать права и свободы».

Слово «миссия» действительно многих отпугивает. Может быть, потому, что предполагает высокую ответственность? Или не проясненностью смысла? Если оставлять его в тексте, то, по мнению рецензента, стоит дать следующую формулу: «миссия журналистики – осуществление права общества на достоверную и важную информацию. Такая формула миссии близка к формулировке пяти норм деятельности свободной и ответственной прессы, которые разработала комиссия по свободной прессе, возглавляемая Робетом Хадчинсом. Известный доклад «Свободная и ответственная пресса», в котором были провозглашены эти нормы, считается главным источником концепции социально ответственной прессы». И далее рецензент приводит перечень соответствующих норм: обеспечить «правдивый и всесторонний отчет о событиях дня в контексте, который сделал бы их значимым»; служить «форумом для обмена комментариями и критикой»; давать «представительную картину групп, составляющих общество»; представлять и разъяснять «цель и ценность общества»; обеспечивать «полный доступ к информации дня».

Не настаивая на том, что подобный набор формулировок является собой искомую создателями проекта конвенции конфигурацию, рецензент полагает, что этот набор «отражает характер журналистики как общественной профессии, совмещает в себе такие миссии, как информационная, массмедиа, «четвертая власть», если под этим словосочетанием иметь в виду власть общественного мнения. Нужно только избегать узкого понимания слова «информация»».

Рецензент поддерживает высказанный в проекте тезис, согласно которому включение в тюменскую конвенцию раздела «Журналист как субъект морального выбора» делает ее документом профессиональной этики.

Рассматривая раздел «Минимальный стандарт», В.А.Кабакова отмечает, что в предложенном наборе норм отсутствует важный, с ее точки зрения, пункт, несоблюдение которого часто ведет к конфликтам: «представить (или попытаться это сделать) точку зрения оппонента. Или уточнить пункт «журналист представляет, в том числе в инициативном порядке, право на ответ лицу, подвергающемуся в СМИ серьезной публичной критике» словами «до публикации материала»».

В перечень норм стандарта рецензент предлагает добавить норму: «*уважение журналистом частной жизни человека*» (в некоторых западных кодексах эта норма стала общей задачей кодекса). Эти замечания были высказаны журналистами на семинаре в редакции газеты «Тюменский курьер»».

Рецензент считает более аргументированной предложенную в проекте конвенции модель комиссии, в составе которой будут и журналисты, и представители гражданского общества (для решения внутрицеховых проблем достаточно одних журналистов).

Поддерживая тезис проекта конвенции о том, что она – акт доброй воли, рецензент выделяет позицию, по которой подписание конвенции – личное дело каждого журналиста. *«Пусть “больной романтическим идеализмом” ее подписывает, а скептики – воздерживаются. Это нормально. Не нужно приклеивать ярлыки типа “Это – хороший журналист, потому что он подписал конвенцию, а этот – плохой, ибо не подписал конвенцию”, и наоборот. Возможно, многим журналистам потребуется время, чтобы примерить конвенцию на себя – это их право».*

Далее В.А.Кабакова делает замечание по поводу того, что неподписание конвенции не снимает с журналистов ответственности: они такие же члены общества, как и подписанты, они так же могут быть подвергнуты критике со стороны экспертно-консультативного совета.

ТЮМЕНСКАЯ ЭТИЧЕСКАЯ МЕДИАКОНВЕНЦИЯ (Вариант для заключительного семинара)

Проблемная ситуация

Замысел нашей конвенции исходит из определенного понимания современной ситуации в жизни российского общества в целом, профессионального сообщества журналистов – в том числе. И такой “глобальный” – вопреки “провинциально-местечковому” – масштаб видения ситуации не противопоставлен нашей конвенции – “тюменские болота” не отгорожены от проблем России в целом. Мы исходим из того, что и для московского, и для тюменского журналиста проблемы профессиональной этики одни и те же.

На наш взгляд, все мы сегодня переживаем кризис, связанный со сменой ценностных систем трансформирующегося общества. Кризис, породивший ситуацию “междоусобицы” – неопределенности в диагнозе, хаотичности в критериях, многовариантности в исходе. Вероятно, отсюда среди самых распространенных оценок сегодняшней ситуации в журналистике преобладает пессимистическая: СМИ утратили моральные ориентиры, отказались от элементарных правил игры, жизнь в российской журналистике построена по законам джунглей и т.п.

У таких оценок есть серьезные основания. Нравственная атмосфера в журналистике стала хуже. Получил распространение принцип вседозволенности. И это следствие не просто упадка профессионализма. Журналистика принадлежит к тому виду профессий, в которых процесс и результат тесно связаны с принципами морали.

И все же, пытаясь определить вектор изменений моральной ситуации как в обществе, так и в “цехе”, мы полагаем, что речь можно вести не о катастрофе (очень соблазнительно с помощью такого диагноза оправдывать циничную позицию), но о трудном рождении нового ценностного мира, новой гражданской и профессиональной самоидентификации.

При таком диагнозе-прогнозе переходной ситуации обновляющегося общества поиск “цехом” новой идентичности требует рационального подхода. Это требование помогает пережить неприятность узнавания себя в “зеркале” критики и самокритики, говорящем об утере доверия читателя, зрителя, слушателя, их веры в неподкупность и правдивость СМИ как социального института.

Но и в случае сверхразочарования от ситуации *уходящей* и, одновременно, ощущения сверхнеопределенности от ситуации *наступающей* есть основания воспринимать моральный кризис в обществе и в “цехе” не как побуждение к панике, а как вызов, который формируют нашему профессионализму тенденции к цинизму и нигилизму. Надежда – на личную свободу и ответственность. Именно индивидуальная ответственность – способ пережить кризис, выйти из него с достоинством, с “заделами” для будущего. Надежда на потенциал индивидуального морального выбора и решения, на ориентирующую роль элементарных норм морали. Надежда на собиравание вокруг такого подхода человеческих микросообществ. В том числе и профессиональных сообществ, создаваемых на конвенционных условиях.

Осознание проблемной ситуации – источник мотивов создания нашей конвенции.

Мотивы и намерения

Мы придаем особую роль *мотивам* конвенции. Нам важно определиться в том, что именно побуждает “цех” к ее созданию.

В числе мотивов – *внешне* обусловленная целесообразность активизации саморегулирования “цеха”. Она связана с *угрозами* свободе слова: свободе журналиста добывать и предоставлять информацию, гражданина – получать информацию. О таких угрозах говорят и новые тенденции в жизни государства, связанные с идеей т.н. “управляемой демократии”, подразумевающей превращение СМИ из субъекта саморегуляции в объект сверхрегуляции.

Нашему сообществу предстоит осознать опасность огосударствления профессиональной морали журналиста через придание государству роли высшей моральной ин-

станции. Эта опасность не просто искушает духовного иждивенца соблазном делегировать свою ответственность, но может и взорвать саму суть профессиональной морали – свободу выбора и принятия индивидуальной ответственности. И своей конвенцией мы говорим государству: у нас есть правила и мы просим с ними считаться. Фактически речь идет об общественном договоре – мы не делаем того-то и того-то, а государство воспринимает нас как сообщество, способное к саморегулированию.

В числе мотивов создания конвенции – трезвое осознание нашим профессиональным сообществом *внутренней* угрозы для корпорации, самокритичное понимание низкой степени намеренности и практической способности “цеха” ответственно реализовать свободу слова – именно злоупотребления СМИ свободой слова привели к потере доверия общества. Без восстановления, сохранения, защиты и укрепления взаимного доверия между СМИ и обществом трудно удерживать права и свободы, достигнутые постсоветской Россией.

Еще один мотив – потребность в сохранении корпоративной общности в ситуации раскола. Мы уже не сообщество – в его советской версии и еще не сообщество – в постсоветской версии. Скорее мы сегодня – протосообщество.

С помощью конвенции мы намерены предпринять попытку *самоидентификации* в новой – неопределенной – ситуации, не вписывающейся в дилемму “СМИ – либо часть пропагандистской машины, либо – инструмент удовлетворения информационных запросов потребителей”.

С помощью конвенции мы намерены попытаться собрать “атомизированных индивидов” в профессиональное сообщество – нас могут заново объединить именно общие, совместно согласованные правила.

Мы намерены через конвенцию подать сигнал о готовности бороться своими силами с теми изданиями и их сотрудниками, которые грубо и цинично попирают общепринятые человеческие и профессиональные нормы и правила, провоцируя общество (и государство) на создание внешних ограничителей свободы слова.

Корпоративная миссия

Источник нравственной ответственности журналиста и ее направленности содержится в том или ином понимании профессиональной миссии “цеха”. Миссия – это метафорическая характеристика представления профессионального сообщества о своем незаурядном, особом назначении или даже “предназначении”. Миссия – добровольно возлагаемая “цехом” на себя и выходящая за пределы повседневных обязательств “ремесла” сверхнагрузка, связанная с характером журналистики как *общественной* профессии. Миссия – это высокая ответственность за возложенный на себя долг (а не просто за “дело”, “функцию”), предполагающая мобилизованность на сверхзадачу, требующая не прозаической “службы”, а – *служения*.

Разумеется, эти пафосные слова не означают стремления возвести журналистов в ранг “богочеловеков”. Особость корпоративной миссии дополнительно стимулирует не заносчивость, апломб и прочие черты, а ответственность – за нашу позицию, наши подходы, за каждое наше слово.

В поисках новой идентичности тюменское профессиональное сообщество не собирается ограничивать себя какой-либо одной из миссий СМИ, которые обсуждаются журналистами и реализуются ими на практике. Прежде всего потому, что каждая из них – *информационная*, “четвертая власть”, “массмедиа”, “приводной ремень” – в условиях трансформируемого общества внутренне противоречива, несет в себе акценты, отражающие состояние социальной ломки. Поэтому из множества миссий прессы, которые определяют жизнь и социальную роль корпорации, мы предпочитаем выстроить определенную конфигурацию, соответствующую именно сегодняшней ситуации в обществе.

Примеряя метафоры “зеркало” и “зеркальщик”, мы полагаем, что журналистское сообщество не выбирает одну из этих стратегий вопреки другой, а сочетает их в зависимости от ситуации.

Журналист как субъект морального выбора: свобода нравственных исканий, решения, ответственность

Кредо конвенции – наши представления о значении морального выбора (линии поведения, отдельного поступка) в профессиональной деятельности. Кредо фокусирует дух профессиональной корпорации. Кредо делает конвенцию документом профессиональной этики – для общественной профессии принципиально важными оказываются вопросы: “ради чего?” и “во имя чего?”, а не просто – “как?” и “с какой целью?”.

Кредо нашей конвенции – отношение к журналисту как человеку, для которого характерны *нравственные искания, свободный выбор решения и ответственность за него*. Мы доверяем нравственной свободе журналиста, не опасаясь непредсказуемости его самоопределения, стараемся противостоять любым намерениям патерналистски “опекать” свободное решение журналиста. Конвенция ценит свободу морального выбора журналиста, готовность отвечать за ситуацию выбора, за принятие-непринятие определенных нравственных ориентиров, за способность решать противоречия.

Акт выбора – итог процесса нравственных исканий журналиста, мучительного и напряженного поиска в противоречивом мире нравственных ценностей: поиска идентичности в сфере профессиональных миссий, поиска решения в ситуации конфликта таких ценностей, как Служение обществу и Служение свободной профессии, противоречия между правом аудитории получать информацию и долгом журналиста сообщать ее.

Кажется иногда, что разумнее отказаться от свободы морального выбора, ссылаясь хотя бы на то, что возможностей для маневра так мало – “куда ни кинь – всюду клин”, что лучше плюнуть на все и заниматься каким-то частным делом. Все так. Но и в этом случае журналист принимает моральное решение. Он, разумеется, может и впредь поступаться совестью, но для того и конвенция, чтобы такому “представителю массмедиа” уже труднее было ходить в героях, выдавать себя за порядочного человека, обманывая себя и других.

Было бы слишком просто свести ситуацию морального выбора журналиста к перебору *преднайдённых* вариантов – как у сказочного богатыря, читающего прогноз своего выбора на придорожном камне, к поиску готового ответа “в конце задачника” – подбору той или иной нормы из профессионального кодекса, которая бы регулировала возникшую перед ним ситуацию (именно так иногда поступают авторы пособий по медиаэтике). Но такой подбор вряд ли возможен, например, в ситуации, когда требование кодекса не выдавать источники информации сталкивается с требованием суда открыть эти источники, в ситуации, когда журналист встречается с противоречием между нормами *одного и того же* кодекса. В такой нравственно-конфликтной ситуации, когда в сознании журналиста сталкиваются разные нормы *одной* системы и требуется выбор решения в пользу одной из них *вопреки* другой. Например, требование честной журналистики – и невозможность добыть скрываемую информацию легальным путем, а значит, предоставить получателю значимую информацию.

Поведение в конфликтной ситуации требует особой культуры, которую не может заменить знание конкретных норм профессионального поведения. Нет выбора без ориентира. Ориентира, выражающего то или иное понимание современным обществом морального духа эпохи (например, защита прав человека). Ориентира профессиональной деятельности СМИ (например, такой ценности, как свобода слова). Ориентира, помогающего осознать значение проблемы соотношения достойной цели и выбора эффективных средств ее реализации.

В стремлении к эффективности мы нередко решаемся на выбор средств, противоречащих нравственной природе целей. Но эффективным является лишь то средство, которое необходимо и достаточно для достижения цели и, в то же время, не уничтожает достоинства самой цели. Как это ни парадоксально, эффективно лишь то, что нравственно ценно. Например, профессиональное достижение, стремление к профессиональному успеху – один из ориентиров современного журналиста. О профессиональном призвании судят по готовности служить делу, а оно невозможно без стремления к реальным успехам. Мотив служения мобилизует и формирует профессионала.

В то же время ориентация на успех может и подточить профессионализм журналиста – если, например, подчинить критерии профессиональности коммерческой калькуляции. Вместо деления на честных и нечестных может прийти деление на “деловых” и “неделовых”. Цена такой трансформации – от снижения уровня профессионального мастерства до подрыва нравственных устоев профессии: образ “золотое перо” приобретает уже не метафорический смысл.

Конвенция признает и поощряет стремление журналиста к вершинам профессионального успеха. Но само слово “успех” должно определяться не просто суммами его гонораров. Мы полагаем ограниченной оценку профессионального успеха лишь по материальному доходу – она уместна скорее в бизнесе. В свободной профессии ценность честного имени доминирует над гонораром. Журналист, беспардонно лгущий с телеэкрана или с газетной страницы за большие деньги, может быть и успешен в житейском смысле, но на самом деле он “перепутал” профессию, поменял журналистику на торговлю, продавая особый товар – мозги. Суть профессионального успеха – в повседневном служении своему призванию, в успехе не обязательно громком, но обязательно являющемся итогом профессионального достижения.

При этом “цехом” признается моральное право на риск журналиста в ситуации морального выбора – как обоснованное право на нравственные искания, моральное творчество, в том числе и на создание новых правил честной игры, наконец, на неудачу и ошибку в моральном выборе.

Сам факт создания конвенции как института саморегуляции медиасообщества – акт нашего морального решения, принятия ответственности.

Минимальный стандарт профессионально правильного поведения

Наличие в конвенции кредо требует своей конкретизации в виде *простых норм профессиональной морали*, “минимального профессионального стандарта”, который может претендовать – в силу очевидного прагматизма и объема – на роль “добровольно-обязательного” для всего “цеха”. Представляя собой *ориентиры “первого уровня”* для повседневной деятельности журналиста (независимо от его места в структуре СМИ, ориентации и специализации последнего, от взглядов, симпатий, приоритетов главного редактора или владельца СМИ), положения “минимального стандарта” объективно работают на снижение профессиональных и общественных рисков в сфере массовой информации.

Журналист, работающий в режиме минимального профессионального стандарта:

- ведет *сбор информации* только *честными* средствами и методами;
- проводит четкое, понятное читателям *разграничение между новостями*, с одной стороны, и *мнениями и комментариями* – с другой⁴;
- распространяет в качестве информационных только такие сообщения, достоверность которых подтверждена доступными журналисту и СМИ *средствами проверки*, соответствующим образом *верифицирована*⁵;
- выделяет и *отделяет специальными профессиональными приемами* (маркирует) от достоверной информации *слухи*, а также ту информацию, *подтверждения которой не удалось получить* по независящим от журналиста или редакции причинам⁶. То, что такая попытка предпринималась, тоже обозначается;

⁴ Резолюция 1003 (1993) по журналистской этике (Парламентская Ассамблея Совета Европы, Сорок четвертая очередная сессия) дает при этом такую трактовку: НОВОСТИ – это информация о фактах и событиях. МНЕНИЯ – это мысли, идеи, представления или ценностные суждения.

⁵ “Информация, предоставляемая журналистом, должна быть достоверной в том, что касается новостей, и честной в том, что касается мнений”. Резолюция 1003 (1993), из которой взята данная формулировка, содержит также специальное уточнение, продолжающее и закрепляющее логику предъявляемого подхода: “без... вмешательства со стороны как властей, так и частного сектора”.

⁶ Последнее – с четким указанием на то, какие шаги предпринимались журналистом и редакцией с целью проверить информацию, представляющую общественный интерес.

- в обязательном порядке отделяет *архивную* информацию от *новостной*, а документальный фото-, кино-, видео- и аудиоматериал от материала, подготовленного с использованием *приемов специального монтажа*, способного произвести впечатление документального;
- не путает свою работу с работой *специалиста рекламного отдела* или *отдела по связям с общественностью*, четко отделяет *новостную* информацию от *рекламной* и/или по преимуществу *имиджевой*;
- везде, где это представляется возможным, указывает *источники информации*⁷;
- соблюдает и защищает *конфиденциальность источника информации*, предоставленной редакции на условиях сохранения в тайне имени конфиденнта;
- незамедлительно *исправляет существенные фактические ошибки*, допущенные по его вине;
- не теряет такта, в том числе и по отношению к лицам, чьи слова или поступки публично критикуются; в обязательном порядке предоставляет *право на ответ* лицу, подвергающемуся в данном СМИ серьезной публичной критике;
- отличает информацию, представляющую *общественный интерес*, от информации, удовлетворяющей *общественное любопытство*; в каждом конкретном случае делает обдуманый выбор между *общественным интересом* и правами *конкретной личности*; предпринимает меры к тому, чтобы исключить причинение публикацией *вреда лицам, не имеющим прямого отношения к конкретному сюжету*;
- уважает достоинство и права своих коллег, включая *право на отличную от своей точку зрения*;
- избегает любого, в том числе невольного, поощрения *жестокости, нетерпимости или дискриминации*, основанной на различиях в расе, поле, языке, вероисповедании, политической и иной ориентации⁸, национальном, региональном или социальном происхождении.

Экспертно-консультативная комиссия

Профессионально-этическая сторона деятельности журналистов может и должна быть предметом анализа, суждений и оценок, направленных на саморегулирование “цеха”, его развитие и постоянное самоочищение “цеха”. Одной из институций, регулирующих жизнь “цеха” в духе конвенции, может быть *этическая комиссия*.

1.1. Сообществу, решившему ориентироваться на конвенцию, предстоит определиться к вариантам этической комиссии. Альтернативные варианты модели комиссии, требующие рационального предпочтения, связаны с основаниями, закладываемыми в *назначение* комиссии. Будет ли такого рода комиссия инстанцией нравственного суда – или же она возьмет на себя роль инстанции *экспертно-консультативной*? Кроме того, предстоит отдать предпочтение *либо* модели комиссии, составленной только из самих журналистов, *либо* модели комиссии, включающей *еще и* представителей гражданского общества. В последнем случае профессиональное сообщество журналистов видит в комиссии не просто инструмент саморегулирования внутрицеховых конфликтов, но институт связи с обществом, готовый защищать граждан от злоупотреблений *журналистами* свободой слова.

Моральные суждения и оценки комиссии будут иметь вес лишь в том случае, если профессиональное сообщество согласится принимать их, причем и в случае, если они не будут едиными для всех членов комиссии.

1.2. В определении предмета своей деятельности комиссия ориентируется на те аспекты конвенции, которые касаются “чисто” моральных сторон деятельности СМИ. При

⁷ Чрезвычайно важный пункт, расширяющий минимальный стандарт: “при этом сама информация должна быть по возможности сбалансированной, позволяющей гражданину составлять возможно более адекватное представление об окружающем его мире”.

⁸ В европейской “транскрипции” документа формула дана в более полном виде: “и иной, в том числе сексуальной ориентации”.

этом особое место занимают проблемы, которые конвенция связывает с защитой интересов общества.

Формирование предмета обсуждения на комиссии: (а) в случае заказа на *этический аудит* – та продукция тюменских СМИ, которую они предлагают сами; (б) предлагаемые общественными организациями и гражданами темы, апеллирующие к той или иной части минимального стандарта, включаются в предмет работы комиссии; безусловно, иные проблемы следует включать по согласованию с комиссией.

1.3. Чтобы найти адекватную форму работы комиссии, целесообразно постепенно вырастить ее в процессе первого этапа работы. Например, стенограммы первых трех заседаний будут предоставлены для ознакомления всем членам сообщества, чтобы они решили: готовы или не готовы они воспринимать процесс и результаты работы комиссии и доводить эти результаты до своей аудитории.

В период первых трех заседаний будут выработаны и решения двух важных проблем: проблема резолюции в ситуации отсутствия единого мнения членов комиссии, проблема учета мнения отсутствующих ее членов.

1.4. Материалы работы комиссии, в том числе и сделанные ею обобщения и заключения, публикуются в печати и на специальном сайте в Интернете – для знакомства с ними широкой журналистской общественности, которая, в свою очередь, может проявить гражданскую и профессиональную заинтересованность в этих вопросах и в самых различных формах (в СМИ и Интернете) выскажет свое отношение.

Комментарии

1. Мы сознаем, что у некоторых коллег идея любого профессионального кодекса вызывает настороженное отношение, а то и отторжение – кодексы воспринимаются как вериги творческой свободы. Но такое отношение не учитывает мирового опыта *саморегулирования* “цеха”. Наша конвенция – способ преодоления *превратных* образов кодекса журналистской этики, представлений о том, что ее вполне заменяют общечеловеческие заповеди, или, наоборот, сводящих правила профессиональной морали либо к административно-служебным инструкциям, либо к сугубо технологическим правилам ремесла.

2. Наша конвенция – способ преодоления превратных образов “местных” кодексов, хартий и т.п., преодоления ожиданий от провинциальных журналистов лишь “прикладной” работы по конкретизации кодексов федерального масштаба.

Выбор именно такого стиля нашего документа, как *конвенция*, отражает современное – переходное – состояние ситуации и в обществе, и в цехе, которое трудно регулировать традиционным формальным сводом принципов и норм. Такое состояние требует большего внимания к размышлениям журналистов по мировоззренческим вопросам нравственных исканий.

3. В основе конвенции – ценности *профессиональной* морали журналиста, согласующиеся с ценностями морали *общественной*. И этот тезис не отменяется противоречивым характером современных нравов. Разумеется, есть основания для утверждения, что “какое общество, такие и СМИ”. Но оно не является действительным препятствием тому, чтобы нам самим быть лучше.

4. Конвенция ни в коей мере не ущемляет творческой свободы. Она является внутренним документом “цеха”, способствующим саморегуляции, самоограничению журналистского сообщества, и может помочь ему в сложных ситуациях оставаться в рамках этического поля, не вступать в противоречие с общепринятыми обществом нормами морали, с одной стороны, и выработанными поколениями российских журналистов этическими нормами – с другой.

5. Конвенция – “демонстрация флага” обществу. Очевидно, что выполнение или невыполнение норм профессиональной морали наблюдается самым простым и достоверным образом – по результату: качеству газетной статьи и телесюжета. Но стремление следовать требованиям профессиональной этики проявляется и в “*заявке на результат*” – в нормативно-этических документах типа кодекса или конвенции, которые призваны стать “визитной карточкой” профессионального сообщества, конкретного СМИ, отдельного журналиста, элементом их публичной политики.

6. “Цехом” осознается противоречивость любой попытки *сформулировать* нравственные ориентиры и правила журналистики – либо сделать их предельно краткими, либо обстоятельными. И мы не собираемся соревноваться с мудростью Нагорной проповеди или с дотошностью учебно-методического пособия. Наша цель – модель конвенции, которая сочетает характеристику высокого предназначения профессии, ее ценностных ориентиров – и элементарных норм профессионального поведения. Тем самым мы предпринимаем попытку уйти от утопического морализаторства и вульгарного инструктажа.

**“...ВСЕ, ЧТО ЗДЕСЬ ПРОИСХОДИТ, -
ЭТО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НОВОЕ ОСВОЕНИЕ МЕДИАПРОСТРАНСТВА”
(Обзор стенограммы заключительного семинара)**

В своем вступительном слове *В.И.Бакштановский* (Центр прикладной этики) рассказал об этапах работы проекта. Цель такого рассказа – доказательство *совместной* работы исследователей и журналистов.

Во-первых, мы попытались проверить гипотезу проекта в процессе экспертного опроса и социологического. Затем провели три семинара: в “Тюменском курьере”, в ГТРК “Регион-Тюмень”, и в администрации Тюменской области (семинар “Журналист – Редактор – Собственник”). По итогам этой работы был сформирован первый вариант конвенции, опубликованный – вместе с материалами экспертного опроса – в “Тетрадах...(3)”.

Этот вариант был предложен на экспертизу десяти тюменским журналистам. В итоге появился второй вариант конвенции. В свою очередь, и его мы предложили для критики нескольким тюменским и столичным рецензентам. Сформированный после этого третий вариант был предварительно разослан участникам заключительного семинара.

Каждый, кто читал первую версию (в послесловии к “Тетрадам...(3)”) – и пытался сравнить ее с третьей, обнаружил известные *изменения*. Откладывая конкретные ссылки на обзоры семинаров, экспертиз и рецензий (я дам их в своих преамбулах к каждому этапу семинара), сейчас назову лишь три примера, показывающих, что конвенция – плод *коллективной* работы тюменских журналистов при участии Центра прикладной этики.

Первый пример – акцентирование идеи о “собирающей” тюменское сообщество роли конвенции. Среди тех, кто акцентировал эту идею и тем повлиял на текст конвенции – *Е.О.Кох* («МК» в Тюмени): *“Для меня естественный путь вступления в журналистский союз – не тот, который принят сейчас: принеси две рекомендации, мы посмотрим и, может быть, примем. Мне же кажется, что решение должно приниматься автоматически: журналист берет на себя обязательство выполнять некие правила, под ними подписывается и становится членом союза. Если он эти правила нарушает, то автоматически перестает быть членом данного сообщества, и сообщество больше не поручается за него. Хартии, кодексы, конвенции, своды правил и норм – это сито, с помощью которого подбираются люди, готовые быть в одном союзе, или отторгаются от него”*. А вот сходный тезис *Ю.И.Пахотина* («АиФ» в Западной Сибири): *«необходим какой-то этический документ, принятие которого дало бы нам возможность дистанцироваться от всех, кто не приемлет нормы профессиональной морали, сказать: “Вы нарушили кодекс и не можете называться журналистами, поэтому мы публично заявляем об этом нашим читателям, зрителям, слушателям, которые пока еще считают вас журналистами”*». При этом вполне разумный скепсис высказывает *Е.В.Горбачева* (Пресс-центр представительства ХМАО): *«Этические кодексы, конвенции и т.п. – это действительно возможность для сообщества сказать человеку о соответствии его действий принятым нормам. Но я допускаю ситуации, когда, что называется, “только один шагает в ногу”*».

Второй пример – акцентирование роли конвенции как рационально сформулированных предложений от сообщества журналистов к общественному договору. На появление такого акцента в тексте конвенции повлиял, в том числе, *Р.С.Гольдберг* (“Тюменский курьер”): *«Своим кодексом мы говорим государству и обществу: у нас есть правила, и мы просим с нами считаться в соответствии с этими правилами. Фактически речь идет об общественном договоре – мы не делаем того-то и того-то и тогда общество нас воспринимает как порядочных и достойных людей, как людей “в законе” (я понимаю рискованность такого выражения)»*.

Третий пример – выдвигание идеи обязательного сочетания в конвенции разделов о моральном выборе и минимальном стандарте. На эту идею сработали, например, суждения *В.С.Горбачева* о способе сочетания того и другого раздела (“Тюменская правда сегодня”): *“Вряд ли стоит противопоставлять в конвенции роль проблем морального выбора и набор минимальных профессиональных требований. Они неразрывно связаны. Может быть, надо их выстроить так, как связаны общие конституционные принципы и развивающие их законы”*.

Сработали и аргументы о пределах эффективности норм минимального стандарта Г.М.Головановой (“Наше время”): *«Я не разделяю предложенной для обсуждения идеи о том, что для наших журналистов, живущих в реальных условиях, хорошо бы не “задирать” моральную планку, а работать на уровне неких минимальных профессиональных требований. Не получится ли, что этот минимальный стандарт окажется обычной служебной инструкцией. Все-таки в кодексе должны быть требования, рассчитанные на более высокую норму. Да, сегодня СМИ в кризисе, многие журналисты и редакции еще определяются, но уже сегодня надо сделать кодекс, фиксирующий конечную цель, уровень развития, который должен быть достигнут завтра. Соответственно и “планку” надо поднимать выше. Поэтому в кодексе должна быть заложена идея выбора и ориентир решения трудных профессиональных ситуаций, предполагающих несколько разных, может быть, даже противоположных, решений. Надо, во-первых, продекларировать неизбежность встречи каждого журналиста с такими ситуациями, во-вторых, – личную ответственность журналиста за выбор».*

Переходя к формулировке задач семинара, В.И.Бакштановский предложил, чтобы его участники провели коллективную экспертизу проекта конвенции, в том числе и в режиме “примерки на себя”, на свой “цех”, и, в этом смысле, заинтересованную экспертизу. Заинтересованную в том, чтобы повлиять на собирание “сообщества”, на активизацию его саморегулирования. Экспертизу как генеральную правку, доведение конвенции до той степени готовности, которая позволит предложить ее всему тюменскому журналистскому сообществу.

Открывая первый этап работы семинара – «Проблемная ситуация в самоопределении “цеха”, мотивы создания конвенции и намерения ее создателей», – начавшийся просмотр видеосюжета, ведущий предложил набор суждений, которые высказывали участники проекта для включения в конвенцию таких непривычных для традиционных кодексов разделов – “Проблемная ситуация” и “Мотивы и намерения”.

У некоторых участников проекта было мнение, что это лишние разделы, не обязательные. Но далеко не все согласились с этой позицией. В то же время те, кто полагал эти разделы необходимыми, по-разному объясняли медиаситуацию, предлагая для конвенции весьма отличающиеся варианты текста параграфа. Например, с точки зрения А.К.Омельчука (ГРТК “Регион-Тюмень”), *«“Моральный кризис общества” – скорее всего устаревающее на ходу или по ходу процесса понятие. Если даже кризис не преодолен, по крайней мере, ссылка на него архаична, да и вряд ли она послужила поводом для создания конвенции. Причина и повод: самоопределение, самоидентификация цеха после 70-летнего посприяния основных норм журналистики».*

А.К.Симонов (Фонд защиты гласности) в своей рецензии укоряет конвенцию: *“Определять место СМИ на рубеже веков через конвенцию тюменских журналистов, даже если ситуация новая, по меньшей мере нескромно. Сразу возникает ощущение некоего равенства событий – тюменской конвенции и рубежа веков”.* И еще один рецензент – А.А.Шароградская (Институт развития прессы, СПб.) – вполне определенно иронизирует над глобализмом наших амбиций: *“Авторы обращают внимание на презумпцию этической вменяемости тюменских журналистов, что по форме выглядит несколько экстравагантно, но по существу предполагает готовность журналистов региона, по крайней мере в этом плане, занять ведущие позиции в российской журналистике”.*

Но вот тезис В.П.Зуйкова (ИТАР-ТАСС): *“Принимать ответственность на себя или искать способы уклониться от нее, списывая все на трудную ситуацию в обществе, – этот рубеж и определяет проблемную ситуацию в журналистике сегодня”.*

И при обсуждении второго фрагмента преамбулы конвенции – вопроса об основном, доминирующем *мотиве* создания ее – участники проекта выдвигали альтернативные суждения. Так, хотя А.К.Симонов сегодня почему-то уже не говорит о таком мотиве, как *внешняя угроза* свободе слова, в том числе от режима управляемой демократии, участники проекта не забыли о ней. Е.В.Горбачева: *“Времена внешней угрозы свободе слова мы уже как бы забыли, но, полагаю, что слишком поторопились”.* Л.Н.Вохмина (“Тюменская правда”): *“Увы, сейчас, по-моему, подули старые ветры”.* В.С.Кузнецов:

«Одно время казалось, что такой мотив саморегуляции “цеха” через кодексы, как защита от внешней угрозы свободе слова со стороны власти, ушла. Но, возможно, она уже возвращается».

И все же большинство участников проекта говорили о внутренней угрозе. Так, например, по мнению Ю.И.Пахотина, *“мы замечаем, что доверие к СМИ со стороны общества падает. В этом неприятном факте большая доля вины самих средств массовой информации, зачастую злоупотребляющих свободой слова”*. Переключаясь с ним, С.А.Фатеев (Телекомпания “Ладья”) *“угрозу нравственной жизни журналистского сообщества”* видит *“в появлении журналистов-беспредельщиков”*.

В свою очередь, А.К.Омельчук полагает, что *«единственным мотивом появления конвенции является угроза саморазрушения, ибо “цехом” до сих пор не осознается основополагающая природа информации как самодостаточного и самодовлеющего источника»*.

Выделю суждение Р.С.Гольдберга. *«На первое место среди мотивов активизации саморегулирования “цеха” с помощью кодексов я бы поставил нежелание быть в стаде. И общество вообще, и любое сообщество, в том числе и журналистское, без законов, без того, что объединяет, – дикое стадо. Но что же нас объединяет? Сама по себе профессия или то, что мы все работаем в одной газете? Очень размытое основание, ибо выходит, что любой, кто пришел к нам, даже с улицы, – журналист, любой, кто ушел отсюда, – перестал быть журналистом. Я думаю, что объединяет нас свод правил. Вошел в наше сообщество, принял наши правила – стал членом профессионального сообщества. Не принял этих правил – изгой, чужак, разрушитель. Кодекс – способ саморегулирования сообщества, не дающий ему стать стадом»*. Вспомним и переключаясь с этим суждением мнение Е.О.Кох, цитированное выше.

На основе анализа этих и других суждений участников проекта и появился текст двух начальных параграфов третьего варианта конвенции, к обсуждению которого мы, наконец, переходим.

А.К.Симонов начал выступление с замечания о результатах своих наблюдений за жизнью сообщества отечественных журналистов. Десять лет наблюдения, причем чем дальше, тем более пристального – Фонд защиты гласности отслеживает 1300-1500 конфликтов в СМИ в год, – показывают, что очень многие конфликты, безусловно, связаны с темой семинара. *«Мне казалось, – сказал А.К.Симонов, – что такой внутренний мотив саморегулирования, как стремление к совершенствованию жизни “цеха”, стремление самим стать лучше, уже настолько ослабел, что единственным серьезным мотивом стало самосохранение (через самоограничение) в связи с внешней угрозой. И я до сих пор убежден, что только угроза полного уничтожения профессии заставит журналистов подумать о том, что происходит с профессией, что происходит с ними самими»*.

С другой стороны, обнаружилось, что когда “гиря до полу дошла”, когда мы уже оказались на самом дне, и в Тюмени, и в разных других местах журналисты опять стали задумываться о сути и смысле своей профессии. Причем чувство самосохранения и чувство самоочищения, самосовершенствования вполне совместимы. И все же мы с вами сейчас существуем в условиях концентрации внешних угроз, которые выражаются во вполне конкретных действиях власти. В ближайшее время будут создаваться (и уже начали) СМИ еще одного уровня – окружного. И создаваться они будут с недостаточным финансированием. Следовательно, вынуждены будут добирать средства на существование на рынке. Естественно, что рынок федеральных СМИ будет для окружных СМИ закрыт, они вынуждены будут идти на рынок региональных СМИ. Передел этого рынка станет отчетливой экономической угрозой.

Но одновременно с этим намечается еще одна тенденция. Общество начинает все больше дружить с властью, делегируя ей очень многие определения. И я очень боюсь, что в ближайшее время общество делегирует власти, в том числе, и определение нравственных принципов журналистики. Соответственно, власть нам и выкатит: одним – бочку с пивом, а другим – четыре плахи. И тогда посмотрим, действительно ли кто-то захочет выбирать между этими двумя возможностями. У меня ощущение, что все пойдут к пиву, на плаху вряд ли кто-нибудь захочет. Поэтому так важна возможность возразить власти, претендующей на определение нравственных принципов журналистики, сказать: “Спо-

койно. Не надо. Все это уже давно осмыслено. И выполнено. Будьте любезны, с этим в другое место. Вон у творческого Союза кинематографистов до сих пор нет порядка с нравственными правилами. Вот и работайте с их нравственным кодексом, а мы с этим уже разобрались”. Такая возможность и содержится в профессионально-этических документах.

А без этого в самое ближайшее время “учителя” от власти к нам придут. Я в этом уверен. Поэтому к чувству высокого собственного достоинства добавить немножко чувство самосохранения – это не унижительно ни для журналиста, ни для журналистского общества».

С.А.Фатеев. Я присоединяюсь к сказанному Алексеем Кирилловичем. Правда, здесь, в Тюмени, мы не столь явно ощущаем внешнюю угрозу для прессы. Хотя и у нас есть прецеденты: власть судится с прессой, теми или иными способами пытается ограничить действия прессы, ее независимость. В основном – экономическими методами действует: какое-то СМИ поддерживает более активно, кого-то не поддерживает совсем. И все же говорить о внешней угрозе свободе слова как об одной из главных и как о главной причине самоорганизации тюменских журналистов я бы не стал.

Что же касается ведущего мотива создания и принятия конвенции, то на первый план, на мой взгляд, выходит проблема профессиональной чести, профессиональных достоинств, профессиональных качеств членов нашего журналистского сообщества. Очень плохую услугу оказывают нам те, кто считает свою профессию в некоторой степени продажной, готов написать тот или иной материал по заказу, противореча таким основополагающим требованиям профессии, как достоверность, объективность, честность. Мне кажется, эта угроза наиболее существенна, наиболее серьезна. Именно это может развалить сообщество, разложить его на кланы, что, кстати, мы видим уже сейчас.

Далее С.А.Фатеев рассказал о случае из своей практики: «Последние два месяца я побывал в ряде северных городов. Приехали мы в Лабитнанги с делегацией из Тюмени, которую возглавлял губернатор. И естественно, журналисты окружили такого гостя, о котором на Севере, особенно на Ямале, пишут много негативного. Стали задавать вопросы, в том числе нелестные. Губернатор отвечал, высказывал свою позицию. И вдруг я вижу, как руководитель пресс-службы губернатора Ямала показывает своим журналистам: “Прекращайте!”. И некоторых из них буквально оттаскивает от губернатора. Ситуация для меня была настолько дикой, что я подошел к коллеге: “Что происходит?”. “Да у нас кассеты кончаются”, – ответил он. Но действительная причина в другом. Все мы знаем о том, какие сложные процессы идут во взаимоотношениях трех субъектов федерации. Хотя именно в такой сложной ситуации очень важна максимальная объективность СМИ.

Поэтому и необходима для журналистов общая нравственная позиция, общие нравственные рамки. Поэтому, мне кажется, нам нужно самоорганизоваться через определение нравственных стандартов».

Ю.С.Бубнов (“Тюменские известия”). Очень неприятно сознавать, что к внутреннему самосовершенствованию, к тому, чтобы быть элементарно порядочными в своей профессии, нас принуждает внешняя беда. В виде внешней угрозы. Нельзя отрицать, что есть и внутренняя угроза. Может быть как-то отразить в конвенции, что даже если бы и не было этих угроз, мы должны совершенствоваться.

И еще одно замечание. Я слышал скепсис такого рода: можно разработать хорошую конвенцию, а что дальше? В связи с такими высказываниями я вспоминаю замечательные слова одного водителя, который на вопрос: “А мы туда проедем?” – говорил: “Если поедем, то проедем!”. Пусть у нас будет конвенция, давайте, попробуем. Кому-то надо начинать.

Реплика В.И.Бакштановского. Меня беспокоит, когда мотивом создания конвенции объявляются соображения целесообразности. Конечно, не надо стыдиться этих соображений – все мы живем на этой земле и в своей частной жизни, и в общественной, и в профессиональной руководствуемся аргументами целесообразности. Но в этом случае трудно называть конвенцию именно *этической*. И я был рад услышать от вас, Юрий Семенович, чисто моральную мотивировку нашей работы. Она укрепляет позицию конвенции.

В.П.Зуйков начал свое выступление с выражения готовности принять конвенцию. «Правда, – сказал он, – предлагая государству с нами договориться, не стоит забывать, что пока государство в лице разных своих органов является учредителем очень многих СМИ. В такой ситуации, я думаю, все наши конвенции – не более чем благие пожелания.

Они нас учредили, они нам дают деньги. И свобода слова, о которой мы сегодня говорим, которую пытаемся защищать, это, с одной стороны, свобода выбора нами работы в том или ином СМИ. С другой стороны, это свобода создать самому собственнику-учредителю “обертку”, в которую заказчик наш, учредитель, завернет нужную ему конфету. Не осознав всей этой реальности, мне кажется, мы нормальную конвенцию не создадим. А создадим – вряд ли она будет действовать так, как нам бы хотелось всем».

Далее В.П.Зуйков привел примеры. Один из них – об освещении им поездки по Тюменской области С.Шойгу именно как лидера “Единства”, в рамках предвыборной кампании: “Я пытался в своей информации в ТАСС рассказать о тех нарушениях закона, которые были допущены: использование служебного положения, самолета, задействование административного ресурса, протест ОВР и т.д. В ТАСС вежливо выбросили всю информацию в корзину и сказали, что об этом писать не нужно.

С одной стороны, я согласен, что нам нужен этический документ, нужны условия игры. Но партнеры-то у нас в другой весовой категории! Они – учредители. Может быть, не наше поколение решит проблему участия государства в учреждении СМИ, может быть, следующее, но говорить об этом нужно сегодня”.

Г.М.Голованова решила возразить коллеге: Я так понимаю Владимира Зуйкова, что не нужно нам работать над какой-то конвенцией, потому что за нас все определили учредители. Это очень плохо, что именно они определили. Сегодня это приводит к тому, что СМИ просто уничтожают друг друга. Даже в нашем маленьком городе СМИ находятся в состоянии конфронтации – в зависимости от того, какую позицию занимает их учредитель-издатель. Но конвенция, на мой взгляд, в первую очередь и необходима для того, чтобы консолидировать журналистское сообщество, объединить его. Пока учредители определяют свои правила негласно, они еще не сформулировали их и не огласили. И нам нужно успеть самим их определить.

Л.П.Машинова (“Тюменская правда”). То, что мотив внешней угрозы свободе слова значим, наша газета испытала на своей шкуре. Потому что власть может закрыть газету и на ее месте открыть другую. А всем остальным журналистам, не попавшим в новое издание, сказать: идите куда хотите. И все же истина человека внутри его самого. Поэтому конвенция должна быть принята – каждый сам выбирает свой путь: как ему поступить, что ему говорить.

В.Ю.Князев (“Сибирский посад”). Боюсь, что мы увязнем в проблеме взаимоотношений власти и прессы. Переведя разговор с внешней угрозы и обратившись к самим себе, мы поймем, что тема семинара чрезвычайно важна. Более того, необходимо ее формализовать в конкретном этическом документе. Вот, например, в “Известиях” было опубликовано интервью с обозревателем газеты “Вашингтон пост”. Он рассказывает о четком разделении: информация – новости – комментарии. Газеты имеют право комментировать, в том числе выступления и поступки своих оппонентов в предвыборной борьбе. Что касается новостей, четко прослеживается пропорция: пятьдесят на пятьдесят – из того и из этого стана. У нас – увы.

В.И.Бакштановский. Тема власти – не основная для нашего семинара. Но она возникла здесь вполне уместно. В этом смысле Владимир Парменович Зуйков рационально заметил: не превратится ли конвенция в благие пожелания, если мы забудем о проблеме учредителя. Но и заикливаться на этом было бы нецелесообразно.

Ю.В.Казаков (Национальный институт прессы). Мы не случайно вышли на проблему СМИ и власти. Хотели обойти, но не удастся. А.К.Симонов справедливо отметил, что именно под угрозой полного уничтожения профессии “цех” начал оглядываться на себя и пытаться заново понять свои основы. Но гораздо значимее для “цеха” угроза деформации профессии, ее трансформация, вялое перетекание в пиар, любой, не обязательно “черный”. Эта внутренняя угроза только-только начинает осознаваться нами.

И самое важное то, что мы стали обсуждать роль каждой из угроз: Стоит ли их уравновешивать? Меня чрезвычайно задело – в хорошем смысле слова – рассуждение Ю.С.

Бубнова о значимости ответа на вопрос: мы обратились к теме профессиональной этики потому, что внутренне оценили ее роль, или сделали это “под дулом пистолета”? Чьего “пистолета” – власти, собственника? А внешняя угроза носит многоликий характер – это и появление информационных доктрин, всяких комитетов по этике, которые готовы заниматься нравственностью от имени государства. И надо еще решить: внешняя угроза – стимул моральный или внеморальный?

В любом случае, как сказано в Софийской декларации, “Профессионально-правильные методы журналистской работы являются наиболее эффективной гарантией от правительственных ограничений и давлений со стороны особо заинтересованных групп. Любые попытки установления норм, руководящих принципов должны исходить от самих журналистов”.

С моей точки зрения, надо очень серьезно говорить именно о моральных стимулах тех, кто взялся за создание-подписание конвенции. А сама по себе конвенция – серьезное продвижение. И что бы я сделал с текстом раздела “Проблемная ситуация”? Я бы выбросил строчки про “глобальное – провинциальное”. Думаю, что конвенция настолько значимая, что комплексовать на эту тему не стоит. Может быть, не писать в разделе о вседозволенности, а сказать, что нас не устраивает сегодняшняя нравственная атмосфера в журналистике. Она не стала хуже, как здесь написано, просто ее не было – никакой. А теперь мы понимаем, какая она, и она нас не устраивает. Принципиально важно, что этот раздел появился. То, что тюменские журналисты первые начали об этом говорить – замечательно.

В заключение В.И.Бакштановский заметил, что идеальный вариант работы семинара – если бы все наши рассуждения и споры превращались в конкретные предложения к варианту конвенции, как это сделал Ю.В.Казаков. Важно, чтобы в итоге интересных дискуссий появлялись и замечания в тот или иной раздел конвенции.

Завершая работу первого этапа семинара, отмечу, что, на мой взгляд, важно для понимания роли соответствующего раздела текста конвенции. Характеристика медиаситуации как ситуации духовно-нравственной неопределенности, как ситуации такого перепутья, когда на придорожном камне нет надписей-прогнозов и требуются не рыцари-читатели, а “писатели”, не позволяет пренебречь соответствующим параграфом в конвенции, во-первых, предопределяет роль параграфа о моральном выборе – во-вторых.

Второй этап – работа семинара над разделом конвенции под названием “Корпоративная миссия: поиск идентичности”. После просмотра специального видеосюжета ведущий проблематизировал тему с помощью образов “зеркало” – “зеркальщик” и привел типичные суждения рецензентов и участников экспертизы по поводу текста данного раздела конвенции.

Л.В.Караваева: *«От формулировки “миссия” я слегка теряюсь. Не хотелось бы возводить журналистов в ранг “богочеловеков”. Миссия – это “зеркальщики”, а мне ближе – “зеркало”»*. А.К.Симонов полагает, что *«весь этот раздел лишний. Люди, которые о своей профессии говорят как о миссии, вызывают у меня подозрение. Снижение пафоса пойдет на пользу конвенции. Но если выбирать между практикуемыми моделями миссии (социальной функции) профессии, то я бы спорил с миссией “четвертая власть” (она очень соблазнительна для журналистов) и отстаивал тезис: мы, журналисты, помогаем обществу понять самого себя. В этом смысле мы – “зеркало”»*. В своей рецензии Ю.И.Пахотин говорит: *«В России не только поэт больше чем поэт, но и газетная публикация, и телепередача, больше чем жанр. Это всегда урок нравственности или безнравственности. Миссия российского журналиста все-таки – помочь людям разобраться, кто “плохой”, кто “хороший”, что есть “добро”, а что “зло”. И о чем бы не писал и не говорил журналист, зрители, слушатели, читатели будут ждать именно этого: оценок, морали. Все известные мне попытки американизировать СМИ, сделать их сухими, информационными, беспристрастными – веди к краху»*. В свою очередь Г.М.Голованова отмечает, что *«в предшествующем экспертном опросе тюменских журналистов на вопрос: Журналист – зеркало или зеркальщик? я отвечала: “зеркальщик”. Сегодня в моем взгляде на профессию произошли изменения. Слишком много я*

наслушалась и насмотрелась журналистов, стремящихся навязывать аудитории свое мнение».

“Определиться в отношении этих дискуссионных подходов и предстоит участникам семинара,” – сказал ведущий.

Первым выступил Р.С.Гольдберг. Свое сообщение он начал с продолжения темы первого этапа семинара. «Надо защищать свободу слова от свободы слова. Как это ни парадоксально. Слово убивает. Когда-то Эгон Эрвин Киш назвал свой репортаж “Убивает ли буква?”. Я бы позволил себе сменить формулу – убивает ли слово? Слово убивает своих носителей, убивает нашу профессию. Вы обратили внимание на то, что общество никогда так плохо не относилось к журналистике, как сейчас? Никогда. Если вы говорите по телефону с читателями и слушателями, обратите внимание, с какой легкостью собеседник срывается в истерику. Он не воспринимает вас даже просто как человека. Это то, что мы заработали. Я тешу себя надеждой, что заработали не мы сами, а другие, такие же, как мы. Журналисты, которые действуют в режиме вседозволенности. И это, в конце концов, приведет к уничтожению профессии. Все зло рождается внутри нас. И опасность для профессии – там же.

Мы часто сравниваем себя с американской прессой. И я всегда задаю своим студентам вопрос: кто изображен на американских купюрах? Франклин – отец американской прессы, редактор второй по счету американской газеты. У нее были принципы, которые сохранились по сей день. А у нас? Тому, чему мы сегодня не сопротивляемся, мы тем самым потворствуем. Есть военно-морской флаг-сигнал, описание которого звучит так: ваш путь ведет к опасности. Так вот, наш путь ведет к опасности».

Возвращаясь к теме второго этапа работы семинара, Р.С.Гольдберг отметил, что не отказывается от своего давнего заявления по поводу доминирующей корпоративной миссии журналистов. «Я – “зеркальщик”. И есть люди, которых интересует мнение журналиста, а не только информация о том, что происходит вокруг. В целом же, наверное, нужны и “зеркала”, и “зеркальщики».

Ю.И.Пахотин начал свое выступление с реплики: “У нас тоже был журналист на всех купюрах: В.И.Ленин”. Далее он развил свой ранее высказанный (в рецензии на проект конвенции) тезис: «Считаю, что “сухая” американская журналистика, “абсолютно информационная”, у нас не будет принята. Нашего читателя воспитала российская и советская журналистика – читатель ждет оценки. Журналист не может не давать свое мнение. И он имеет на это профессиональное право. Выживет такая журналистика. Традиции российской журналистики останутся – есть читатель, воспитанный на них».

Затем Ю.И.Пахотин объяснил, почему он считает, что тюменская конвенция очень нужна сообществу: «Нет, наверное, ни одного журналиста, который бы не вздрогнул, читая тюменскую прессу. Я понимаю, существуют условия – тебе платят, ты должен писать. Но когда журналисты начинают за деньги сами себя искренне влюблять в того, кого надо хвалить, – это что-то новое. Или другой пример. Смотрю на работу молодых: вот по ТВ идет разнuzданный комментарий. Его дает журналист, еще ничего не сделавший в жизни и в профессии. И он берет на себя наглость давать оценки очень сложным фигурам, обществу. Это вне этики. И конвенция должна существовать как раз для того, чтобы журналист сознавал: есть вещи, которые нельзя делать».

О давлении извне – власть всегда и везде давит на СМИ. И будет давить. Но есть моральный выбор самого журналиста – поддаваться или нет.

Забегая вперед, не дожидаясь заключительного этапа семинара, хочу сказать: эту конвенцию должны подписать все. Хотя бы ее фрагмент “минимальный стандарт” – нет журналиста, который внутренне бы его не принял. Ведь любые нарушения минимально осознанны. Я этот стандарт в любом случае подпишу, и так его всегда стараюсь выполнять, а подписание конвенции – дополнительный стимул. Я его подпишу, даже если другие не подпишут. В своей газете назову тех, кто не подписал».

В.И.Бакштановский. Что же все-таки делать, если некоторых участников семинара смущает слово “миссия”?

В.П.Зуйков. Вместо слова “миссия” дать замену, например, “социальная роль”. Или прояснить смысл употребления слова “миссия”, чтобы избежать ложного отождествления. Но сам раздел необходим. Не определив место и роль прессы в обществе, вряд ли

мы сможем выработать этические нормы взаимодействия с обществом. Я не совсем понимаю разницу между зеркалом и зеркальщиком. Если зеркало – то оно стоит мертво, а мимо него что-то ходит и автоматически отражается. А если зеркальщик – то это тот, кто зеркало носит и под определенным углом отражает что-то. Мне кажется, что журналист – человек, который имеет свою точку зрения о происходящем, что формирует общественное мнение.

Г.М.Голованова. Считаю необходимым включить в конвенцию раздел о миссии. Что касается термина – я бы употребила слово “функция”. Но так как текст конвенции предполагает некоторое возвышение над реальностью, то можно оставить и термин “миссия”. Что касается роли самого раздела, то ведь любой журналист задает себе вопрос: “Что я делаю? Или управляю обществом, или информирую, или помогаю людям?” Отсюда он определяет, на кого он работает: или на немногих, или на большинство, или на избранных.

Считаю, что сегодня более правильной является миссия “зеркало”. Если мы говорим о необходимости объективной журналистики, то именно исполнение миссии “зеркало” приведет к этому. А функцию “зеркальщика” в наши дни я считаю вредной для общества. Почему? В советской журналистике можно было быть только “зеркальщиком” – любая информация несла идеологическую приправу. В тех условиях человеку навязывалась коллективистская мораль, ему внушалось, что он может себя реализовать только в коллективе. Поэтому и был необходим журналист-“зеркальщик”: он показывал, где хорошо, где плохо, где право, где лево, и человек ориентировался, куда ему идти. Сегодня от нашего человека потребовалось делать самостоятельный выбор, самостоятельно принимать решения, самостоятельно отвечать за свои поступки. В таких условиях миссия “зеркало” – иначе говоря, миссия информационная – самая подходящая для журналистики.

В.А.Кабакова (“Тюменский курьер”). Мне кажется, что раздел о корпоративной миссии обязательно должен быть в конвенции. В любом договоре стороны говорят друг другу о том, чем они занимаются, – от этого будут зависеть дальнейшие пункты договора. Как назвать – корпоративная миссия или функция? Может быть, социальная функция? И тогда сформулировать миссию как осуществление права общества на достоверную важную информацию. В целом этот раздел, я согласна с Галиной Головановой, предопределяет остальные разделы конвенции.

В.И.Лысов (“Парламентская профессия”). Я понимаю коллег, которые не хотят употреблять высокопарных слов, посвящать этому специальный раздел конвенции. А по сути, уважаемые коллеги, мы просто должны вспомнить вторую статью Закона о СМИ, где сказано о назначении нашей профессии. Если в недалеком прошлом наша профессия называлась “средства массовой информации и пропаганды”, ибо были такие отделы пропаганды во всех редакциях, то сегодня (я еще раз возвращаюсь ко второй статье Закона о СМИ) наше назначение – информировать.

Ю.И.Машинов (“Тюменская правда”). Независимо от того, будет ли раздел о миссии, я за конвенцию. В ней должны быть заложены моральные стандарты, которые не позволяли бы нам уничтожать друг друга. Я почувствовал это на себе. На меня заведено девять дел, одно из них уголовное. И все дела спровоцированы коллегами по “цеху”. Я хочу, чтобы в конвенции мы записали: такие действия мы квалифицируем как аморальные.

И.В.Александрова (Пресс-центр городской думы). Слово “миссия” – высокое по определению. И в соответствующем разделе надо говорить о высоком предназначении, а не о конкретных функциях (“информационная”, “зеркальщики”, “зеркало” и т.д.). Но не надо путать: или мы говорим о клятве Гиппократова и тогда – о миссии (спасать больных людей, возвращать им здоровье и т.д.), или говорим о функциях (т.е. терапевт, хирург, стоматолог и т.д.). Это совсем разные уровни. Либо жанр высокой поэзии или прав человека, либо просто жанр конкретных функций.

Р.С.Гольдберг. Мы тут с Еленой Оттовной обменялись мнениями и у нас такая родилась формула: миссия – это нечто высокое внутри тебя, но говорить вслух о ней нельзя.

Ю.В.Казаков заметил, что будет безумно жалко, если мы потеряем этот раздел. Мы все время слышим слово “миссия” почти в библейском масштабе. Но ведь есть и другие

смыслы. Например, слова “дипломатическая миссия” никого не раздражают. Иван Бунин в 1924 году написал о миссии людей, которые были вынуждены покинуть родину и жить в эмиграции. Рассуждая о “Миссии русской эмиграции”, Бунин говорит, что если заглянуть в любой французский словарь, то обнаружится, что “миссия” – это как бы посольство, на которое кто-то тебя уполномочил. Эта формула уполномоченности для нас важна. Если мы уведем разговор о миссии от библейского масштаба и начнем выяснять, что это такое – быть уполномоченными, подумаем о том, кем уполномочены – собой, коллегами, обществом, то наш раздел заработает. И станет ясно, что если у нас нет этого внутреннего ориентира – миссии, то неизбежно запутаемся в функциях.

Заключая работу над этим разделом конвенции, В.И.Бакштановский отметил, что легче всего подвергнуть его хирургическому вмешательству, тогда все проблемы снимутся. Но поскольку, с одной стороны, были соображения о том, что его название нужно сделать более точным, развести, например, “миссию” и “функцию”, как-то снять пафос у слова “миссия”, с другой – значительная часть зарубежных кодексов содержат такой раздел и не стесняются пафоса, с третьей – в структуре конвенции каждый элемент – это кирпичик, без которого она развалится, раздел “Корпоративная миссия” требует скорее доработки, чем изъятия.

Обсуждение на семинаре убеждает, во-первых, в необходимости расшифровки смысла понятия “миссия” в разделе “Комментарии”. Во-вторых, в правомерности последнего тезиса предложенного на экспертизу раздела конвенции: *«из множества миссий прессы, которые определяют жизнь и социальную роль профессиональной корпорации, каждая редакция выбирает то, что более соответствует ее учредительным документам. Примеряя метафоры “зеркало” и “зеркальщик”, мы полагаем, что журналистское сообщество не выбирает одну из этих стратегий вопреки другой, а сочетает их в зависимости от особенностей конкретной профессиональной ситуации».*

После просмотра телесюжета на тему данного этапа работы семинара В.И.Бакштановский рассказал о том, как появилась в конвенции тема “Журналист как субъект морального выбора”.

Как оправдать наличие этого инновационного раздела (сколько я ни пытался изучать другие кодексы, по-моему, прецедентов нет), тем более, если текст его больше любого другого? Прежде всего, надо убедиться в реальности, а не академичности проблемы профессионально-нравственного выбора для участников проекта. Аргумент простой: фактически никто из участников экспертных опросов или семинаров не уходил от обсуждения темы морального выбора в профессиональной деятельности журналиста. Многие участники проекта – Р.С.Гольдберг, А.К.Омельчук, Е.В.Плетнева и другие – приводили примеры из собственной практики.

Кроме реальности данной проблематики аргументом ее оправдания являются трудности решения проблем морального выбора. Например, и в случае очевидно верных решений в подходе к этим примерам трудности возникали при необходимости обосновать свой выбор, показать, что речь идет не только о выборе между вариантами конкретного решения, но о предпочтении тех или иных ценностей. Рассуждения участников проекта по этому поводу отразились в предложенном семинару варианте текста раздела. *“Как опознать ситуацию морального выбора, отличить ее? На мой взгляд, просто: когда сталкиваются добро со злом, когда вы можете поступить либо нравственно, либо безнравственно”* (Ю.Пахотин). А вот позиция Г.М.Головановой: *«Разделяю суждение, по которому самое трудное – не “прозевать” ситуацию выбора, не пройти мимо, “не узнав” ее. Журналисту такое не позволительно: его решения часто чреватые ответственностью социального масштаба, журналистика – “орудие массового поражения”».*

И действительно, для профессиональной этики – в отличие от норм техники безопасности, санитарной гигиены, пожарной безопасности, административных инструкций и т.п. – принципиально важно не просто эффективные средства и полезные результаты, но и основания поступка, его смысл, ценностные ориентиры.

Раздел необходим, полагает большинство экспертов. Но какую роль придать этой теме в конвенции? Вот некоторые суждения рецензентов. В.С.Горбачев: *“без размышле-*

ний о моральном выборе конвенция сведется к голой прагматике». А.К.Симонов: «Я бы снизил пафос, связанный с понятием “кредо”. Но то, что вопросы “ради чего?” и “во имя чего?” важнее вопроса “с какой целью?” – согласен».

Может быть, самым трудным оказался вопрос о критериях морального выбора, особенно – с точки зрения оценки успешности-неуспешности профессионала. Весьма проблематично высказывается Е.В.Московкина (Информагентство “Тюменская линия”): «Честно ли это – напоить чиновника, чтобы “вытянуть” из него признание, как он украл из бюджета деньги, и записать его признание на пленку, не предупредив его об этом? Наверное, не честно. Но, по-моему, в данной ситуации цель оправдывает средства. И подобных ситуаций в деятельности журналиста может быть очень много». Конкретное предложение в текст конвенции вносит Р.С.Гольдберг: «я позитивно решаю вопрос о том, есть ли какие-то основания, кроме просто “наития”, кроме аффективного, эмоционального решения, для совершения достойного выбора. Поэтому, вероятно, недостаточно в нашем будущем кодексе-конвенции просто сказать: журналист, тебя ждет в твоей профессии множество ситуаций морального выбора, не прозевай их. Нужны и какие-то ориентиры... Газете нужен профессиональный успех, нацеленность журналиста на успех и есть одно из оснований принятия решения в трудной ситуации».

А теперь прошу высказаться по поводу судьбы и конкретного текста данного раздела конвенции, дать замечания и предложения для его совершенствования.

Г.М.Голованова. Это очень важный раздел. Журналист, конечно, является субъектом морального выбора, а наиболее трудное в этих обстоятельствах – решить вопрос о критериях принятия решения. На мой взгляд, здесь нужно руководствоваться своим собственным представлением о том, что такое хорошо или плохо, и еще той ответственностью, которую человек несет (это он должен изначально понимать) за свое решение.

Профессия постоянно расставляет моральные ловушки для журналиста. Не случайно сегодня уже говорилось о конфликте между интересами читателя и издателя. И при подготовке конкретного материала журналист должен делать выбор – на кого он работает в данном случае, на читателя или все-таки на издателя. Еще одна очень типичная ситуация – конфликт между обязанностью журналиста добывать информацию и теми препятствиями, которые он при этом нередко встречает, например, получая угрозу, запрет на публикацию, на распространение материала и т.д., связанный с довольно-таки серьезными последствиями для него, для близких. Разве в этой ситуации он не делает моральный выбор и не принимает решение сам, предполагая все возможные последствия своего решения? Еще одна ситуация – это конфликт между правом журналиста на доступ к информации и невозможностью добыть ее легальным путем. И здесь он встает перед выбором: можно ли добыть информацию не прямым путем – купить, украсть, еще как-то. Исходя из каких критериев принимается решение? Я думаю, пока – из собственного представления о том, что такое морально или аморально.

Конечно, в журналистском сообществе есть и неписанные правила, которые передаются от опытного журналиста к новичку. Мы все знаем, что если разбираешь конфликтную ситуацию, то обязан выслушать обе стороны – аксиома профессии. Ты не должен писать о своих друзьях и знакомых, расправляться, используя служебное положение, со своими личными обидчиками, и т.п. Мне это передавали более опытные коллеги, теперь я это объясняю начинающим. Но, думаю, что задача несколько бы упростилась, если бы можно было открыть конвенцию и прочитать в ней как об общих принципах морального выбора, относящихся к нестандартным ситуациям, так и о конкретных нормах для типичных конфликтов.

Ю.И.Пахотин продолжил линию на анализ конкретных ситуаций морального выбора. Он вспомнил девяносто третий год, октябрь, неожиданный ночной выход в эфир “Взгляда” и слова ведущих: “пусть они друг в друга стреляют, а мы пошли спать”. В моих глазах этим они себя морально уничтожили. С тех пор я не могу воспринимать А.Любимова. А ведь он блестящий журналист. Общественная мораль не должна вступать в противоречие с моралью профессиональной, особенно у людей, которые связаны с этим обществом – у журналистов, врачей, учителей. Любимов “проскочил” мимо ситуации морального выбора. “Проскакивает” ее и Е.Киселев. Как только он стал директором НТВ,

надо было уйти из ведущих: ведь теперь он защищает интересы предприятия, на котором работает, а не интересы общества.

Посмотрите в текст конвенции. Вот пункт: “журналист, работающий в режиме минимального профессионального стандарта ведет сбор информации только честными средствами и методами”. А одна из участниц проекта сказала в интервью, что вполне можно напоить чиновника, который украл миллион, записать беседу с ним на пленку и дать эту пленку на радио или в газете. А ведь есть общечеловеческая мораль и могут ли правила журналистского поведения противоречить ей?

Приведу одну ситуацию. Летели мы как-то в Ирак, а попали в Ереван, – помните эту историю с Жириновским и журналистами? Тогда для продолжения полета взяли только десять журналистов, а сто с лишним оставили в гостинице Еревана. Сидели мы в порту и обсуждали эту ситуацию. Михаил Леонтьев говорил, что эти десять журналистов, которых отобрали по какому-то непонятному критерию, не имели права улететь – надо было проявить корпоративность. А обозреватель “Московских новостей” сказал, что если бы ему предложили место в десятке, он бы полетел, а если бы отказался, его бы уволил редактор и был бы прав, потому что, если у тебя есть возможность взять уникальный материал для газеты, а ты отказался из-за какой-то там корпоративной солидарности, это не поймет ни один редактор. Это острая проблема морального выбора, когда у тебя еще есть особая этика твоего издания.

С ситуациями морального выбора мы будем сталкиваться, независимо от того, будет ли соответствующий раздел в конвенции или нет. Я считаю, что должен быть. Но надо иметь в виду, что когда совершаем неверный выбор, это делается не от незнания, а осознанно, мы всегда выбираем сознательно, идем на нарушение или не идем. Не бывает так, чтобы я неожиданно для себя обнаружил, что поступил аморально, например, узнав об этом от комиссии по этике, прочитав конвенцию и т.п.

По мнению В.П.Зуйкова, профессиональная мораль журналиста неотрывна от общечеловеческой морали. А ситуация морального выбора у журналиста возникает один раз – он делает свой моральный выбор даже не в начале карьеры, не на факультете журналистики. Мы приходим в журналистику уже морально определенными людьми. Повседневные ситуации морального выбора, с которыми сталкивается каждый из нас, это тактический выбор, стратегически же ты уже все равно определился. И из своей стратегической линии, из этого фарватера тебе очень трудно выйти, как бы ты этого ни хотел, даже осознав, что грешен и тебе надо как-то меняться. В обществе с массой газет разной ориентации мы приходим работать в ту газету, принципы которой соответствуют нашему стратегическому моральному выбору, не пойдем в ту, принципы которой нашему выбору не соответствуют.

Е.В.Горбачева (Пресс-служба представительства ХМАО в г.Тюмени). Я думаю, что многие помнят начало газетно-перестроечного бума, когда у журналистов появилась возможность “пнуть” или “куснуть” тех, кто до этого был неприкасаемым. Сейчас к такой возможности привыкли, да и неприкасаемых практически не осталось. А тогда многие издания и журналисты именно на этом делали себе имя.

Один случай мне врезался в память. Тогда еще молодой тюменский, теперь уже – не очень молодой московский журналист, долго искал и, наконец, нашел возможность пафосного разоблачения одного из тюменских партийных чиновников. У этого чиновника оказался, к несчастью, проблемный сын, который натворил что-то, в результате приведшее к уголовному делу. И таким образом, по аналогии “яблонька от яблоньки” (достаточно спорной, как я считаю), вся жизнь пятидесятилетнего мужика была перечеркнута. Заодно в материале была перечеркнута и семидесятилетняя история коммунистической партии.

Я запомнила этот случай потому, что по-родственному имела возможность наблюдать реакцию на него одного довольно матерого тюменского журналиста. Он чуть не заболел. Он так тяжело переживал эту ситуацию, как будто дело касалось лично его самого. И он мучился до тех пор, пока не написал ответный материал, который требовал от него и профессионального, и большого личного мужества.

Прошло почти пятнадцать лет, но я до сих пор внутренне содрогаюсь, когда встречаю фамилию Феде Сизого на газетных страницах. И думаю, что хотя моя шкура, как и

шкура Виктора Семеновича Горбачева, конечно же, стала более толстой и непробиваемой, но, судя по всему, ороговела не до конца.

Пример: не так давно открыла я глубокоуважаемую мной газету “Коммерсант”, которую всегда считала эталоном как ума, так и стиля, и такта. Мне всегда импонировало, что это издание умеет подколоть, но делает это очень профессионально, очень умно и очень тонко. И что я вижу в этой газете? Во-первых, репортаж с открытия музыкального театра. Цитата: «За соседним столиком ответственный секретарь российской ассоциации музыкальных продюсеров Любовь Воропаева с жаром рассказывала подруге о своем новом романе: “Меня уже три месяца любит мальчик, 29 лет. Он совсем не из нашей среды, он генеральный директор фирмы, которая занимается поставкой запчастей для американских автомобилей. Когда я уехала отдыхать в Турцию, он звонил мне три раза в день, а когда я вернулась, он плакал и просил его больше не оставлять...”». Как вы уже догадались, разговор подслушан, записан и опубликован. В общем, СПИД-инфо отдыхает. Мне было бы неприятно прочитать это и в “СПИД-инфо”, но, зная о наличии там подобной информации, я ее и не читаю. Во-вторых, на той же странице, чуть выше – репортаж с посмертного празднования (как это ни страшно звучит) дня рождения Артема Боровика, написанный в том же духе. Заканчивается он цитатой: “Веселая, энергичная вдова Вероника Боровик-Хильчевская позировала перед фотокамерами на фоне фотографии погибшего мужа”. Нет слов.

Видимо, ни к глупости, ни к пошлости, ни к хамству, ни к грубому вмешательству в личную жизнь привыкнуть до конца нельзя. Да, кстати, единственное, что меня в этой ситуации утешило: потом я очень внимательно следила за “Коммерсантом”, но фамилии этой отможенной дамы – автора обеих публикации – на его страницах больше не встретила. Надеюсь, что она проникла в газету, когда редактор был в отпуске.

А в нашей конвенции я нашла вот такую строчку: “В стремлении к эффективности мы нередко решаемся на выбор средств, противоречащих нравственной природе цели”. Ладно бы, если бы шла речь об эффективности, это бы можно было и понять, и простить, и порассуждать на эту тему. Но в большинстве случаев речь-то идет об эффектах, причем об эффектах достаточно дешевых.

И еще я бы хотела сказать вот о чем. Удастся ли нам объединиться под знаменем общей конвенции? Лично я сомневаюсь в этом очень сильно, особенно после того, как прочитала последние “Тетради гуманитарной экспертизы”, участниками которой стали люди, безусловно, профессиональные, с которыми мы работаем в одном цехе. Но, видимо, понятие нравственного и этического, так же как и прекрасного, у каждого слишком свое. И найти двух или трех человек, с которыми у тебя совпадают мировоззрение и моральные принципы, – это уже большое счастье. В этих же “Тетрадах” я встречала такие суждения, которые лично для меня непостижимы и с которыми я не могу согласиться.

Вот, в частности, и на это выступление записалась я сгоряча, после того, как прочитала исповедь глубокоуважаемого Рафаэля Соломоновича Гольдберга по поводу его репортажей из зала суда по делу “десятки”. Еще когда я читала эти репортажи, уже тогда постоянно думала о подоплеке, которую потом автор открыл всем в своем монологе. И не могла понять – мазохист он, что ли? Зачем же подвергать себя таким нравственным мучениям? Потом, когда прочитала объяснение его поступка в “Тетради”, подумала – нет, тут скорее садизмом пахнет. Особенно впечатлил эпизод с отцом этого парня.

Рафаэль Соломонович говорит о праве юриста не вести дело, в котором замешаны близкие, о праве врача не оперировать родственника. Не понимаю, почему он отказывается в этом праве журналисту? У журналиста точно так же, как у врача, как у юриста, может дрогнуть и рука, и сердце. Даже должны дрогнуть! А если не дрогнут, то речь идет не о журналисте-человеке, а о той самой “функции”, в которой слишком мало человеческого. “Я поступаю как функция”, – пишет Р.С.Гольдберг. А вот я лично отказываюсь ею быть и отказываюсь, чтобы меня, как “функцию”, использовали. И если точка зрения Р.С. Гольдберга о “функции” войдет в конвенцию, я вряд ли смогу под нею подписаться.

Я понимаю, что большинство людей, даже моего возраста, которые всю жизнь прожили в таком маленьком городе, как Тюмень, знают полгорода “с горшка”. Что уж говорить о Рафаэле Соломоновиче, с его жизненным опытом, который он так любит подчер-

кнуть. Но я-то считаю, что это “знание” – очень хороший ограничивающий фактор, сдерживающий многих, в том числе и меня.

Мы не должны забывать, что мы – провинциальные журналисты, в хорошем смысле этого слова. Мы – журналисты, которые живут в провинции. И ни нам, ни нашим детям, и, возможно, ни нашим внукам, не простятся те вещи, которые легко сойдут с рук “акулам пера” столичных мегаполисов. Поэтому я также не могу согласиться с суждением А.К.Омельчука, приведенным в этих же “Тетрадах”, где он восторженно говорит о смелости и отваге молодых журналистов, не имеющих той самой “дрожи в коленках”, присутствие которой Анатолий Константинович признает у себя. А мне, например, чаще приходится сталкиваться с их полной бесшабашностью и бестактностью.

Но мое выступление я прошу не принимать как призыв к трусости и осторожности. Это скорее призыв к чуткости, к такту, к дальновидности, к сдержанности во многих ситуациях. И я хочу подчеркнуть, что если даже среди присутствующих не найдется ни одного человека, который поддержал бы мою точку зрения, то я это наверняка переживу. Потому что конвенцию я написала себе давно и собираюсь следовать ей всю жизнь.

В.И.Бакштановский. Елена Викторовна, независимо от того, состоится или нет у вас дискуссия с Рафаэлем Соломоновичем по поводу того или иного конкретного решения по рассказанной вами ситуации, мне кажется, в одной конвенции могут участвовать люди, по-разному поступившие в той или иной конкретной ситуации.

Т.А.Топоркова (Кафедра журналистики ТГУ). Случай, о котором рассказала сейчас Е.Горбачева, имеет отношение ко мне. В той ситуации у меня был момент морального выбора. В ту пору, насколько мы все помним, Китаев баллотировался вместе с Павловым, а Сизый был у него в доверенных лицах. Помню момент телевизионной программы (я вела ее), дебатов по поводу выборов. Сизый присутствовал в студии и “наезжал” на Китаева. И мне приходит записка от позвонившего по телефону зрителя, в которой содержится компрометирующая информация на самого Сизого. Не похоже на донос, факты есть. И я, имея право зачитать эту записку сама, передала ее Сизому, которую он, естественно, не прочитал. Идут последние моменты передачи, я думаю, что, наверное, об этом надо сказать, для того чтобы уравновесить шансы сторон, участвующих в дебатах. Но этого морального выбора тогда я не сделала: наверное, немножко струсилa или излишне деликатно мамой была воспитана, может быть, просто какая-то стыдливость мне помешала.

Е.Горбачева и В.Зуйков говорят, о том, что свой выбор мы совершаем в жизни один раз – и навсегда. Да ничего подобного. В общем и целом мы можем для себя решить: “буду делать хорошо”, не буду делать того-то и того-то. Но возникает конкретная ситуация и... Например, студенты нашего отделения, в отношении которых я была уверена, которым доверяла как раз в нравственных моментах вещах, иногда очень огорчают меня: неожиданно меняют свои ориентиры, делают совершенно другой, не предполагаемый мною выбор. И я начинаю думать о том, где моя вина, где я просчиталась, чего им недодала?

И может быть в разделе конвенции прописать какие-то конкретные решения, стандарты выбора?

Е.В.Плетнева (“Тюменская правда”). Я хотела бы продолжить тему. Владимир Зуйков сказал, что мы совершаем выбор раз и навсегда, на всю жизнь. Нет, ситуации все время меняются, и в зависимости от этих ситуаций постоянно приходится делать новый выбор.

То, что случилось с нашей газетой, вы все знаете. Четыре года я занималась вопросами села, поддерживала начинания и реформы в сельском хозяйстве, которые проходили под губернаторским руководством. И вот ситуация поменялась. Жизнь сложилась так, что губернатор на базе нашей газеты создал новую, а нас оставил ни с чем. Теперь газету поддерживает губернатор Ямала – Неелов. А у нас не было особого выбора – или сдохнуть, или под него лечь. Но теперь, при новом хозяине, мы должны развернуться на сто восемьдесят градусов и поливать ту команду, с которой я всю жизнь работала и которая, я и сейчас уверена, принесла в сельское хозяйство юга позитивные изменения. Но если и теперь я буду писать о сельском хозяйстве правду, то есть говорить о позитивных моментах, выходит, что я получаю деньги от одного губернатора, а поддерживаю другого.

“Нет, – говорят мне, – давай, выбирай”. Сделала я один материал, нормальный, объективный, он пошел в трех газетах. Но когда я получаю газету с этим материалом, там вставлен итоговый вывод: “так разбазариваются бюджетные деньги”. Всего одна фраза – и весь мой объективный материал сразу показывает, что я пошла против команды Рокецкого. Нет, я так не хочу. И я ушла из темы, темы, которую я очень любила и люблю, и надеюсь, что еще вернусь в нее. Но пока мне пришлось уйти.

Вот такой выбор. Не знаю, сколько еще таких выборов предстоит совершить в жизни. Но, считаю, у журналиста выбор есть всегда. Особый вопрос, насколько больно он бьет по самолюбию журналиста, по близким ему ориентирам, но выбирать приходится постоянно.

А.К.Симонов (Фонд защиты гласности). Относительно тезиса, что выбор совершается единожды, раз и навсегда. Честно говоря, в постоянно меняющейся действительности наиболее опасными мне кажутся люди, которые ухитряются не меняться. Они опасны для самих себя, для окружающих и для дела, которым они занимаются. Они думают, что они и есть основополагающие камни бытия. А камень, как известно, изменяться не должен. Значит, они уже заведомо, изначально знают, как надо. Но люди, которые изначально знают, как надо, самые опасные люди, – это мы уже с вами много раз проходили. Когда у меня спрашивают об отношении к отцу, я говорю, что самое высокое его качество – это то, что он до самой смерти умел меняться, он продолжал развиваться как человек. У него менялись взгляды и я очень глубоко его за это уважаю.

Второе замечание связано с одной ситуацией, в которой я нахожусь. В конце прошлого года трое достаточно известных журналистов-расследователей зарегистрировали свое электронное средство массовой информации, журналистское бюро – ФРИЛАНС-БЮРО – и стали публиковать в Интернете материалы своих расследований. В июле этого года они разместили на своем сайте материал объемом в двадцать тысяч машинописных листов – базу данных, которая, якобы, принадлежала службе безопасности “Моста” и содержала компромат на примерно сто двадцать ведущих политиков, журналистов, бизнесменов. Причем, именно компромат, в котором усомниться было нельзя, ибо это были результаты оперативно-разыскной деятельности, в том числе – подслушивания телефонных разговоров. Правда, они убрали, насколько это было возможно, все конкретные упоминания – номера паспортов, номера телефонов и т.д. И предпослали своей публикации предисловие, сказав, что мы с вами уже давным-давно находимся под колпаком, куда более опасным, чем колпак КГБ-ФСБ, потому что там был хотя бы определенный колпак, а здесь мы находимся под неизвестным колпаком. Поскольку государство никакого внимания на охрану наших конституционных прав не обращает, мы публикуем все эти данные для того, чтобы состоялось громкое обсуждение вопроса о том, кто собирает на нас такие базы данных.

Их вызвали в Тверскую прокуратуру, спросили, где они это взяли? Они сказали, что купили за пять тысяч на Митинском рынке у одного из торговцев. “Опознать можете?” – “Если съездите, то можем”. – “Ну ладно, надо будет, съездим”. Все, больше их никто не трогал, и весь скандал, о котором шла речь, тем и ограничился. Две недели тому назад они, наконец, пришли в ФЗГ, потому что один из персонажей этой галереи пороков подал заявление с требованием возбудить против них дело о клевете. Поскольку он был внутри этого материала оклеветан. В прошлом этот персонаж уже был объектом интереса со стороны этих самых расследователей (еще в пору их работы в газетах), и встреча с ними, как говорится, не принесла ему больших дивидендов. Теперь состоялось как бы продолжение их взаимоотношений.

Итак, первый выбор. У них был выбор – покупать, не покупать. Да? Когда они это купили, у них был выбор – и они отдавали себе в этом отчет, – что взяв примерно тридцать материалов, сознательно перепроверив эту информацию через другие источники, они могли бы сделать тридцать – сорок публикаций. Дальше. У них молодой сайт, и они живут за счет того, что продают информацию, которую на этом сайте накапливают. Значит, внимание к этому сайту такая публикация, несомненно, привлекла бы, и в этом тоже был определенный выбор.

Теперь мой выбор. В этой ситуации они приходят ко мне и говорят, что если сейчас возбудят против них уголовное дело, то главное, чем должны будут защищаться, – лезть

в частную жизнь этого персонажа и постараться подтвердить, что собранные (не ними) о нем сведения верны, и это единственный способ, каким они в такой ситуации могут защищаться при ныне существующем правосудии и при тех формах, которые оно принимает при рассмотрении дел о защите чести и достоинства или дел о клевете. Я говорю: “Ребята, помочь я вам в любом случае помогу, поскольку у нас для этого есть юристы. Но вы должны сегодня сделать выбор. Если мы с вами пытаемся выйти на суд с проблемой, что важнее – частная жизнь персонажа или общественная потребность общества знать, что с ним делают любые спецслужбы, я с вами, я готов с вами идти до конца. Если вы готовы плюнуть на этот общественный интерес и говорите мне, что есть возможность, в принципе, достать документы, подтверждающие тот компромат, который уже на одного персонажа опубликован, помогать буду, но рядом с вами не сяду, в общественные защитники не пойду и близко мы с вами не сойдемся”.

Я для чего это рассказал? На протяжении всей этой истории количество совершаемых выборов, перед которыми они стояли, очень велико, просто один за другим. И в этом, в общем, нет ничего особенного, нормальная нынешняя журналистская практика. Проблема выбора – это постоянная проблема профессии.

Мне кажется, что проблема морального выбора должна быть основополагающей в конвенции. Обозначить, что мы с вами, подписывая конвенцию, точно знаем, что каждый божий день будем рисковать, совершая выбор, – это очень важно. Потому что, кроме всего прочего, мы с вами выросли в обществе, в котором выбор был вещью крайне редкой. Право на выбор завоевывалось или продавалось. Неизвестно, что чаще – то ли ты его завоевывал, то ли продавал себя, чтобы эту возможность выбора иметь. Вот меня выпустили в 63-64 году на год за границу, потом 18 лет не выпускали. Я два года задавал вопросы: “почему?”, потом плюнул, перестал задавать и стал себя чувствовать замечательно. Мне не надо было ни выбирать куда ехать, ни просить характеристики, ничего. Я совершил свой выбор один раз и дальше мне его уже не надо было совершать 18 лет, пока перестройка в 85-ом году меня не выкинула за границу вместе с кинофильмами и т.д.

Так что мы должны помнить, что проблемы выбора для нашего народонаселения – это проблема безумно тяжелая. Доктрина информационной безопасности, которую нам сейчас предлагают, базируется на самом-то деле на самой выдающейся концепции информационной безопасности, в которой жила советская страна. Концепция полной информационной безопасности заключается в том, что мы не знаем ничего. Нам не надо совершать выбора, и соответственно на этом базируется большая часть всего советского патриотизма. Обратите внимание, почему сейчас такая по этому времени ностальгия? Потому что у “них” все было, у них были бандиты, проститутки, стихийные бедствия и т.д. У нас этого ничего не было. В городе у нас кое-что происходило, а в остальных городах все было замечательно. И вот эта информационная безопасность легла в основу государственного патриотизма, и сегодня эта доктрина толкает нас обратно к этому самому патриотизму, она на него работает, в первую очередь. Это большая опасность – движение в сторону несовершенства выбора.

Поэтому сама постановка в конвенции вопроса о том, что профессия сопровождается зачастую мучительным и рискованным выбором, кажется мне абсолютно правильной.

Р.С.Гольдберг (“Тюменский курьер”). Елена Горбачева сделала так, что я должен разобрать поставленную в конвенции проблему морального выбора на конкретном примере из своей журналистской практики. Давайте посмотрим ситуацию в чистом виде, без надуманных рассуждений о садизме и мазохизме. Ни одно СМИ Тюмени не прошло мимо убийства Лавренова, Ляхова и других. Но, к сожалению, в зале суда 17 апреля оказались только два журналиста, и оба из нашей газеты, фотокорреспондент Сергей Русанов и я. У меня был выбор – послать вместо себя Леру Кабакову, но атмосфера в зале не самая спокойная, отношение общества к этой ситуации неоднозначное и подставлять сотрудника вместо себя я не мог. Да, мне было не просто решиться, легче всего было спрятать голову в песок и сделать вид, что трудной ситуации не существует.

Случилось так, что я знаю людей по обе стороны этого уголовного процесса, причём очень близко. Но родственником никому из них я не являюсь и не связан ни с кем из

них должностными или еще какими-нибудь узами. Просто хорошо знаю многих. С кем-то учился вместе, с кем-то работал. Но коллега сама сказала – город маленький и мы тут все друг друга знаем. Я не исключаю, что и Е.Горбачева могла учиться в одной школе с Алексеем Ляховым или с Алексеем Олизаревичем.

Тема сама по себе сложная. Дело достаточно шумное. Ситуация требовала от меня объективности. Все СМИ пишут об уголовных процессах. Об убийствах чаще всего, но большинство из нас, или из вас, если угодно, берет сводки милицейские, и на этом все кончается. А люди должны знать, что преступника потом, оказывается, судят, что он в тюрьме. Люди должны знать, чем это заканчивается.

Скажу честно, если бы я не был редактором, я с удовольствием бы стал судебным репортером, мне кажется это очень интересная и социально важная профессия. У нас фактически нет судебных репортеров. Поэтому надо говорить не о том, кто куда пошел и что он там. Конечно, удовольствие сидеть в этом зале, где перечисляют ранения, где рассказывают как человека забили стальной трубой, небольшое. Атмосфера, когда сидят люди вокруг тебя и плачут, очень тяжелая. Но это моральный выбор. Я что, удовольствие от этого получаю?

Е.В.Горбачева. Я возражаю только против того, что вывели в своем интервью такую формулировку, что вы функция и потому были обязаны это сделать. Я за собой такой обязанности не признаю. Когда речь касается моих близких и родных людей, то я, точно так же, как врач и юрист, могу взять самоотвод.

Р.С.Гольдберг. Сравнение некорректно, потому что там не было ни родных, ни близких. А что касается функции, простите меня, я всегда утверждал, что журналист во многом функция, а не миссия. Я всегда это говорил – “функция”. И опять-таки, судите по результату, а не по намерениям. А что касается меня лично (опять скажете – там садизм, а тут – нескромность), то еще в давние годы я сформулировал правило: сначала решить, чего я на самом деле хочу. Потом корректирую. Но сначала надо решить: чего же ты хочешь. И в этом плане мне было ясно, чего я хочу на самом деле. Было не легко, допустим, передавать письмо Министру внутренних дел от отца и матери обвиняемого в убийстве человека, которого едва не застрелили во время его побега. Я думаю, что поступил здесь достаточно прямо, честно и никаким образом своих ни симпатий, ни антипатий не проявил.

Н.П.Петрушина. Я благодарна Рафаэлю Соломоновичу Гольдбергу за то, что его “Тюменский курьер” – это единственное СМИ, которое мне рассказало объективно, в репортаже с места события, о том, кто прав, кто виноват. Больше никто об этом судебном разбирательстве не говорил. Например, я как человек, обязанный по долгу службы этим предметом заниматься, испугалась, может быть, в какой-то степени.

В.И.Бакштановский. Ясно, что семинар не является инстанцией, которая принимает решение в этой дискуссии, но я благодарю обе стороны – Елену Викторовну и Рафаэля Соломоновича – за то, что вы рискнули публично рассмотреть эту тему.

И.Александрова. Мне кажется, моральный выбор мировоззренческого масштаба задает ориентир для ситуативного выбора. И обсуждая выбор в конкретной ситуации, можно понять его мировоззренческие основания. Совсем недавно был такой случай. Об одном и том же выезде Службы спасателей узнали сразу несколько тюменских газет. И я смогла отследить, кто и как эту информацию подал. Итак, одна газета дала информацию о том, что приехали спасатели, в квартире оказался труп и т.п. Другая – сконцентрировала все свое внимание на том, что там была лужа крови. Третья – на том факте, что есть такая служба, что люди выезжали и работали. Почему я говорю именно о подаче информации? Потому что, мне кажется, поведение журналиста в конкретной ситуации выбора и выбор профессиональной миссии на самом деле очень взаимосвязанные вещи.

В.И.Бакштановский отметил, что нам часто хочется – и так по жизни и должно, наверное, быть – рассуждать о ситуации морального выбора как о повседневной, как о ситуации, которая постоянно встает перед нами, и мы выбираем варианты решения, варианты того или другого поступка. Но ведь есть и выбор линии поведения человека как более масштабный, более значимый выбор. Кроме того, часто кажется, что ситуация морального выбора требует от человека подобрать правильное решение, образец которого уже ранее найден. И потому нужно просто обратиться к некоему задачку-решеннику,

заглянуть в его конец, в раздел “Ответы”, и подобрать правильный ответ. В таком стремлении нет ничего плохого, оно понятно, в жизни действительно есть образцы решения многих ситуаций. Но можно ли абсолютизировать роль перебора и подбор решений? В конвенции должно быть подчеркнуто, что журналист – еще и субъект нравственных исканий, и многие ответы еще не найдены. Во всяком случае – не преднайдены. Ему самому предстоит сделать это. А в случае поиска ответов в самом себе, в опыте коллег по профессии, в опыте, который каким-то образом аккумулирован в разного рода кодексах, он все равно не просто перебирает варианты и подгоняет нужные ответы, но осуществляет акт поиска.

Ю.В.Казakov. Так ли уж свободен в своем выборе наш журналист? Может быть, свободой-то свободы и нет. Наша ситуация скорее трагична, именно трагична, а не драматична. Когда, например, тебя могут просто отстрелить, ситуация морального выбора сдвигается. Она другая, это скорее ситуация вынужденного выбора – из совершенно других исходных вещей. Но это первая часть.

Весьма трудна и другая сторона ситуации выбора: мы часто не задумываемся над тем, насколько шатка и зыбка основа для нормальной моральной рефлексии. Алексей Кириллович первый в этом зале сказал об “общественном интересе” и соотнес его с правом личности на частную жизнь. Вообще-то конфликт между этим правом и общественным интересом встроен в ткань профессии. Да, обычный человек может прожить всю жизнь и не быть сильно задетым этим конфликтом. Но любой журналист с этого конфликта начинает и завершает день. А однозначного решения нет. Каждый раз надо уметь осознать конфликт и искать решение.

И наконец, о рефлексии как инструменте профессии. Без постоянной моральной рефлексии профессия обезличивается, превращается в ремесло. Культура рефлексии выбора неотделима от профессиональной свободы. Чем выше эта культура – продвигаться в этом плане очень трудно, – тем выше профессиональная свобода, тем больше у граждан оснований надеяться на честную журналистику.

Завершая этап работы семинара, В.И.Бакштановский сказал, что во-первых, значимость раздела о моральном выборе, его актуальность доказали практически все выступающие. Доказали значимость не просто этой *темы*, но *проблемы*, с которой сталкивается журналист, вовлеченный в ситуацию морального выбора. Во-вторых, вполне можно утверждать, что состоялась рефлексия проблемы выбора через личный нравственный опыт участников семинара. А это и есть самое главное в теме морального выбора – побуждать человека размышлять о собственном опыте: жизненном или профессиональном. В-третьих, то что ситуация морального выбора осознается каждым человеком как *человеческая* проблема, не закрывает темы морального выбора в *профессиональной деятельности*. Конечно, в каждом из нас очень трудно разделить человека, живущего свою единственную жизнь, и человека, решающего профессиональные проблемы. Но это не отменяет ситуаций, в которых журналист решает проблемы на языке профессиональной этики.

Следующий этап семинара был посвящен экспертизе раздела конвенции под заголовком “Минимальный стандарт профессионально правильного поведения”.

После просмотра видеосюжета с предварительным сообщением выступил Ю.В.Казakov – инициатор идеи минимального стандарта и разработчик его первой версии. Идея минимального стандарта появилась сначала как чисто игровая, методическая, совершенно не казавшаяся жизненной. Было освоено полсотни кодексов и из них отобраны только те моральные нормы, которые для их применения никакой специальной рефлексии не требуют, не вовлекают журналиста в ситуацию морального выбора. Были отображены схожие нормы, которые в разных кодексах формулируются по-разному, затем они были отредактированы и предложены для игрового проживания. На семинаре в “Тюменском курьере” команда, защищавшая “минимальный стандарт”, успешно освоила и продвинула его содержание.

А дальше неожиданно оказалось, что с этой идеей можно и нужно работать не только в игровой ситуации, но и в реальной жизни сообщества. Хотя бы потому, что это разрозненное, распыленное профессиональное сообщество, исповедующее разные миссии

и кредо, легче всего соберется вокруг минимального стандарта, пусть еще и “сырого” по исполнению. Эту гипотезу и предстоит испытать на примере Тюменской конвенции.

Затем В.И.Бакштановский сообщил, что рецензенты конвенции весьма позитивно оценили этот ее фрагмент. А.К.Омельчук: *“Профессиональный стандарт мне представляется наиболее содержательной частью предлагаемой конвенции. Я даже полагаю, что этим джентльменским набором вполне можно и обойтись”*. А.К.Симонов: *“Раздел хорош уже тем, что минимален”*. В то же время среди участников экспертного опроса возникла заочная дискуссия. Так, если В.А.Зайцев утверждает, что *«нельзя журналиста ориентировать лишь на низкую планку “минимального стандарта”, а дальше – как хочешь. Не как хочешь, а как желательно»*, то Е.О.Кох заочно возражает: *“если задраить планку до потолка, то нам вообще никогда, ни при каких обстоятельствах не писать рекламы, не совмещать свою профессию с должностью пресс-секретаря, а у нас большинство журналистов так и делают”*.

В свою очередь, участники экспертизы варианта конвенции, размышляя в процессе интервью над вопросом о региональных приоритетах в минимальном стандарте, дали ряд предложений. Н.П.Петрушина: *На первые места 3, 4, 11*. Л.В.Караваяева: *Пункт 13 перенести на третье место*. Ю.С.Бубнов: *Нормы в пунктах 9-11 наиболее актуальны*. Е.В.Московкина: *Предлагаю выстроить пункты в последовательности: 2, 8, 10, 11, 3, 4, 5, 6, 7, 12, 13, 14, 9, так как 2, 8, 10, 11 пункты считаю наиболее актуальными для журналистов Тюмени – безапелляционность в подаче информации, “однобокое” освещение проблемы часто можно встретить в тюменских СМИ*. М.Г.Симонова: *Приоритет пунктам 12, 3*.

Однако по мнению В.И.Бакштановского, вне пределов размышлений тех, кто так или иначе работал с этим фрагментом конвенции, остался вопрос о том, где предел конкретизации норм “минимального стандарта”, предел, за которым они теряют свое этическое содержание и переходят в статус ремесленных правил.

Рефлексия такого предела особенно важна потому, что минимальный стандарт – большое искушение для журналистов, участвующих в разработке конвенции. Конечно, он нагляднее, он ближе к повседневности профессии, здесь сконцентрированы азы ремесла – в отличие от других разделов конвенции, во многом отвлеченных и по содержанию, и по стилю. Да, атомизированное сообщество если и соберется вновь, то, прежде всего, вокруг этого стандарта. Но останется ли в этом случае конвенция *этическим* документом, не превратится ли в инструкцию для начинающего журналиста? Подвергая экспертизе “минимальный стандарт”, нам предстоит все время держать в уме этот вопрос.

Н.П.Петрушина. А требование стандарта применять только честные приемы, требование честной журналистики – этическое или нет?

В.И.Бакштановский. Нина Петровна, я бы предпочел, чтобы сначала этот вопрос обсудила аудитория. И при этом взвесила: требования минимального стандарта не терять такта по отношению к лицам, чьи слова или поступки публично критикуются, не являются ли всего лишь этикетными? Близкими к тому, как папа учил крошку-сына тому, что такое хорошо и что такое плохо? Ну, теперь он чистит зубы, а причем здесь этика?

В.А.Кабакова. Мне кажется, невежество в области профессиональной этики может происходить не только из-за того, что журналист не имеет высоких моральных ориентиров и потому не может сделать правильный моральный выбор, а из-за того, что он может быть незнаком с простыми правилами. Ошибки, которые журналист делает из-за несоблюдения элементарных правил, могут привести к ошибкам собственно этическим.

В.И.Бакштановский. На мой взгляд, когда человек проявляет некие этикетные качества, в данном случае – *этикетные* правила ремесленного мастерства, на этом основании нельзя судить, что он профессионал в сфере журналистской *этики*.

В.А.Кабакова. Почему же мы говорим, что человек, который написал о каком-то скандале и не выслушал вторую точку зрения, нарушил профессиональную этику?

В.И.Бакштановский. А может быть, он нарушил нормы ремесла, азбуку ремесленную нарушил? Причем здесь профессиональная мораль?

В.А.Кабакова. Но тем самым он представил читателю не всю картину и читатель не может правильно оценить ситуацию из-за того, что нет второй точки зрения.

Е.М.Ганопольская (Кафедра журналистики ТГУ). Валерия Кабакова привела один из распространенных примеров непрофессионального поведения, о котором мы часто говорим, что оно и аморально. Но ведь так и есть: это и непрофессиональное поведение, и аморальное поведение. Из какого разряда, например, термин “порядочность”? Даже если ему предшествует слово “профессиональный”. Я вижу здесь именно этическую основу даже минимального стандарта. Может быть, уязвимо словосочетание “профессионально правильное поведение” – здесь слышится нечто этикетное. А вообще-то “минимальный стандарт” – это тот самый набор правил, на основе которого мы должны объединиться. Я считаю, должны. Минимальный стандарт для меня – это уже данность, минимальный стандарт существует. Мы его не выдумали. Мы вряд ли объединимся на основе ориентиров морального выбора – еще долго будем спорить, что является ориентиром и что не является. Но мы можем объединиться на основе минимального набора признанных нами норм. Эти правила – основа нашего ремесла и, в то же время, единственно возможные нормы существования в нем, этические ограничители.

Е.О.Кох («МК» в Тюмени»). Соблюдение минимального стандарта требует определенных моральных усилий. Каждый день стоим перед соблазном немножко схалтурить – и никто нас не осудит: ни собственный редактор, ни читатель, так как никто ничего не заметит. Ситуация морального выбора возникает и относительно требований этого стандарта. Кроме того, как мне кажется, этические нормы должны быть и профессиональными нормами. Это хорошо, если соблюдение профессиональной этики будет предусмотрено уже правилами ремесла, это замечательно.

В.И.Бакштановский. Это интересный подход.

Ю.В.Казаков. И действительно, минимальный стандарт не отключает моральную рефлексию журналиста. Уже поэтому ему место в конвенции, а не за ее пределами. И место не любое, а рядом с разделом о моральном выборе.

Л.П.Машинова. Передо мной лежит текст раздела о минимальном стандарте. Читаю его пункты. Второй пункт – требование проводит четкое, понятное читателям: разграничение между новостями, с одной стороны, мнениями и комментариями, с другой. Но часто информация и комментарий сплетены в единый комок. Как быть? Еще один пункт – не путать свою работу с работой специалиста рекламного отдела, по связям с общественностью и т.д. Увы! Увы! Увы! На данном этапе нашего развития журналист для того, чтобы несколько повысить свой материальный уровень, вынужден работать и в качестве рекламного агента, договариваться с какой-то организацией, предприятием, получать свой процент. Я скажу честно, что мне это абсолютно не нравится (мне больше нравится западный вариант, когда журналист получает достаточно высокую зарплату), хотя бы потому, что, я, например, не умею ходить и договариваться, мне это неприятно. Но на данном этапе иного выхода пока нет. И как же быть с этой нормой стандарта? Честно ли запрещать журналисту дополнительный заработок?

Е.В.Горбачева. Мало того, сейчас во многих редакциях существует давление на журналистов со стороны редакторов, которые заставляют заниматься нас запрещенной стандартом работой – делать рекламные материалы. Если тебе противно или ты не умеешь этого делать, ты все равно должен идти и зарабатывать деньги для “конторы”. Я думаю, что многие подтвердят это.

Е.О.Кох. Мы этот вопрос обсуждали на семинаре в “Тюменском курьере”. И решили смягчить формулировку. В первом варианте говорилось о запрете на рекламную работу и пиар вообще. Но обсуждение показало, что многие из нас не могут позволить себе отказаться от этого – кого-то принуждает редактор, кого-то сама жизнь. Поэтому мы сформулировали требование в более мягком варианте: не путать обе работы, хотя бы осознавать их различие и обозначать его.

Т.А.Топоркова (Кафедра журналистики ТГУ). Хорошо, когда в каком-то СМИ существует совершенно четкое разграничение: это – рекламное агентство, это – пиаровское агентство, когда можно поручить заказной фильм специалисту. Есть вузы, которые увольняют пиаровцев с журфака, потому что не хотят нести ответственность за них. И это правильно. Но когда-то мы еще до этого дойдем? Я и сейчас выполняю требования, заложенные в стандарт. Но иметь его, особенно в сегодняшних условиях, совершенно необходимо.

Г.М.Голованова (“Наше время”). Я согласна с содержанием “минимального стандарта, но мне не нравится форма. Вот передо мной один из пакета документов семинара – “Декларация принципов поведения журналиста”. Здесь очень четкие формулировки. Если в “стандарте” – лирика типа “не путай свою работу...”, то здесь написано конкретно: “журналист должен считать серьезным профессиональным нарушением получение взятки в любой форме за публикацию, непубликацию того или иного материала”. В декларации и по поводу плагиата сказано, а в “стандарте” эта тема умалчивается. В декларации очень хорошо сказано и по поводу источников информации.

О рекламной деятельности журналистов. Все-таки я не вижу ничего страшного, если журналист получает задание от редактора – сделать рекламный материал – и объективно пишет о свойствах потребительских товаров. И внизу отмечает – “на правах рекламы”. Что здесь плохого? А вот если он получает взятку, то есть тайно делает “заказуху”, деньги кладет в карман, никто кроме него и заказчика об этом не знает, в данном случае речь идет о серьезном профессиональном нарушении.

С.А.Фатеев (Телекомпания “Ладья”). Сначала – реплику по поводу пункта, вокруг которого схлестнулись наши мнения. В нем же есть вторая часть, почему-то никто ее не читает. Вторая часть этого пункта четко отделяет информацию от рекламы. Она разъясняет первую часть этого пункта. И когда получаю конкретное задание главного редактора подготовить именно рекламный материал, я его выполняю, зная, что моя редакция за это получит определенную сумму денег, на которые будет жить коллектив. Но при этом не путаю это задание с другими, чисто информационными. Во всяком случае, в нашей телекомпании это различие отслеживается абсолютно жестко.

А в общем, я подписываюсь под всем разделом “Минимальный стандарт”, ибо считаю, что он не противоречит ни нашей профессиональной этике, профессиональному долгу, ни ремеслу, в конце концов.

Е.В.Московкина. Как мне кажется, самое главное в том, что журналист должен быть честным со своими читателями, он не должен вводить в заблуждение читателя, зрителя или радиослушателя, выдавая рекламный, заказной материал за объективную информацию. В этом я согласна с первым пунктом стандарта. Но с тем, что сбор информации возможен только честными средствами, методами, я не согласна. В первую очередь, повторяюсь, журналист должен быть честным со своим читателем, слушателем, с потребителем информации. Но он не всегда может быть честен с источником информации, потому что многие источники с нами не бывают честными.

И.В.Александрова. Мне кажется, что к этике из всех норм стандарта относятся только два пункта – о достоверности и честности информации, а все остальное изменчиво и преходяще. Остальное – скорее правила техники безопасности.

Ю.В.Казаков. У “минимального стандарта” обнаружился конкурент – Декларация международной федерации журналистов. Первоначальная версия активно обсуждаемой здесь нормы не содержала мягкого слова “не путает”. В процессе работы Большого жюри мы обнаружили, что жесткость этого требования не практична. Притом, что я лично боюсь мягкости формулировок там, где речь идет о путанице профессий.

Есть старая мудрость автомобилистов: до тех пор, пока в стране будут делать машины под наши реальные дороги, мы будем иметь дело с тем убожеством, которое выпускают наши автозаводы. И дороги от этого лучше не будут. Версия такая – сделайте хорошие дороги, тогда и машины понадобятся другие. Но мы до сих пор по-прежнему продолжаем делать машины под дороги.

И потому на семинаре в “Тюменском курьере” решились на формулировку “не путает...”. А что делать-то? Давайте хотя бы начинать себе говорить: мы убогие, мы калеки, мы не журналисты, но мы хотим ими быть. И поэтому давайте пока “не путать”. Но при этом понимать, что это убожество, давайте об этом говорить вслух.

Спасибо всем за обсуждение “стандарта”. Как бы он дальше ни трансформировался, самое важное, что мы его заинтересованно обсуждали.

Следующий этап работы семинара посвящен разделу “Модель этической комиссии”. После видеосюжета ведущий проблематизировал предстоящее обсуждение.

В.И.Бакштановский. Во-первых, эксперты и рецензенты проекта конвенции выдвинули скептические позиции по поводу создания комиссии как таковой. Например, В.П. Зуйков предположил, что *“может быть, имеет смысл создавать экспертно-консультативные комиссии на базе конкретных СМИ, но причем тут тогда сообщество журналистов в целом?”*. *“В создании комиссии пока не вижу перспективы – пока не создано само сообщество”*, – сказал эксперт. Г.М.Голованова отметила: *“вопрос о способе формирования этической комиссии волнует меня особенно: есть опасность бюрократизации процесса саморегулирования. Как бы кодекс не породил комиссию или еще какую-то структуру, которая бы наказывала журналистов. Как бы не появилось особое журналистское начальство с особыми полномочиями: откроет оно, например, пятый пункт кодекса и заявит, что ты в том-то проштрафился, вот тебе такое-то наказание”*.

Большинство экспертов против модели комиссии как инстанции нравственного суда. Например, по мнению А.К.Симонова, *«нравственный суд – это не для постсоветского пространства, где грибоедовское “А судьи кто?” требуют знать чуть ли не с колыбели»*. Р.С.Гольдберг: *«эта комиссия должна быть лишена каких бы то ни было властных полномочий. “Вынося сор”, она дает возможность обществу быть регулятором конфликта. Это продуктивнее, чем если некий чиновник будет говорить: “Этот журналист мне нравится, я его прощу”. Нет, пусть общественное мнение будет вольно выбрать: покупать газету, где Золотухин печатается, или нет. Вынося свое мнение на суд читателей, этическая комиссия будет таким образом и формировать общественное мнение»*.

В то же время есть и контрподход. Суд – не суд, однако, по мнению Ю.И.Пахотина, *“комиссия должна быть той инстанцией, куда не хотел бы попасть ни один порядочный, совестливый журналист, редактор, издатель и ни одно пекущееся о своем авторитете средство массовой информации. Добьемся этого – можно считать, что главная задача сообщества выполнена”*. Вероятно, солидарен с этим подходом и В.А.Зайцев: *«Если мы “сводим” конфликтующие стороны и пытаемся наладить диалог между ними, это не значит, что мы должны уклоняться от оценки действий каждой из сторон. Мы – комиссия – имеем право сказать свое мнение о том, кто как поступил. Как же в морали без вполне определенной оценки? Очень ответственно? А если З. написал статью о том, что Б. вчера вечером, будучи в ресторане, напился “в дым”, упал под стол, его забрала милиция и т.д., а на самом деле это не соответствует действительности, – просто З. захотел развлечь читателя или отомстить Б. как своему врагу? Ведь опубликованный материал нанес Б. моральный ущерб. Разве комиссия не обязана твердо указать на то, что З. преступил этические нормы? Комиссия не может уклониться от этого»*. Своеобразный суд – так видит комиссию В.С.Горбачев: *“Этическая комиссия – своеобразный суд присяжных, которые будут давать оценку: хорошо это или плохо, кто прав, кто виноват. Если виновен, от имени комиссии можно обратиться к издателю с просьбой убрать этого человека из газеты или вынести предупреждение”*.

Много сторонников у комиссии как консультативного совета.

Наконец, есть сторонники и противники у каждой из моделей состава комиссии.

(А). Только из журналистов. Вот, например, позиция В.С.Кузнецова: *«Из двух вариантов этической комиссии я бы предпочел тот, который подразумевает работу в ней людей, связанных одной профессией, – журналистикой. Мы народ вообще-то не глупый и сами все прекрасно понимаем. Да и с точки зрения этики не стоит выносить “сор из избы”. Кому лучше от того, что мы будем вытаскивать этот сор каждый из своей редакции?»*. Е.В.Горбачева: *«Споры, которые предстоит обсуждать этической комиссии, будут скорее корпоративного свойства. А люди, обвиняющие журналистов в нарушении тех или иных норм, я думаю, гораздо охотнее будут обращаться в суд. Если они будут считать, что их оболгали, поступили с ними неэтично, нарушили их гражданские, человеческие права, нанесли моральный вред и ущерб, то в этическую комиссию они не пойдут. Потому что там не будет удовлетворена их жажда крови и возмездия. В этическую комиссию будут, скорее всего, обращаться со своими внутрикорпоративными спорами сами журналисты. И здесь встает вопрос о “соре из избы”, к*

публичному выносу которого тюменские издания имеют патологическое пристрастие. Боюсь, что каждое заседание комиссии будет находить неоправданно широкое освещение на страницах нашей прессы. Поможет ли конвенция избавить широкие массы читателей от целых полос газет, посвященных битвам отдельных журналистов? Думаю, что если бы помогла, то толпы благодарных читателей взяли бы на себя пожизненное содержание ее авторов».

(Б). В заочной полемике формирует аргументы за смешанный, гражданско-профессиональный состав комиссии Р.С.Гольдберг: «Авторы проекта предлагают мне отдать предпочтение одной из моделей этической комиссии: либо “чисто” цеховой, которая бы не выносила “сор из избы”, либо комиссии, которая включала бы и представителей гражданского общества, – чтобы придавать обсуждаемым комиссией проблемам журналистики общественный статус. На мой взгляд, вторая модель имеет преимущество. Да, может быть такая комиссия и “выносит сор из избы”, но зато в избе будет чище. А если комиссия состоит только из журналистов, обсуждающих конфликт келейно, в своем узком кругу, пользы не будет. Коллеги друг друга не очень боятся. Ну не подал я руки одному, второму, третьему. И что? Им, скорее, неприятно, что я напишу в газете о том, что не подаю руки такому-то и почему».

За смешанный состав – Ю.Пахотин, Л.Вохмина, В.С.Горбачев, Е.Кох и др.

Затем участники семинара разделились на группы. В одну из них вошли те, кто считает, что этическая комиссия в тюменском сообществе журналистов нужна, и при этом она должна выполнять функцию некоего нравственного суда, то есть в соответствии с нормами конвенции выносить некие оценки и суждения, рекомендации, для тех, кто попал в поле зрения. Во вторую группу вошли те, кто полагает, что этическая комиссия нужна, но единственная роль, на которую она может претендовать – это как некий консультативно-экспертный совет, призванный помочь обращающимся к совету с просьбой рассудить ситуацию; при этом эксперты не имеют административных полномочий и вообще не могут ни карать, ни миловать. Наконец, третья группа – участники семинара, считающие, что в принципе словосочетание “этическая комиссия” в нашей конвенции звучать не должно, ибо такая институция категорически не приемлема в любой ипостаси.

После внутригрупповой работы начались выступления от каждой из групп. Свою позицию излагает группа, которая исходит из того, что этическая комиссия в тюменском сообществе журналистов нужна, причем по своей модели это должна быть комиссия с функциями нравственного суда, с правом моральных оценок и санкций.

Л.П.Машинова. Комиссия не должна, конечно, наказывать рублем, но донести до общественности свою точку зрения, продемонстрировать свою позицию в сложившейся ситуации необходимо.

Т.А.Топоркова. Мы исходим из необходимости нравственного суда – в сегодняшних условиях существования журналистского сообщества. Для этого есть совершенно реальные, объективные причины.

Ю.И.Пахотин. Комиссия должна давать оценку тому, что она считает приемлемым для СМИ в этическом плане или не считает приемлемым. Комиссия обязательно должна существовать. Если она не будет создана, какой смысл здесь воздух сотрясать?

В.И.Бакштановский. Что делать с коллегами, которые не разделяют вашу точку зрения?

Ю.И.Пахотин. На правлении нашего Союза журналистов мы принимаем решение о создании при правлении такой комиссии. Найдем людей, которые по моральным качествам достойны входить в состав этой комиссии. И будем работать. Мы, наверное, не имеем права публиковать в СМИ решения этого суда, но довести его до каждой редакции сможем.

С.А.Фатеев. Оппоненты могут спросить: а судьи кто? Но Юрий Иосифович сказал, что есть авторитетные люди, которые пользуются в сообществе доверием. У нас нет недостатка в людях, которые могли бы вершить суд, если говорить высоким слогом. А как наказывать? Выводить за рамки журналистского сообщества. Я не думаю, что это проходит бесследно.

Т.А.Топоркова. Надо сказать, что, возможно, кто-то из группы наших оппонентов, сидящих напротив, обратятся когда-нибудь в этот суд для того, например, чтобы защитить

себя от злого редактора, от коллеги. Например, сегодня молодые журналисты, приходя в редакцию, испытывают определенное давление, есть прессинг, дедовщина. И они нуждаются в защите.

От второй группы выступила ее спикер Е.О.Кох. Во-первых, мы исходим из здорового скептицизма: хотелось бы, чтобы у нас была комиссия, о которой говорят коллеги, но в реальности мы видим очень мало людей, способных, работая в комиссии, полностью отделиться от личных отношений. Даже призы раздать и то очень сложно, чтобы не возникли личные обиды и т.д. А когда речь идет о наказании – еще сложнее. И если комиссия будет обладать судебскими правами, личное давление на ее членов возрастет во много раз.

Второй тезис. Мы в группе обсуждали, может ли комиссия сама инициировать разбор каких-то ситуаций, когда кто-то из журналистов грубо нарушает профессионально-нравственные нормы? Мы считаем, что да, в исключительных случаях это должно происходить, комиссия должна собираться, обсуждать такие случаи, высказывать свое мнение (и не более того). Но прежде всего комиссия должна оставаться местом, куда журналист может прийти за советом по поводу ситуации морального выбора. Безусловно, сюда может прийти обиженный читатель.

Но, опять-таки, комиссия лишь выражает свое мнение, которое журналист принимает или нет, воздействовать на него комиссия в реальности не может. Просто журналист услышит мнение своих коллег, которые осуждают его или одобряют.

В.И.Бакштановский. Я заметил, что на каждое суждение Е.О.Кох Сергей Александрович Фатеев кивает знаком согласия.

С.А.Фатеев. Она просто должна сидеть в нашей группе.

Е.О.Кох. Но ведь на вопрос: мы берем на себя смелость судить или мы только советчики? наша группа говорит: мы – только экспертиза.

Ю.И.Пахотин. То, что предлагает наша группа, называется комиссия, а не суд.

Ю.В.Казakov. Но в своих выступлениях члены группы проговариваются, говоря о необходимости суда.

Е.О.Кох. Еще один тезис – комиссия должна доводить до общества позицию журналистского сообщества. В каких-то случаях, когда мы хотим отгородиться от коллег, например. Это не наказание, а информирование. В целом же комиссия – это едва ли не главный аргумент существования конвенции.

От третьей группы сначала выступила Е.В.Плетнева. Уже прозвучало: а судьи кто? И наша группа тоже задает этот вопрос. Все наши корифеи журналистики прошли партийную школу. Я пришла в журналистику на демократической волне, и хотя писала не хуже некоторых, мне говорили: кто ты такая? какая-то Катя, чего-то пишет и еще имеет право на суждение? Да мы такую школу прошли, у нас такой отбор был! Я думаю, что если эти люди попадут в комиссию, их партийный подход все равно останется. А я не хочу возвращения парткома. Других же авторитетных людей, которые способны возглавить комиссию, пока нет.

Ю.В.Коваленко (Пресс-секретарь мэра г.Тюмени). В переходные периоды, как известно, уровень общественной морали несколько падает – старые идеалы разрушены, новые еще не сформированы. Я думаю, что в такое время мы и живем. По этой причине происходит и раскол в нашем цехе. И пока не сложатся объективные условия, создание комиссии, может быть, преждевременно, несколько искусственно. А если принимать волевые решения, это может принести дополнительный раскол в наши ряды.

В.Гришин (Психолог аппарата главы города). На мой взгляд, конвенция сегодня нужна больше не самим журналистам, а тем, на кого вы работаете. Как потребитель, заказчик вашей информации, я должен знать, кто передо мной. Основной результат вашей работы должен быть таким: вы вооружаете читателей принципами оценки вашей работы. В четвертом комментарии приведены хорошие слова: “конвенция – это демонстрация флага обществу”. Если вы проведете элементарный ликбез, рассказав через конвенцию о своей этике, многое встанет на свое место. И не обязательно это делать через комиссию. Комиссия сегодня – скорее вынужденная мера – из-за того, что нечетко прописаны ваши минимальные нормы. И люди об этих нормах ничего не знают: на что вы ориентируетесь и как.

А.К.Симонов. Я выслушал все доводы “за” и еще раз понял, почему я к идее создания комиссии отношусь с колоссальной опасностью. Не дай бог, образуется такая комиссия и на нее возложат функции Службы безопасности журналистов и вообще будут требовать, чтобы эта комиссия дала разъяснение всем по всем имеющимся поводам: а как же иначе, а для чего тогда ее создали? для чего мы вас в авторитеты выдвинули?

Вы посмотрите, как плавно в некоторых выступлениях эта гипотетическая комиссия уже подменила некоторые задачи Союза журналистов да и сам Союз. До тех пор, пока мы будем сугубо профессиональные этические вопросы путать с организационными и со всеми прочими нашими проблемами, до тех пор я буду опасаться этой самой комиссии. Для того чтобы решить: нужна комиссия или не нужна, надо для начала полностью устранить саму возможность подмены функций комиссии. Исключив это, можно обсуждать идею комиссии – потому что на самом деле такие комиссии очень нужны.

Далее. Я считаю, что одна из самых больших трагедий нашего журналистского сообщества сегодня заключается в том, что в нем не осталось моральных лидеров. Но эту проблему надо решать нам самим. Я сейчас предложу очень простой способ. Давайте “назначим” трех моральных авторитетов. Не на всю жизнь, назначим на год. Если кто-то из них пронесет наше доверие незапятнанным, согласитесь, после этого он может претендовать на звание морального авторитета.

Ю.В.Казаков. Или на звание не успевшего запятнаться.

А.К.Симонов. Как знать.

В.И.Бакштановский. Я хочу сделать неожиданный вывод: оказалось, что обсуждалась не тема “быть или не быть этической комиссии”, а тема “технических условий” к работе такой комиссии. Ибо если бы “технические условия” были сформулированы заранее, то Алексей Кириллович сказал бы, что при таких технических условиях он уже не так боится идеи комиссии. В принципе такая опаска осталась, она и должна быть. Но чем точнее, ответственнее сформулированы условия (права, полномочия и ограничения в амбициях), тем более вероятность, что от комиссии будет больше пользы, чем вреда.

Ю.И.Пахотин. Давайте все-таки создадим такую комиссию, оговорив, чем она будет заниматься. Например, “минимальный стандарт” – это минимум того, что должен делать порядочный журналист. Давайте и создадим комиссию, которая будет следить за соблюдением этого минимального стандарта. Она не судит, а лишь признает нарушение. И все! Просто говорит: “Этот журналист время от времени нарушает профессиональную этику, поэтому будьте внимательны”. Это точно так же, как “сопроводилка” к любому продукту, например, “не давать детям до шести лет!”. Она просто сделает наклейку: “это издание постоянно нарушает конвенцию, поэтому будьте внимательны!” И все!

В.А.Кабакова. Мы говорим сейчас о том, чего еще нет. Нужно сойтись на том, чтобы попробовать создать эту комиссию – хотя бы на какое-то время.

Ю.В. Казаков. Я хочу перевернуть конструкцию. Не поддавайтесь сейчас разным эмоциям. Договоритесь до одного: первый год побыть консультативным органом. Дайте себе зарок: не будем третейским судом! Через год подрастут моральные авторитеты – на них можно будет возложить некую функцию третейского суда от имени сообщества, но с внятным пониманием ограничений.

Подводя итог дискуссии, В.И.Бакштановский подчеркнул, что ее окончательное завершение произойдет за пределами семинара, в частности, в процессе деятельности Правления СЖ.

Последний вопрос программы семинара – “ПОДПИСЫВАТЬ ИЛИ НЕ ПОДПИСЫВАТЬ” – был проблематизирован еще во втором варианте текста конвенции. С одной стороны, *подписанный* этический документ только кажется более надежным обязательством и исключение процедуры подписания конвенции более работает на моральный дух этого документа, чем формально зафиксированное одобрение. С другой стороны, журналистика как профессия – не просто служение Добру, но и *служба*, т.е. сфера деловых, отчасти – *формальных официальных* отношений (отчасти, ибо это *свободная профессия*). Не является ли в таком случае исключение процедуры подписания конвенции *романтическим порывом*?

Каковы суждения рецензентов проекта? *“Служение – не подписывается. Это все равно, что дать подписку о том, что я хороший и безгрешный. А вот что касается службы, то, коли возникнут внутренние профессиональные стандарты отдельных СМИ, почему бы им не стать составной частью профессионального контракта журналиста, заключенного добровольно?”*. *«Полагаю, что конвенцию – выразительный набор джентльменских “правил игры” на информационном поле – подписывают редакции СМИ»*. *“Я настаиваю на подписании конвенции и готов сделать это даже в том случае, если все остальные руководители СМИ откажутся”*.

Оставляя окончательный выбор за самими тюменскими журналистами, в том числе и за членами СЖ Тюменской области, ведущий предложил семинару остановиться на возможности не альтернативного выбора. Не выбирать между “подписывать” – “не подписывать” или “принята” – “не принята”, а придать доработанной по итогам семинара конвенции стиль документов Римского клуба, вырабатываемых и публикуемых “до восстановления”. Стиль, весьма актуальный для периода *собрания* сообщества. Этот вариант оказался предпочтительным.

Кроме того, Ю.В.Пахотин сообщил, что собирается предложить Правлению СЖ рекомендовать редакциям включать положения раздела конвенции под названием “Минимальный стандарт” в профессиональные контракты журналистов и в уставы редакции.

В заключение ведущий и представители партнерских организации поблагодарили участников семинара за работу.

ТЮМЕНСКАЯ ЭТИЧЕСКАЯ МЕДИАКОНВЕНЦИЯ (Итоговая версия)

Преамбула

Проблемная ситуация. Замысел нашей конвенции (1)⁹ исходит из определенного понимания современной ситуации в жизни российского общества в целом, профессионального сообщества журналистов – в том числе, и отражает определенный взгляд на природу основных профессионально-этических проблем и затруднений отечественной медиасреды.

Все мы сегодня переживаем кризис, связанный со сменой ценностных систем трансформирующегося общества. Кризис, породивший ситуацию “междоусобицы” – неопределенности в диагнозе, хаотичности в критериях, многовариантности в исходе.

Но даже и в случае сверхразочарования от ситуации *уходящей* и, одновременно, при ощущении сверхнеопределенности от ситуации *наступающей* есть основания воспринимать моральный кризис в обществе – и в нашем профессиональном “цехе” (2) – не как побуждение к панике, а как вызов, который предъявляют нашему профессионализму тенденции к цинизму и нигилизму (3).

Надежда – на личную свободу и ответственность. Именно индивидуальная ответственность – способ пережить кризис, выйти из него с достоинством, с “заделами” для будущего.

Надежда – на потенциал *индивидуального* морального выбора и решения, на ориентирующую роль элементарных норм морали.

Надежда – на ценностные ориентиры и нормы *профессиональной* этики, которые *конкретизируют* требования *общественной* морали, тем самым помогают сформулировать профессиональное кредо и ответить на вопросы “что?” и “как?” делать журналисту, вовлеченному в нравственную коллизию. Наша конвенция – способ преодоления *превратных* образов кодекса журналистской этики, представлений о том, что ее вполне заменяют общечеловеческие заповеди, или, наоборот, что правила профессиональной морали сводятся либо к административно-служебным инструкциям, либо к сугубо технологическим правилам ремесла (4).

Надежда – на собирание вокруг такого подхода человеческих микросообществ. В том числе и профессиональных сообществ, создаваемых на конвенциональных условиях.

Поэтому мы придаем особую роль *мотивам* своей конвенции. Нам важно определиться в том, что именно побуждает “цех” к ее созданию.

Мотивы. В числе мотивов – *внешне* обусловленная целесообразность повышения активности в саморегулировании “цеха”. Целесообразность, связанная с *угрозами* свободе слова: свободе журналиста добывать и предоставлять информацию, гражданина – получать информацию. О таких угрозах говорят и новые тенденции в жизни государства, связанные с идеей т.н. “управляемой демократии”, подразумевающей превращение СМИ из субъекта саморегуляции в объект сверхрегуляции.

Нашему сообществу предстоит осознать опасность огосударствления профессиональной морали журналиста через придание государству роли высшей *моральной* инстанции. Эта опасность искушает “духовного иждивенца” соблазном делегировать свою ответственность и может взорвать саму суть профессиональной морали – свободу выбора и принятия профессионалом индивидуальной ответственности. И своей конвенцией мы говорим государству: у нас есть правила и мы просим с ними считаться. Фактически речь идет об общественном договоре – мы не переходим границ профессионально-правильного поведения, а государство воспринимает нас как сообщество, способное к саморегулированию.

Не менее сильный мотив создания конвенции – трезвое самокритичное осознание профессиональным сообществом *внутренней* угрозы свободе слова, исходящей от самой корпорации, самокритичное понимание низкой степени намеренности и практической

⁹ См. комментарии.

способности “цеха” ответственно реализовать свободу слова – именно злоупотребления СМИ свободой слова привели к потере доверия общества.

Подчеркнем: без восстановления, сохранения, защиты и укрепления взаимного доверия между СМИ и обществом трудно удерживать права и свободы, достигнутые постсоветской Россией (5).

Еще один мотив – потребность в сохранении корпоративной общности в ситуации раскола. Мы уже не сообщество – в его советской версии и еще не сообщество – в постсоветской версии. Скорее мы пока – протосообщество.

Намерения. С помощью конвенции мы намерены попытаться собрать “атомизированных индивидов” в профессиональное сообщество – нас могут заново объединить именно общие, согласованные правила.

Мы намерены через конвенцию подать сигнал о готовности бороться своими силами с теми изданиями и их сотрудниками, которые грубо и цинично попирают общепринятые человеческие и профессиональные нормы и правила, провоцируя общество (и государство) на создание внешних ограничителей свободы слова.

С помощью конвенции мы намерены предпринять попытку *самоидентификации* в новой – неопределенной – ситуации, не вписывающейся в дилемму “СМИ – либо часть пропагандистской машины, либо – инструмент удовлетворения информационных запросов потребителей”.

Корпоративная миссия. В поисках новой идентичности тюменское профессиональное сообщество не собирается ограничивать себя какой-либо одной из миссий СМИ (6), которые обсуждаются журналистами и реализуются ими на практике. Прежде всего, потому, что каждая из них – *информационная*, “*четвертая власть*”, “*массмедиа*”, “*приводной ремень*” – в условиях трансформируемого общества внутренне противоречива, несет в себе акценты, отражающие состояние социальной ломки. Поэтому из множества миссий прессы, которые определяют жизнь и социальную роль профессиональной корпорации, каждая редакция выбирает то, что более соответствует ее учредительным документам.

Примеряя метафоры “зеркало” и “зеркальщик”, мы полагаем, что журналистское сообщество не выбирает одну из этих стратегий вопреки другой, а сочетает их в зависимости от особенностей конкретной профессиональной ситуации.

Журналист как субъект морального выбора: свобода нравственных исканий, решение, ответственность

Кредо конвенции – наши представления о значении акта морального выбора (линии поведения, отдельного поступка) в сфере профессиональной деятельности. *Кредо* фокусирует дух профессиональной корпорации. *Кредо* дает нашей конвенции статус документа профессиональной *этики* – для общественной профессии принципиально важными оказываются вопросы “ради чего?” и “во имя чего?”, а не только “как?” и “с какой целью?”.

Кредо нашей конвенции – отношение к журналисту как человеку, для которого характерны *нравственные искания, свободный выбор решения и ответственность за него*. Характерны для журналиста как *личности*, характерны для него как для *профессионала*. Мы доверяем нравственной свободе журналиста, не опасаемся непредсказуемости его самоопределения, стараемся противостоять любым намерениям патерналистски “опекать” свободное решение журналиста. Конвенция ценит свободу морального выбора журналиста, его готовность отвечать за ситуацию выбора, за принятие-непринятие определенных профессионально-нравственных ориентиров, за способность решать противоречия (7).

Акт профессионально-нравственного выбора – итог процесса нравственных исканий журналиста, мучительного и напряженного поиска в противоречивом мире нравственных ценностей, поиска идентичности в сфере профессиональных миссий, поиска решения в ситуации конфликта таких ценностей, как Служение *обществу* и Служение *свободной профессии* и т.д. Было бы слишком просто свести ситуацию морального выбора журналиста к перебору преднайденных вариантов – как у сказочного богатыря, читающего прогноз своего выбора на придорожном камне, к поиску готового ответа “в конце задачника”

– подбору той или иной нормы из профессионального кодекса, которая бы регулировала возникшую перед ним ситуацию.

Такой подбор вряд ли возможен в *нравственно-конфликтных ситуациях* – когда в сознании журналиста сталкиваются разные ценности и требуется выбор решения в пользу одной из них и *вопреки* другой: например, когда требование кодекса не выдавать источники информации сталкивается с требованием суда открыть эти источники. Или когда журналист сталкивается с противоречием между нормами *одного и того же кодекса*: например, требование профессиональной честности и – невозможность добыть информацию легальным путем, а значит, выполнить долг: предоставить гражданам значимую информацию.

Поведение в конфликтной ситуации требует особой культуры, которую не может заменить знание конкретных норм профессионального поведения, культуры соотнесения достойной цели и выбора эффективных средств ее реализации. В стремлении к эффективности мы нередко решаемся на выбор средств, противоречащих нравственной природе целей. Но эффективным является лишь то средство, которое, выступая необходимым и достаточным для достижения цели, в то же время не уничтожает достоинства самой цели. Как это ни парадоксально, эффективно лишь то, что нравственно ценно.

Один из ориентиров современного журналиста – профессиональное *достижение*, стремление к профессиональному успеху. О профессиональном призвании судят по готовности служить делу, что невозможно без стремления к реальным успехам. Мотив служения мобилизует и формирует профессионала. В то же время, ориентация на успех может и подточить профессионализм журналиста, если, например, подчинить критерии профессиональности коммерческой калькуляции или стремлению добиться особой приближенности к ньюсмейкерам, особенно – во властных сферах. Деление на профессионалов разного уровня и качества или даже на честных и нечестных может быть вытеснено делением на “деловых” и “неделовых”. Предвидимая цена такой трансформации – от снижения уровня профессионального мастерства до подрыва нравственных устоев профессии: образ “золотое перо” приобретает уже не метафорический смысл.

Конвенция признает и поощряет стремление журналиста к вершинам профессионального успеха. Но мы полагаем ограниченной оценку профессионального успеха лишь по уровню материального дохода – она уместна скорее в бизнесе. В свободной и при этом публичной, общественной профессии ценность *честного имени* доминирует над материальной выгодой (8). Суть профессионального успеха – в повседневном служении своему призванию, в успехе не обязательно громком, но обязательно являющемся итогом профессионального достижения.

При этом “цехом” открыто признается моральное право на риск журналиста в ситуации морального выбора – как обоснованное право на нравственные искания, моральное творчество (в том числе и на создание новых правил честной игры), с обязательным распространением этого права на неудачу и ошибку в моральном выборе.

Сам факт создания конвенции как института саморегуляции медиасообщества – акт нашего морального решения, принятия ответственности.

Минимальный стандарт профессионально правильного поведения

Наличие в конвенции кредо требует своей *инструментализации* в виде *простых норм профессиональной морали*, “минимального профессионального стандарта”, который может претендовать – в силу очевидного прагматизма и объема – на роль “добровольно-обязательного” для всего “цеха” (9).

Представляя собой *ориентиры “первого уровня”* для повседневной деятельности журналиста (независимо от его места в структуре СМИ, ориентации и специализации последнего, от взглядов, симпатий, приоритетов главного редактора или владельца СМИ), положения “минимального стандарта” объективно работают на снижение профессиональных и общественных рисков в сфере массовой информации.

Журналист, работающий в режиме минимального профессионального стандарта:

- ведет *сбор информации* только *честными* средствами и методами;

- проводит четкое, понятное читателям *разграничение между новостями*, с одной стороны, и *мнениями и комментариями* – с другой¹⁰;
- распространяет в качестве информационных только такие сообщения, *достоверность* которых подтверждена доступными журналисту и СМИ средствами проверки, соответствующим образом *верифицирована*¹¹;
- выделяет и *отделяет специальными профессиональными приемами* (маркирует) от достоверной информации *слухи*, а также ту информацию, *подтверждение которой не удалось получить* по независящим от журналиста или редакции причинам¹². То, что такая попытка предпринималась, тоже обозначается;
- в обязательном порядке отделяет *архивную* информацию от *новостной*, а документальный фото-, кино-, виде- и аудиоматериал от материала, подготовленного с использованием *приемов специального монтажа*, способного произвести впечатление документального;
- не путает свою работу с работой *специалиста рекламного отдела* или *отдела по связям с общественностью*, четко отделяет *новостную* информацию от *рекламной* и/или по преимуществу *имиджевой*;
- везде, где это представляется возможным, указывает *источники информации*¹³;
- соблюдает и защищает *конфиденциальность источника информации*, предоставленной редакции на условиях сохранения в тайне имени конфиденнта;
- незамедлительно *исправляет существенные фактические ошибки*, допущенные по его вине;
- не теряет чувство такта, в том числе и по отношению к лицам, чьи слова или поступки публично критикуются; в обязательном порядке предоставляет *право на ответ* лицу, подвергающемуся в данном СМИ серьезной публичной критике;
- отличает информацию, представляющую *общественный интерес*, от информации, удовлетворяющей *общественное любопытство*; в каждом конкретном случае делает обдуманный выбор между *общественным интересом* и правами *конкретной личности*; предпринимает меры к тому, чтобы исключить причинение публикацией *вреда лицам, не имеющим прямого отношения к конкретному сюжету*;
- уважает достоинство и права своих коллег, включая *право на отличную от своей точку зрения*;
- избегает любого, в том числе невольного, поощрения *жестокости, нетерпимости* или *дискриминации*, основанной на различиях в расе, поле, языке, вероисповедании, политической и иной ориентации¹⁴, национальном, региональном или социальном происхождении.

Разумеется, может показаться, что некоторые требования минимального стандарта относятся скорее к правилам служебной инструкции, к азам ремесла. Но их нарушение не просто разрушает ремесло, но подрывает смысл и устои профессии.

Экспертно-консультативная комиссия

Профессионально-этическая сторона деятельности журналистов может и должна быть предметом анализа, суждений и оценок, направленных на саморегулирование “це-

¹⁰ Резолюция 1003 (1993) по журналистской этике (Парламентская ассамблея Совета Европы, Сорок четвертая очередная сессия) дает при этом такую трактовку: НОВОСТИ – это информация о фактах и событиях. МНЕНИЯ – это мысли, идеи, представления или ценностные суждения.

¹¹ “Информация, предоставляемая журналистом, должна быть достоверной в том, что касается новостей, и честной в том, что касается мнений”. Резолюция 1003 (1993), из которой взята данная формулировка, содержит также специальное уточнение, продолжающее и закрепляющее логику предъявляемого подхода: “без... вмешательства со стороны как властей, так и частного сектора”.

¹² Последнее – с четким указанием на то, какие шаги предпринимались журналистом и редакцией с целью проверить информацию, представляющую общественный интерес.

¹³ Чрезвычайно важный пункт, расширяющий минимальный стандарт: “при этом сама информация должна быть, по возможности, сбалансированной, позволяющей гражданину составлять возможно более адекватное представление об окружающем его мире”.

¹⁴ В европейской “транскрипции” документа формула дана в более полном виде: “и иной, в том числе сексуальной ориентации”.

ха”, его развитие и постоянное самоочищение. Одной из институций, регулирующих жизнь “цеха” в духе конвенции, является *этическая комиссия*.

Наиболее реальной при сложившейся в сообществе ситуации является экспертно-консультативная модель комиссии (10). По своему составу предпочтительнее модель комиссии, состоящей не только из самих журналистов, но и представителей гражданского общества. В этом случае профессиональное сообщество журналистов видит в комиссии не просто инструмент саморегулирования внутрицеховых конфликтов, но институт связи с обществом, готовый защищать граждан от злоупотреблений *журналистами* свободой слова.

В определении предмета своей деятельности комиссия ориентируется на те аспекты конвенции, которые касаются “чисто” моральных сторон деятельности СМИ. При этом особое место занимают проблемы, которые конвенция связывает с защитой интересов общества.

Предмет обсуждения на комиссии: во-первых, *этический аудит* продукции тюменских СМИ, которую они предлагают сами; во-вторых – темы, предлагаемые общественными организациями и гражданами, апеллирующими к той или иной части минимального стандарта. Такие темы становятся предметом работы комиссии безусловно. Иные темы, предлагаемые гражданами или журналистами, обсуждаются лишь по согласованию с комиссией.

Материалы работы комиссии, в том числе и сделанные ею обобщения и заключения, публикуются в специальном бюллетене комиссии и на специальном сайте в Интернете – для знакомства с ними широкой журналистской общественности, которая, в свою очередь, может проявить гражданскую и профессиональную заинтересованность в этих вопросах и в самых различных формах (в СМИ и Интернете) выскажет свое отношение.

Комментарии

1. Мы сознаем, что у некоторых коллег идея любого профессионального кодекса вызывает настороженное отношение, а то и отторжение – кодексы воспринимаются как вериги творческой свободы. Но такое отношение не учитывает мирового опыта *саморегулирования* “цеха”. Наша конвенция – способ преодоления *превратных* образов кодекса журналистской этики, представлений о том, что ее вполне заменяют общечеловеческие заповеди, или, наоборот, сводящих правила профессиональной морали либо к административно-служебным инструкциям, либо к сугубо технологическим правилам ремесла.

Выбор именно такого стиля нашего документа, как *конвенция*, отражает современное – переходное – состояние ситуации и в обществе, и в цехе, которое трудно регулировать традиционным формальным сводом принципов и норм. Такое состояние требует большего внимания к размышлениям журналистов по мировоззренческим вопросам нравственных исканий.

Конвенция ни в коей мере не ущемляет творческой свободы. Она является внутренним документом “цеха”, способствующим саморегуляции, самоограничению журналистского сообщества, и может помочь ему в сложных ситуациях оставаться в рамках *этического поля*, не вступать в противоречие с общепринятыми обществом нормами морали, с одной стороны, и выработанными поколениями российских журналистов этическими нормами – с другой.

2. На наш взгляд, в значительной мере именно в неготовности общества к смене ценностных систем стоит искать корни самых распространенных, пессимистических оценок нынешней ситуации в журналистике, согласно которым СМИ утратили моральные ориентиры, отказались от элементарных правил игры, серьезно содействовали падению нравов в российском обществе и т.п.

Сказанное не означает, что у большей части негативных оценок событий и тенденций в современной российской медиасреде нет оснований. Нравственная атмосфера в нашей журналистике действительно далека от нормы, – что безошибочно угадывается теми, для кого работают пишущий и электронный журналист. Удивляться падению доверия к СМИ и журналисту в этой ситуации нерезонно: журналистика принадлежит к тому

виду профессий, в которых как результат, так и процесс тесно связаны с принципами морали.

Признавая нынешнюю ситуацию *крайне сложной*, согласимся ли мы с теми, кто предлагает определять вектор изменений моральной ситуации в обществе и в “цехе” в терминах “*катастрофического*” ряда? Нет, и далеко не только потому, что с помощью такого диагноза легко оправдывается любая, даже самая циничная профессиональная позиция. Мы полагаем, что речь идет не о катастрофе, но о *трудном рождении нового ценностного мира, новой гражданской и профессиональной самоидентификации*.

При таком диагнозе-прогнозе переходной ситуации обновляющегося общества поиск “цехом” новой идентичности требует рационального подхода. Это требование помогает пережить неприятность узнавания себя в “зеркале” критики и самокритики, “говорящем” об утере доверия читателя, зрителя, слушателя, их веры в неподкупность и правдивость СМИ как социального института.

3. В основе конвенции – ценности *профессиональной* морали журналиста, согласующиеся с ценностями морали *общественной*. И этот тезис не отменяется противоречивым характером современных нравов. Разумеется, есть основания для утверждения того, что “какое общество, такие и СМИ”. Но оно не является действительным препятствием тому, чтобы нам самим быть лучше.

4. Конвенция как документ *профессиональной* этики журналиста не просто *конкретизирует* и дополняет требования *общественной* морали, т.е. расписывает, инструментализирует общую норму, отвечая на вопросы “что именно делать?” и даже “как именно это делать?” в ситуации выбора, и тем самым помогает журналисту, вовлеченному в нравственную коллизию.

Конвенция предполагает самоидентификацию журналиста именно с требованиями *профессиональной* этики. Ситуация морального выбора журналиста означает и выбор-признание необходимости наряду с нормами общественной морали руководствоваться требованиями профессиональной этики. Или отказ от такого признания, вызванный либо уверенностью в самодостаточности общечеловеческих нравственных требований, либо циничной позицией по отношению к ценностям профессии.

5. Конвенция – “демонстрация флага” обществу. Чаще всего выполнение или невыполнение норм профессиональной морали наблюдается самым простым и достоверным образом – по результату: качеству газетной статьи и телесюжета. Но стремление следовать требованиям профессиональной этики проявляется и в “*заявке на результат*” – в нормативно-этических документах типа кодекса или конвенции, которые призваны стать “визитной карточкой” профессионального сообщества, конкретного СМИ, отдельного журналиста, элементом их публичной политики.

6. Источник нравственной ответственности журналиста и ее направленности содержится в том или ином понимании профессиональной миссии “цеха”. “Миссия” – это метафорическая характеристика представления профессионального сообщества о своем незаурядном, особом назначении или даже “предназначении”. Миссия – добровольно возлагаемая “цехом” на себя и выходящая за пределы повседневных обязательств “ремесла” сверхнагрузка, связанная с характером журналистики как общественной профессии. Миссия – это высокая ответственность за возложенный на себя долг (а не просто за “дело”, “функцию”), предполагающая мобилизованность на сверхзадачу, требующая не прозаической “службы”, а Служения.

Разумеется, эти пафосные слова не означают стремления возвести журналистов в ранг “богочеловеков”. Особость корпоративной миссии дополнительно стимулирует не заносчивость, апломб и прочие черты, а ответственность – за нашу позицию, наши подходы, за каждое наше слово.

7. Кажется иногда, что разумнее отказаться от свободы морального выбора, ссылаясь хотя бы на то, что возможностей для маневра так мало: “куда ни кинь – всюду клин”, что лучше плюнуть на все и заниматься каким-то частным делом. Все так. Но и в этом случае журналист принимает моральное решение. Он, разумеется, может и впредь поступаться совестью, но для того и конвенция, чтобы такому “представителю массмедиа” уже труднее ходить в героях, выдавать себя за порядочного человека, обманывая себя и других.

8. Журналист, лгущий с телеэкрана или с газетной страницы за большие деньги или за право получения монопольного доступа к общественно значимой информации, может быть и успешен в житейском смысле, но не в профессиональном, ибо на самом деле он “перепутал” или просто сменил профессию.

9. “Цехом” осознается противоречивость любой попытки *сформулировать* нравственные ориентиры и правила журналистики – либо сделать их предельно краткими, либо обстоятельными. И мы не собираемся соревноваться с мудростью Нагорной проповеди или с дотошностью учебно-методического пособия. Наша цель – модель конвенции, которая сочетает характеристику высокого предназначения профессии, ее ценностных ориентиров и – элементарных норм профессионального поведения. Тем самым мы предпринимаем попытку уйти от утопического морализаторства и вульгарного инструктажа.

10. Альтернативные варианты модели комиссии, требующие рационального предпочтения, связаны с основаниями, закладываемыми в *назначение* комиссии. Будет ли такого рода комиссия инстанцией нравственного суда – или же она возьмет на себя роль инстанции *экспертно-консультативной*?

11. Сообществу предстоит определиться по поводу будущего созданной им конвенции. Принять ли его “к сведению”? Рекомендовать ли его “к исполнению”? Рассматривать ли в качестве ориентира в профессиональной деятельности? Использовать ли как инструмент собирания корпорации?

Этот выбор – удел Союза журналистов Тюменской области, редакций, малых неформальных групп журналистов, отдельных журналистов.

До принятия того или иного решения конвенция находится в состоянии, аналогичном документам *Римского клуба*, которые публикуются “до востребования”. Статус весьма актуальный для периода *собирания* сообщества.

В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов

ТЮМЕНСКАЯ ЭТИЧЕСКАЯ МЕДИАКОНВЕНЦИЯ: ПРЕЦЕДЕНТ ПОЛЬДЕРА

Врач знает, выздоровел ли его пациент, юрист знает, выиграл ли он судебную тяжбу.

Однако учитель, священник или государственный служащий только в самом общем виде может иметь обратную связь, сообщающую, насколько хорошо он выполняет свои обязанности. Профессор университета, встречая своих студентов через несколько лет, часто удивляется, учил ли он их хоть чему-нибудь!

В таких ситуациях человеку часто приходится получать удовлетворение от уверенности в том, что он действовал как должно, в соответствии с установленными традициями своей профессии или с общепринятыми нормами эпохи.

Д. МакКлеелланд. Достижительное общество

Еще раз о замысле проекта: прецедент польдера. – Развитие идеи проекта: новые акценты. – Характеристика эффективности результатов. – Рекомендации профессиональному сообществу.

Еще раз о замысле проекта: прецедент польдера

Рискнем начать аналитический обзор результатов проекта цитатами из статьи президента Фонда защиты гласности А.К.Симонова в известной газете “Русская мысль”, которую автор – участник-консультант заключительного семинара проекта “Тюменская этическая медиаконвенция” и давний эксперт наших предшествующих проектов – назвал “ПРИБУДЕТ СИБИРЬЮ...”.

«Не создается этического прецедента, – пишет автор. Не создается, хоть плачь. Этика есть, кодексы, хартии есть, а прецедента нет. В смысле поступка такого, чтоб охнуло пространство, да “вскрикнул в испуге остановившийся пешеход”».

Далее – уточнение. “То есть желающих, так сказать, на крест – ну не сколько угодно, но есть, пожалуйста, только либо уж совсем не знают, куда его нести, либо ненадежны: пока несут, того и гляди сами и растащат на дрова”.

Факты и аргументы? «Ведь какое зрелище было, – пишет А.К.Симонов. – Президент-отель, софиты и смокинги, кавалеры и камеры, торжественно все вместе, но каждый за себя – российское телевидение подписывало Хартию телерадиовещателей: мы, российские... понимая... осознавая... соглашаясь... обязуемся... добровольно и неукоснительно... И каждого подписанта, как он эту хартию подписывал, снимала своя камера, и как минимум, пять чужих. То есть информационная подпирающая, типа: “до Голгофы 1,5 км”, была. Все было. А прецедента не получилось».

В чем дело? «Оказывается, – продолжает А.К.Симонов, – они, наши теле- и радио-руководители, ничего и никуда нести не собирались. Они в индивидуальном порядке пришли сфотографироваться у макета коллективного креста. Ну и, естественно, “башмаков еще не износив” – в смысле, что чернила еще не высохли, – о хартию все вместе и каждый по отдельности принялись вытирать ноги в процессе выборов, которые у нас являются не просто источником, а, пожалуй, синонимом информационной войны, – какая уж тут этика».

И еще факты. Сразу – три подряд. «Создали этическую комиссию при Владимирском Союзе журналистов. А у них там, во Владимире, есть такая неуживчивая, резкая газета “Призыв”. И вот публикует “Призыв” статью, где почитаемую, видимо, всеми остальными журналистами вице-губернаторшу обвиняет, ну, скажем мягко, в неэтичных поступках».

ках с материальными последствиями в свою пользу. Собралась комиссия и стала обсуждать... позицию газеты: агрессивность, всюду лезут... нарушение стройных рядов владимирской журналистики... И ни слова про то – было или не было? Как в том анекдоте про надпись на могильной плите: “Спи спокойно. Факты не подтвердились”. То есть в чем тогда эта журналистская этика? В том, чтобы не врать, или в том, чтобы не лезть?

Приезжаю в Нижний Новгород. Прекрасные люди. Многих давно знаю. Семинар “Проблемы саморегулирования журналистского сообщества”. Но до саморегулирования, по сути, мы так и не дошли, потому что оказалось: люди замечательные, а сообщества – нету. А потому установить какие-то правила по профессиональным стандартам и этическим самоограничениям невозможно: у каждого правила свои и никому другому они не подходят. Может, они и неплохие, но не ему их мне диктовать-навязывать.

В Союзе журналистов России учредили “Большое Жюри” – создавать прецеденты этической оценки сообществом тех или иных поступков, проступков, позиций и акций. Не создаются прецеденты! Скандалы есть, “мочат” кого попало и напропалую, а прецеденты не возникают. Ну, скажем, объявило БЖ, что журналист Доренко как бы и не журналист, а так... А “нежурналист Доренко” мало того, что не пришел коллег послушать, так в тот же час вышел в эфир и объявил всенародно, что деньги на БЖ Союз журналистов получает от содержания в своем помещении дома свиданий. И что? А ничего! Когда Доренко отлучили от эфира совсем за другие “заслуги”, мы все застыли в ступоре: как это расценить? И только крутая международная реакция помогла нам, скрепя сердце, признать, что это отлучение явно нарушает свободу слова. И что, как говаривал все тот же Ежи Лец: “совесть у него чистая, просто не бывшая в употреблении”».

На фоне всего этого А.К.Симонов и поехал в город Тюмень. “Снежок лежит. Тихо так. Даже друг друга слышно. Сидят за большим столом человек двадцать журналистов и подводят итоги годовой работы. Они, оказывается, решили создать свою этическую конвенцию. Маленькую, чтоб Тюмени хватило. И год над ней думали, даже профессора по прикладной этике привлекли, благо что единственный на Сибирь такой профессор живет именно в Тюмени (кстати, второй живет в том самом городе Владими́ре, но там он оказался журналистам ни к чему).

И главной частью конвенции сделали минимальный стандарт этического поведения журналиста. И принимают они этот стандарт без фанфар и без скандала. И один говорит: а я его сейчас и подпишу, а второй: а я надеюсь подписать всей редакцией, а третья... И ведь никакой идиллии, просто людям это, оказывается, нужно для их собственной жизни”.

“Так может быть, – спрашивает автор, – все дело в воспитании: привыкли мы жить для других, как нас учила страна, а этика – это то, что точно начинается с себя самого. И здравый смысл наш прибудет Сибирью, как когда-то прибывало богатство России”.

Так чем же именно прибудет? «Очень хочется прецедента. Хоть маленького. Ибо “у человека нет другого выбора – он должен оставаться человеком”. Со своим любимым Ежи Лецем не могу не согласиться».

Благоприятный отзыв компетентного эксперта, возможно, был бы уместнее на обложке “Тетрадей...” (и там есть его маленький фрагмент). Но мы хотели бы *проблематизировать* ожидание автором *прецедента* – на тот случай, если Тюменская этическая медиаконвенция будет рассматриваться именно как один из прецедентов такого рода.

На наш взгляд, можно рискнуть говорить о Тюменской медиаконвенции как прецеденте *польдера* – отвоеванной у стихии, защищенной и возделанной медиатерритории.

В “Тетради...(3)” опубликована первая часть материалов анализируемого нами проекта, читатель помнит, что декларированной целью нашего проекта являлось воздействие на стихийный процесс саморегулирования СМИ на основе целенаправленного освоения мирового и отечественного опыта кодифицирования журналистской этики через проектирование профессионально-этической конвенции журналистов Тюмени, рассматриваемой в качестве инструмента собирания атомизированного профессионального сообщества.

Обязательное условие эффективности проекта – создание конвенции силами самих журналистов. Поэтому столь важное значение играло проведение в редакциях тюменских СМИ цикла *проблемных* семинаров, в том числе с активными формами освоения материалов зарубежного и отечественного опыта саморегулирования, представленных в

изданной Фондом защиты гласности книге “Профессиональная этика журналиста”. Поэтому в качестве способа проектирования фрагментов этической конвенции были избраны экспертно-консультативные опросы и этико-социологические беседы, в том числе и апробирующие первые версии конвенции. Поэтому был необходим специальный семинар, посвященный итоговой “примерке” результата проекта конвенции и выработке PR-акций по его практическому применению.

Подчеркнем еще раз: речь идет о том, что метод “примерки на себя”, на свой “цех” делает коллективную экспертизу итогового варианта проекта конвенции – как и предшествующих – *заинтересованной* экспертизой. Заинтересованной в том, чтобы повлиять на соби́рание “сообщества”, на активизацию его саморегулирования.

Не случайно на всех этапах реализации проекта акцентировалась его “сверхзадача” – не просто помочь “цеху” в его стремлении активизировать процесс саморегулирования, но и попытаться повлиять на *мотивы* такой активизации. Важно было проблематизировать для “цеха” феномен доминирования утилитарных мотивов саморегулирования, связанных с опасениями “цеха” в связи с намерениями власти и бизнеса ограничить свободу слова. Предстояла попытка активизировать мотив самокритики “цехом” моральной ситуации, в которую он сегодня вовлечен.

Еще одна задача проекта – преодоление односторонних, превратных, нередко искаженных образов кодекса или любого подобного документа, образов не просто многообразных и спорных, но и прямо ошибочных¹⁵. Например, *административный* образ заформализованного бюрократического документа для начальственного контроля и санкций в адрес подчиненных. Или, например, образ инструкции по технике безопасности. Или, наоборот, образ ни к чему конкретно не обязывающей декларации. Разумеется, эти образы не случайны, в их основе – отражение реальных сторон практикуемых документов регулятивного плана. Но меньше всего они могут быть отнесены к документам саморегуляции.

Отсюда у проекта две функции – собственно конструктивная и, одновременно, просветительская функция, призванная преодолеть настороженность и предубеждения в отношении его целей.

Развитие идеи проекта: новые акценты

1. Прежде всего, обнаружилась необходимость более внятного ответа на вопрос о том, чем же все-таки нормы профессиональной этики отличаются от общих норм человеческой нравственности? Для ответа на этот вопрос, возникающего – в прямом или косвенном виде – прежде всего на семинарах, потребовалось продвинуть ранее предложенную нами идею *конкретизации* моральных норм в процессе *приложения* общественной морали к ее профессиональным модификациям. Продвижение, суть которого – прояснение механизма инструментализации норм с одновременным определением пределов их расписанности.

Термин “приложение” в связке с понятием “этика” многозначен и зависит как от объекта приложения этического знания, так и от целей приложения. *По первому критерию* – как раз и интересующему нас в данной работе – к прикладной этике относят знание о нормативно-ценностных подсистемах, в которых проявляются процессы конкретизации общественной нравственности.

Такие процессы в известной мере оказались знакомыми этике еще с той поры, когда начались исследования различных отраслей и даже суботраслей *профессиональной морали* (в Европе такое изучение стало предприниматься, как о том свидетельствуют библиотечные индексы, едва ли не с XVI века), *этосов* (труда и хозяйствования, военного и административного дела, воспитания и др.). Анализ процессов конкретизации в ее различных аспектах был опробован этикой как в форме кодексов социопрофессиональных групп и корпораций, так и с точки зрения артикуляции свода правил для специфических сфер человеческой деятельности, в которые вовлечены, наряду с профессиональными, и непрофессиональные группы и даже ряд межгрупповых и неинституционализованных

¹⁵См. об этом подробнее в кн.: В.И.Бакштановский, Ю.В.Согомонов, В.А.Чурилов. Этика политического успеха. Москва-Тюмень: Изд-е Центра прикладной этики, 1997. Глава 19.

общностей, например, электоральные массы, участники многообразных общественно-политических и социокультурных движений. Этому содействовали нарастающая подвижность и разрыхленность социально-групповых перегородок в современном обществе, его углубляющаяся профессионализация и сравнительная легкость, в силу всеобщности общеобразовательной подготовки, перехода от одной профессии, одного вида деятельности к другим.

Иногда высказывается суждение, согласно которому процесс конкретизации норм и ценностей общественной морали применительно к определенному виду человеческой деятельности заключается лишь в обнаружении таких особенностей этой деятельности и таких ситуаций деятельности профессионалов, в которых требуется наложить мораторий на общие моральные повеления, а задача этической теории в этом случае – оправдать подобные отступления и предельно их минимизировать до единичных случаев, квалифицируя их не как нечто положительное в моральном смысле, а лишь как неизбежное зло. Однако такое понимание конкретизации, скорее, обесценивает кодексы частных моральных требований и соответствующие им оценочные шаблоны.

В действительности же в процессе конкретизации ставится и решается вопрос о подлинном развитии содержания моральных повелений, запрещений и разрешений, о развитии формы морали, ее своеобразного “кода”, типов нравственной ответственности. При этом результаты развития не могут быть извлечены из всеобщих представлений и правил по аксиоматической методике – в этом случае прикладная этика имела бы дело лишь с элементарной аппликацией и детализацией, в очень незначительной степени предполагающих моральное творчество.

Развитие содержания и формы морали в процессе конкретизации означает, во-первых, известное преобразование, переакцентировку, в ряде случаев – даже переосмысление моральных представлений, норм, оценочных суждений, соответствующих нравственно-психологических чувств. Во-вторых, появление новых акцентов в способах “сцепления”, когеренции норм, моральных ценностей, поведенческих правил между собой и со всеми другими (правовыми, административно-организационными, праксиологическими и иными) требованиями и максимумами, со всевластным обычаем. В-третьих, конкретизация – это изменение их места в сложной конфигурации ценностного универсума. Наконец, такое развитие предусматривает возможность возникновения новых установок, дозволений и запретов, не имеющих применения нигде более, кроме как в какой-то определенной сфере деятельности, максимально способствующих повышению ее результативности, усилению гуманистических ориентаций деятельности в данных сферах и профессиях.

Что касается *предела* расписанности, то легко оформляется в качестве нормы и плавно “внедряется” (кавычки здесь обязательны, чтобы показать условность термина) то моральное требование, которое по ряду причин почти готово перейти на уровень обычая, в котором нет проблемы *выбора*. Однако требование, уже ставшее обычаем, не нуждается в кодификации: обычай известен всем.

2. По мере реализации проекта потребовалось более адекватное представление о том, по какому критерию и в соответствии с каким эталоном необходимо оценивать реальное состояние *консолидированности* профессионального сообщества журналистов, состояние в лучшем случае *переходное*, и, в связи с этим, продвижение понимания этической природы *корпоративного духа* профессионального сообщества журналистов.

Исследование “корпоративного начала” в журналистской этике имеет определенные заделы¹⁶. Тем не менее, и до сих пор не только исследователи, но и сами журналисты, в том числе и тюменские¹⁷, понимают под *корпоративностью* нечто, различающееся не только оттенком смысла, но и знаком.

На “кристаллизацию” корпоративности одни надеются как на естественный процесс, связанный с вхождением прессы в систему рыночных отношений, как на серьезный шанс для российской журналистики обрести достойную профессиональную миссию. Другие,

¹⁶ Там же. См. также: Становление духа корпорации: правила честной игры в сообществе журналистов. М.: Начала-пресс, 1995.

¹⁷ Тетради гуманитарной экспертизы (1). Медиа этос: ценности и “правила игры” регионального сообщества журналистов в координатах гражданского общества. Материалы экспертного опроса. Тюмень, 1999.

напротив, связывают тенденцию корпоративизации прежде всего с действием внешних для прессы сил – скажем, с угрозой монополизации СМИ властью или ФПГ – и с использованием СМИ во вред обществу.

И действительно, вопрос о корпоративности журналистов в “цеховом” смысле далеко не праздный. Тем более не праздным является вопрос о том, какого рода ценности, нормы и правила должны закладываться в основы такой корпоративности самим цехом как обязательные, определяющие возможность поддержания нормальных, устойчивых взаимоотношений “цеха” с гражданским обществом и властью и, тем самым, способствующих воплощению в жизнь правил честной игры. Отсюда необходимость прояснения базовых положений этики корпоративизма.

Корпоративистскую этику (мораль) можно отнести к числу таких видов прикладной этики, квалификация которых как “отраслевых” не является бесспорной. Это следует из установления значения понятия “корпорация”.

Сам термин родом из эпохи западноевропейского Средневековья, когда им обозначались смешанные сословно-профессиональные организации (ремесленные цеха, торговые гильдии, студенческие, врачебные, артистические братства и т.п.). В этих организациях общинные отношения вытеснялись отношениями неродственными и несоседскими, которым сопутствовали конформизм, властные иерархии, разноуровневые интересы. Здесь зарождались поведенческие нормы, обращенные *вовне*, – чтобы поддержать моральный престиж корпораций в обществе, а также нормы, регулирующие внутрикорпоративные отношения, которые, как правило, сводились в кодексы, уставы и сопровождалась соответствующими “клятвами” на верность.

Корпорация – это особый социальный институт, относительно замкнутая ассоциация, которая на определенных условиях выражает интересы своих членов и защищает их. Нередко, впрочем, встречается *расширительная* версия данного понятия, когда им именуют звенья производственной структуры, ее ячейки с матрицей в виде любого трудового коллектива. Так, в советские годы трудовые коллективы выдавались за корпорации, хотя этим термином и не пользовались. Согласно расширительной версии, корпорация характеризуется достаточно сложной организацией, ориентированной на достижение какой-либо заранее фиксированной цели, что требует согласования действий членов этой организации, осуществления функции управления и, стало быть, подготовленного персонала. Однако, хотя в корпорациях действительно выражен определенный организационный эффект, далеко не всякая организация и не любая автономная группа могут быть названы именно корпорацией.

Мобилизация этого термина окажется оправданной лишь в том случае, если маркировать им ассоциации с консолидированными интересами, и не сами по себе, а в их взаимодействии с государством или же друг с другом, но опять в связи с государством, с его отдельными институтами. Это отличает корпорации от неорганизованных (дисперсных) интересов, не имеющих представительства на государственном уровне. Благодаря такому представительству государственное управление не замыкается в самом себе, а, напротив, как бы размыкается, в той или иной степени вовлекая, инкорпорируя в этот процесс всевозможные влиятельные общественные институты (организованный бизнес и профессиональные коллегиальные ассоциации типа судебных коллегий, научных сообществ, журналистских союзов, объединения офицеров и т.п.), где минимизированы отношения подчинения и преобладают товарищеские связи. Вступая в слабоинтегрированные связи с государственными структурами, корпорации располагаются на периферии гражданского общества и политической сферы, служат одним из каналов взаимодействия между этими относительно самостоятельными мирами (“мир миров”).

В ассоциированной жизни человек принадлежит самому себе, а не закабален навязываемой ему извне корпоративной группой, через которую он оказывается в зависимом положении от государства. Корпорации охраняют свободу своих членов, защищают их интересы, представляя их в государственных структурах, обеспечивая партнерские отношения между данными структурами и корпорациями.

Корпорации усиливают индивидуальные возможности в системе отношений высокоорганизованного общества. Это обстоятельство позволяет понять мотивацию добровольного объединения или вступления в корпорации и, естественно, мотивацию столь же

свободного “выхода” из нее. Конечно, для корпорантов существует немало способов обрести, сохранить и даже развить свою индивидуальность вне корпораций, на уровне анонимной макросреды, но корпоративное бытие оберегает свободу от множества факторов, покушающихся на нее, используя для этого механизмы формальных прав, всевозможные уставы, договора, регламенты, дозвоительно-запретительные кодексы с обязательно-притязательными характеристиками.

Более или менее длительное существование корпораций приводит к возникновению не менее существенной, чем материальные соображения, цементирующей ее силы – духа корпорации, знаменитого “эспри де кор”. Профессионалы любого профиля могут сколько угодно ассоциироваться, но “на выходе” нередко оказывается лишь механическое соединение лиц и интересов, шаткие агломерации или конгломерации, но вовсе не то, что с полным правом именуется корпорацией. И так будет обстоять дело до тех пор, пока не возникнет таинственное “склеивающее” вещество духовного свойства.

Дух корпорации имеет, прежде всего, этическое измерение с сильно выраженным акцентом на представлениях об общей судьбе корпорантов, их взаимной ответственности, призвании (которое, по словам поэта, есть “влечение, род недуга”), товарищеской солидарности. На первый взгляд такой дух побуждает припомнить вдоль и поперек изданный нами – и за последние годы основательно подзабытый – “дух” трудового коллектива. Можно бесконечно долго говорить о коллективизме и методах его принудительного укоренения, которые ведут к обезличиванию, к атрофии личностной автономии и ответственности (“индивидуализм” использовался в качестве бичующего идеологического ярлыка), подавлению всякого независимого мнения и поведения, можно вводить и исчислять коэффициенты сплоченности трудового коллектива, однако все это весьма далеко от свободного духа корпорации. “Дух” трудового коллектива и ему подобных коллективов выводит на передний план патернализм, привязанность к государственному опекунству, делает ставку не столько на производственные или творческие достижения, на эффективность и успешность деятельности (хотя имели место и вполне реальные ординарные и даже выдающиеся достижения отдельных объединений), сколько на распределительные калькуляции. Такой “дух” выводит не столько на самостоятельность корпорантов и их социальную ответственность, сколько на конформизм, долг бездумного повиновения и ответственности по начальственной вертикали.

В то же время, дух корпорации не витает где-то в заоблачных высях, в разреженной атмосфере отвлеченных идей, а вполне зримо и весомо воплощается в нормах и правилах корпоративной этики, профессионального призвания и ответственности. Этика корпоративности предстает в жестких “правилах честной игры”. Точнее говорить даже не об “игре”, а об “играх”, поскольку различаются правила взаимодействия, во-первых, между правовым государством и автономными корпорациями, во-вторых, между однородными и разнородными корпорациями, в-третьих, между корпорациями и группами с неорганизованными интересами и, в-четвертых, существуют правила внутрикорпоративной “игры”. Чаще все эти правила сведены в более или менее четкие профессиональные поведенческие кодексы, которые предусматривают как собственно моральные, духовные, так и административные санкции.

Правила, впитавшие в себя “дух корпорации”, не только содействуют удовлетворению групповых интересов, но и нацелены на подавление корпоративного эгоизма (Дж. Ролз называет его проявления “ пороками ассоциаций”, хотя интерпретирует сами ассоциации предельно расширительно) с его желанием гарантировать себя от испытания риском, стремлением получить побольше различных благ и поменьше их отдать. На защите общественных интересов и общественной морали от корпоративного эгоизма стоят системы представительной власти, противовесы в виде оценок общественного мнения и суждений независимых средств массовой информации.

Ясно, что сегодня мы еще не живем в мире свободных корпораций, оснащенных столь же свободными противовесами, и нас пока не осеняет “эспри де кор”. Но надо принять во внимание незавершенность обновленческих транзитов и их значительную искаженность. Так или иначе, в посттоталитарную эру общество успело утратить былую чувствительную централизованность, плотную интегрированность и незыблемость принципа

неделимости властных полномочий. В значительной степени оно уже перестало быть тем, чем было совсем недавно – “суперкорпорацией”.

Группы консолидированных интересов уже смогли укрепиться, но вместе с этим усилился групповой эгоизм ассоциаций, отраслей и ведомств, а также территорий. С ним связана опасность “неофеодализации” общества, когда в корпорациях власть концентрируется у узких элитных кланов и все остальные спешат укрыться под их покровительством, соглашаясь на принятие ценностей вассалитета, а не ценностей демолиберального типа. Не заработали в полную силу ингибиторные факторы подобного эгоизма. С другой стороны, заработал новый фактор: слабо регулируемый рынок, подготовленный его предтечей – рынком “административным”, “бюрократическим”. С ним прямо или косвенно связаны такие, например, позитивные моменты, как образование предпринимательских корпораций либо путем объединения малого и среднего бизнеса, либо путем сложной и многоступенчатой трансформации “брежневизированных” отраслей и ведомств, отдельных их звеньев в предпринимательские корпорации различного типа. Усилились также позиции профессиональных союзов как особого вида корпораций, еще совсем недавно бывших сателлитными, “ручными” для тоталитарной власти. Появились и иные виды корпоративности, в том числе путем реставрации прошлого (например, казачество).

Роль государства в процессе трансформации общества неоднозначна. Оно стремится “уходя остаться”. Однако в эту запутанную игру вмешиваются обретшие независимость хозяйственные руководители со своими планами и интересами, а также и “рядовые производственники”, сила которых вовсе не равна нулю. Социологические исследования показывают, что среди предпочтений на первое место выходит не социальная или национальная идентичность, а именно корпоративная идентичность, поиск защиты интересов с помощью их групповой консолидированности (и прежде трудовые коллективы исполняли ряд функций, которые должны были бы выполнять государство и общество).

Можно предположить, что становление разнообразных корпораций связано с реструктурированием российского общества, в условиях которого снижается значимость прежних структурообразующих критериев. В известном смысле корпоративность служит своеобразным заслоном от нарастающего деструктурирования, атомизации общества. К тому же корпорации сравнительно легко выдерживают смещения силовых факторов от центра к регионам. Главная опасность в этом случае заключается в бюрократизации самой корпоративной жизни. Она, с одной стороны, обеспечивает эффективность и рост корпораций, но и она же, с другой стороны, чревата неэффективными решениями, корумпированностью, ложными стратегиями развития.

Новые и обновляемые корпорации не успели обрести самостоятельность до такой степени, чтобы у них формировался свой собственный дух. Патернализм, прочнейшая привычка жить в условиях распределительно-опекающей системы, уклоняться от риска, связанного с частной инициативой и персональной ответственностью, готовностью примириться с падением уровня притязаний трудящихся лишь отступили с доминирующих позиций, но оказались еще далеко не сломленными.

Между тем все сильнее ощущается потребность в чем-то “третьем” между частными, групповыми и общественными интересами. Таким “третьим” и должна быть корпоративная мораль, которая сближается и в чем-то сливается с этикой предпринимательства и профессиональной моралью. Но не потому, что все эффективное одновременно становится чуть ли не автоматически нравственным. Нравственное, сопряженное с долговременным, стратегическим, устойчивым и оказывается залогом успешности.

Вместе с тем обострились противоречия между свойствами неизменности, нерформируемости духовных структур познетоталитарного общества и процессами обновления. Приходится учесть также, что у нас не было и подходящего духовно-нравственного наследия корпоративности на базе англосаксонского индивидуализма или традиционного германо-романского корпоративизма. Поэтому процесс образования корпораций, возникновения корпоративной структуры общества обременены негативными аспектами в целом позитивного процесса сегментации общественной нравственности. Именно эти самые негативные аспекты и препятствуют формированию духа корпораций, складыванию корпоративной этики, которая могла бы служить барьером, во-первых, от реанимации духа номенклатурного бюрократизма во внутрикорпоративных отношениях

(не случайно во многих исследованиях специально противопоставляются предпринимательский стиль управления – и начальнический корпоративный стиль, ориентация на успех в достижительных измерениях – и карьерное понимание служебного успеха) и, во-вторых, от заражения настроениями ползучего группового эгоизма.

Пакет “добродетелей” того и другого (верхоглядство, патримониально-клиентельные подходы к деловым связям, готовность пойти на ранговые сделки “верхов” с “низами” в корпорациях, в отличие от недавнего прошлого уже не окрыленных радужными социальными иллюзиями, подмена партнерства безропотным исполнением, минимальная гражданская активность, отказ от нравственного “первородства”, т.е. неотъемлемого права на свободный моральный выбор, не предписанной инстанциями суверенности решений и оценок, от измерения внутрикорпоративной политики с помощью нравственных критериев и т.п.) подрывает позиции трудовой и профессиональной морали в нарождающихся корпорациях, способствует спекуляциям на интересах “экономического человека”, отлученного от “человека нравственного”.

Это стимулирует застарелые пороки иждивенчества и люмпенства. Возникают мучительные конфликты индивидуальных интересов и солидаристских ценностей, вертикальной и горизонтальной ответственности за качество производимой продукции и предоставляемых услуг. В результате в корпорациях снижается тонус нравственной жизни. Тяжким испытаниям подвергаются несущие конструкции духовной культуры людей, основы аристократизма, “джентльменства” профессионалов – честь и достоинство работников, которых еще нельзя называть корпорантами. Они остаются преимущественно “наймитами”, “поденщиками” в конторе, в лучшем случае – служащими, так как противоречия между наемничеством (сalaria) и собственничеством все еще очень сильны.

Если отдельные профессионалы-корпоранты за истекшие одно-два десятилетия проделали весьма зримый рывок в направлении прорыночного поведения и прорыночного мировосприятия (“успешные профессионалы”), то профессиональные и околопрофессиональные корпорации как сообщества в целом с расплывчатыми, слабоструктурированными интересами по ряду причин не смогли проделать аналогичную эволюцию, несмотря на ряд сулящих надежды обстоятельств.

Подобное неравновесие пагубно отразилось на состоянии нравов, царящих в корпоративных сообществах (особенно образуемых из множества организаций чрезмерно централизованных и бюрократизированных). Существование корпоративной этики в сугубо индивидуальных формах подрывает солидаристский смысл этики как таковой в ее ориентационно-мотивирующих и санкционирующих функциях. Более того, уровневый разрыв в моральной онтологии между продвинутыми индивидами из значительного числа профессионалов, с одной стороны, и сознанием, а также поведением инертных групп профессиональных сообществ (с привычкой жить под сенью патернализма и распределительных систем, с минимизированной частной инициативой, со слаборазвитой достижительной мотивацией и т.п.) – с другой, в моральном плане погашает достоинства обеих сторон. Этот разрыв порождает не только многочисленные межличностные конфликты, но и содействует появлению патосных регулятивных средств, кризисных тенденций. Первая сторона асимметрии реализует известную ценностную вседозволенность “продвинутых”, их моральную неустойчивость, тогда как вторая сторона инволюционирует в направлении к моделям поведения, присущих казенному коллективизму советского типа. Опыт свидетельствует, что разрыв между этими сторонами становится угрожающим для нравственного порядка в обществе. Аналогичное положение сложилось и в непрофессиональных бизнес-корпорациях, хотя в них следы былого коллективизма оказались стертыми в большей степени, чем в собственно профессиональных корпорациях.

Превращенное гражданское общество в том виде, в каком оно успело сложиться в последние годы, еще не смогло стать корпоративным, а государственные структуры не успели продвинуться по пути неформальной демократизации, создания правового государства столь далеко, чтобы быть готовыми вступить в равноправные диалоговые отношения с независимыми корпорациями, включая те супермонополистические корпорации, которые именуются олигархическими. Они предпочитают вести такой диалог с бюрократическими элитами всех уровней. Не возник еще и полноценный средний класс, из которого в основном черпаются волонтеры в корпоранты. Но несмотря на все это, траектория

общего движения прочеркивается с достаточной степенью четкости – страну ожидает становление корпоративного духа и этики корпоративизма.

При этом общие тенденции – как позитивные, так и негативные – вполне характерны и для развития журналистского “цеха”. Разумеется, этот вывод предполагает продолжение исследования специфики “духа корпорации” в сфере массмедиа.

Характеристика эффективности проекта

На наш взгляд, способом такого анализа может быть сравнение версий конвенции – от первоначального эскиза (опубликованного в “Тетради... (3)”) до итоговой – с акцентировкой продвижения участников проекта в трактовке основных элементов модели конвенции. Частично эта работа была проведена в выступлениях ведущего на заключительном семинаре.

Начнем с наиболее общего эффекта работы профессионального сообщества над своим этическим самообязательством. Во-первых, участники проекта вполне успешно сформулировали основания, по которым создаваемый ими этический документ называется именно *конвенцией*. Разумеется, каждый уже на старте проекта слышал, понимал буквальный перевод слова. Но совсем другое – прийти к пониманию того обстоятельства, что формулируемые сообществом самообязательства могут стать эффективными только в той мере, в какой они станут итогом договора, соглашения. Отсюда и тезис в комментариях, согласно которому выбор именно такого стиля документа, как *конвенция*, отражает современное – переходное – состояние ситуации и в обществе, и в цехе, которое трудно регулировать традиционным формальным сводом принципов и норм.

Во-вторых, участники проекта сформулировали для себя тезис о том, что конвенция может и должна сыграть для “цеха” *собирающую* роль. По их мнению, принятие или непринятие конвенции, особенно такого ее раздела, как “Минимальный стандарт”, послужит основанием, с одной стороны, консолидации атомизированного сообщества, с другой – отлучению от сообщества тех, кто не хочет или не может принять элементарные правила профессионального поведения. Побуждающую роль конвенции в собирании “цеха” удачно сформулировал на итоговом семинаре А.К.Симонов: “Любая статья кодекса – это определенное количество людей, которые протянули друг другу руки”. В свою очередь, селективную роль конвенции сформулировали Е.О.Кох: “Если он эти правила нарушает, то автоматически перестает быть членом данного сообщества, и за него оно больше не поручается” и Ю.И. Пахотин: “Вы нарушили кодекс и не можете называться журналистами, поэтому мы публично заявляем об этом нашим читателям, зрителям, слушателям, которые пока еще считают вас журналистами”.

В-третьих, участники проекта инициировали видение создаваемой ими конвенции как рационально сформулированных предложений от сообщества журналистов к *общественному договору*, увидели в конвенции возможность соглашения с властью и обществом по поводу принимаемых сторонами “правил игры” и “вытекающих” из такого взаимного принятия последствий. Как сказал Р.С.Гольдберг, “фактически речь идет об общественном договоре – мы не делаем того-то и того-то и тогда общество нас воспринимает как порядочных и достойных людей”.

В-четвертых, восприняли и присвоили идею обязательного *сочетания* в конвенции разделов “Моральный выбор” и “Минимальный стандарт”.

Прежде всего, принципиальным является само решение о сочетании в конвенции разделов, характеризующих *целесолагание*, и разделов, формулирующих *стандарты*. Как показывает практика создания кодексов профессиональной этики, такой баланс разделов – достаточно редкий случай. И не только в журналистике. Так, например, американский исследователь Марио Г.Сальвадори в статье “Этический кодекс американского общества гражданских инженеров” отмечает, что «большинство инженерных и других профессиональных сообществ приняли (в январе 1973 г.) руководство по профессиональной деятельности, которое этически дополняет кодекс и, в меньшей степени, канон. Считается, что этот учебник должен быть “руководством по взаимно удовлетворяющим отношениям между профессиональными служащими и их работодателями” и должен

“представлять желаемые общие цели, а не набор специфических минимальных стандартов”¹⁸.

При этом речь идет именно о *творческом* освоении тюменскими журналистами идеи сочетания двух разделов. В конвенции участники проекта нашли серьезные аргументы в пользу такого сочетания. В одном случае это было предложение выстроить два раздела “так, как связаны общие конституционные принципы и развивающие их законы” (В.С.Горбачев). В другом случае эти разделы были сравнены по уровню планки требований, которые они задают журналисту – участнику конвенции. В полемике с коллегами Г.М.Голованова отметила: «Я не разделяю идеи о том, что для наших журналистов, живущих в реальных условиях, хорошо бы не “задирать” моральную планку, а работать на уровне неких минимальных профессиональных требований. Не получится ли, что этот минимальный стандарт окажется обычной служебной инструкцией? Все-таки в кодексе должны быть требования, рассчитанные на более высокую норму, ... уже сегодня надо сделать кодекс, фиксирующий конечную цель, уровень развития, который должен быть достигнут завтра. Соответственно и “планку” надо поднимать выше».

В-пятых, в результате работы проекта, и особенно первых семинаров, профессиональному сообществу удалось найти аргументы для *понимающей* критики весьма распространенных “антикодексных” представлений. Речь идет о критике известной *самонадеянности* индивида, отказывающего общественной морали в целом и, в том числе, опыту профессиональной этики, отрефлексированному сообществом и аккумулятивному в кодексах, в праве влиять на его поведение и обосновывающего такой отказ ссылками на самодостаточность велений собственного нравственного чувства, интуиции.

Может показаться, что это – *позитивная альтернатива* административному контролю, который иногда мотивируется убежденностью в неспособности морали преодолеть кризисную ситуацию с помощью своих собственных механизмов и стремлением “исправить” нравственную жизнь общества с помощью чуждых духу морали инструментов. И действительно, нельзя не увидеть даже в благих намерениях заменить саморегулирование административным регулированием такую, например, опасность, как провоцирование тенденции к моральному иждивенчеству, к делегированию индивидуальной и корпоративной ответственности внешнему регулятору, подмене нравственной роли корпоративного духа цеха судебной инстанцией, отменой цеховой моральной рефлексии и т.п.

Однако своеобразная *моральная анархия* оказывается не подлинным выходом, а скорее другой крайностью. Вместо полноценной свободы здесь предлагается апофеоз *воли*, которая слишком часто уклоняется от свободы из-за нежелания нести связанную с ней ответственность.

На наш взгляд, профессиональному сообществу, вовлеченному в ситуацию морального кризиса, предстоит пройти между двумя опасностями: Сциллой административного регулирования нравственной жизни “цеха”, в том числе и в виде разного рода “высших советов по этике”, и Харибдой моральной анархии, в том числе в виде абсолютного отказа от любых форм влияния нравственного опыта общества на индивидуальные профессионально-нравственные решения.

Поэтому столь важно появление в тексте конвенции такой формулировки: “Наша конвенция – способ преодоления *превратных* образов кодекса журналистской этики, представлений о том, что ее вполне заменяют общечеловеческие заповеди, или, наоборот, сводящих правила профессиональной морали либо к административно-служебным инструкциям, либо к сугубо технологическим правилам ремесла”.

Теперь перейдем к анализу эффективности работы участников проекта над отдельными разделами конвенции. Один из способов этого анализа – комментарии как соответствующему разделу текста конвенции, так и “комментарии к комментариям”, т.е. к фрагментам специального раздела “Комментарии”.

Раздел **“Препамбула”**. Так этот раздел называется в последней версии текста конвенции. В предшествующих версиях он был представлен тремя отдельными параграфами

¹⁸ См.: Ed. by Tom L.Beauchamp, Norman E. Bowie. ETHICAL THEORY AND BUSINESS. 1979, Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs, New Jersey 07632.

ми, посвященными (а) проблемной ситуации, (б) задачам конвенции и (в) мотивам ее создания.

На старте проекта высказывалось суждение о том, что включение в текст конвенции раздела, представляющего видение профессиональным сообществом проблемной ситуации, нецелесообразно, во всяком случае, – не обязательно. Кстати, традиционная структура профессиональных кодексов практически не имеет такого раздела. Однако постепенно формировалось мнение о том, что без анализа проблемной ситуации в жизни “цеха” трудно обосновать и *задачи* создания конвенции, и *мотивы* соответствующей работы, и столь нестандартную структуру конвенции, связанную с включением в нее мировоззренческого блока ценностей – “*кредо*”. И действительно, характеристика медиаситуации как ситуации духовно-нравственной неопределенности, как такого перепутья, когда на придорожном камне нет надписей-прогнозов и требуются не рыцари-читатели, а “писатели”, не позволила пренебречь соответствующим параграфом в конвенции, во-первых, и предопределила роль параграфа о моральном выборе, во-вторых.

Сохранение фрагмента о проблемной ситуации дало участникам проекта основание уклониться от соблазна прямого заимствования из опыта кодификации – зарубежного и отечественного. Отсюда тезис, открывающий первый раздел конвенции: “сам замысел нашей конвенции исходит из определенного понимания современной ситуации в жизни российского общества в целом, профессионального сообщества журналистов – в том числе, и из определенного взгляда на природу основных профессионально-этических проблем и затруднений отечественной медиасреды”.

Определенность понимания – прежде всего в тезисе о том, что “цех” переживает кризис, связанный со сменой ценностных систем трансформирующегося общества¹⁹. Отсюда и положение из раздела “Комментарии” о том, что именно в неготовности общества к смене ценностных систем стоит искать корни самых распространенных, пессимистических оценок нынешней ситуации в журналистике – СМИ утратили моральные ориентиры, отказались от элементарных правил игры, серьезно содействовали падению нравов в российском обществе и т.п.

Никто из участников проекта ни на его старте, ни на его финише не готов был утверждать, что приведенный выше диагноз ситуации якобы означает, что у значительной части негативных оценок событий и тенденций в современной российской медиасреде нет оснований. И своеобразная “неэффективность” проекта проявилась в том, что и на старте, и на финише общепринятым оказался диагноз, согласно которому нравственная атмосфера в отечественной журналистике действительно далека от нормы и удивляться падению доверия к СМИ и журналисту в этой ситуации нерезонно: журналистика принадлежит к тому виду профессий, в которых как результат, так и процесс тесно связаны с принципами морали.

При этом в разделе “Комментарии” отмечается несогласие известными предложениями определять вектор изменений моральной ситуации в обществе и в “цехе” в терминах “*катастрофического*” ряда. В частности потому, что с помощью такого диагноза легко оправдывается любая, даже самая циничная профессиональная позиция.

И далее – очевидное “приращение” в диагнозе, произошедшее на финише проекта: удачно сформулированное в процессе коллективной рефлексии утверждение о том, что речь идет не о катастрофе, но о трудном рождении нового ценностного мира, новой гражданской и профессиональной самоидентификации.

¹⁹ Некоторые из участников проекта высказывали суждения, согласно которым “моральный кризис общества” – скорее всего устаревающее на ходу понятие, и если даже кризис не преодолен, то по крайней мере ссылка на него архаична. Отсылая заинтересованного читателя к нашим рассуждениям на эту тему, опубликованным, например, в 1-ом и 2-ом выпуске “Тетрадей”, заметим: о том, что феномен морального кризиса не только не архаичен, но и имеет глобальный характер, свидетельствует, например, высказывание американских исследователей – авторов учебника по медиаэтике. “Моральные обязательства разрушаются прямо у нас под ногами. Культурное разнообразие обманывает нас этической теорией относительности. Теории божьих заповедей и метафизические основания норм проблематичны в светский [мирской] век после Дарвина, Фрейда и Эйнштейна. Многие ученые считают требования истины невозможными после Жако Деррида и Мишель Фокалт. В мире скользких значений и безнормативности этические принципы, кажется, не вызывают отклика”. См.: Media ethics: Cases and moral reasoning / C.Christians, M.Fackler, K.Rotzoll. – Forth Edition. – Longman Publishers USA, 1995. P. 8.

И не менее важный вывод о том, что поиск “цехом” новой идентичности требует *рационального* подхода. Как раз это требование помогает пережить неприятность узнавания себя в “зеркале” критики и самокритики, говорящем об утере доверия читателя, зрителя, слушателя, их веры в неподкупность и правдивость СМИ как социального института.

Обращаясь к другим фрагментам первого раздела, уместно отметить, что участники проекта на финише проекта посчитали существенным внести в текст конвенции уточнение, помогающее снять напряжение у некоторых журналистов, которые в процессе реализации проекта затруднялись в решении вопроса о соотношении профессиональных и общечеловеческих ценностей. Так, в основном тексте сказано, что в ситуации неопределенности надежда сообщества – на ценностные ориентиры и нормы *профессиональной* этики, которые *конкретизируют* требования *общественной* морали, тем самым помогают сформулировать профессиональное кредо и ответить на вопросы “что?” и “как?” делая журналисту, вовлеченному в нравственную коллизию. А в комментариях подчеркнуто, что конвенция ни в коей мере не ущемляет творческой свободы. Она является внутренним документом “цеха”, способствующим саморегуляции, самоограничению журналистского сообщества, и может помочь ему в сложных ситуациях оставаться в рамках этического поля, не вступать в противоречие с принятыми обществом нормами морали, с одной стороны, и выработанными поколениями российских журналистов этическими нормами – с другой.

Более определенным стал бывший раздел “Задачи”, который теперь является фрагментом “Намерения” в первом разделе конвенции. От весьма общего тезиса, согласно которому конвенция – это “демонстрация флага” обществу, участники проекта пришли к конструктивному тезису о том, что через конвенцию они намерены подать сигнал о готовности бороться своими силами с теми изданиями и их сотрудниками, которые грубо и цинично попирают общепринятые человеческие и профессиональные нормы и правила, провоцируя общество (и государство) на создание внешних ограничителей свободы слова.

Наконец, в процессе реализации проекта можно зафиксировать продвижение его участников в объяснении мотивов создания конвенции. На первых стадиях коллективного поиска доминировало стремление выбрать один из двух альтернативных вариантов. В качестве основных побуждений рассматривались либо внешне обусловленная целесообразность активизации саморегулирования “цеха”, связанная с угрозами свободе слова: свободе журналиста добывать и предоставлять информацию, гражданина – получать информацию, либо добрая воля как следствие самокритичного осознания профессиональным сообществом внутренней угрозы свободе слова, исходящей от самой корпорации, самокритичное понимание низкой степени намеренности и практической способности “цеха” ответственно реализовать свободу слова – именно злоупотребления СМИ свободой слова привели к потере доверия общества. И оба этих мотива – именно в таких формулировках – вошли в итоговый текст конвенции.

Однако продвижение участников проекта проявилось в том, что, во-первых, в последней версии конвенции снята установка на обязательное доминирование одного только мотива доброй воли – как нереалистическая, излишне романтическая. При этом в текст вошло и такое представление о проявлении внешней угрозы свободе слова, как новые тенденции в жизни государства, связанные с идеей т.н. “управляемой демократии”, подразумевающей превращение СМИ из субъекта саморегуляции в объект сверхрегуляции. По мнению участников проекта, сообществу предстоит осознать опасность огосударствления профессиональной морали журналиста через придание государству роли высшей моральной инстанции. И эта опасность не просто искушает духовного иждивенца соблазном делегировать свою ответственность, но может взорвать саму суть профессиональной морали – свободу выбора и принятия профессионалом индивидуальной ответственности. Именно здесь включена формулировка, упомянутая выше, о том, что своей конвенцией “цех” говорит государству: у нас есть правила и мы просим с нами считаться как с сообществом, способным к саморегулированию.

Во-вторых, пришли к необходимости формулировки *многообразия* мотивов создания конвенции. Так, с предельной четкостью в конвенции сказано, что без восстановле-

ния, сохранения, защиты и укрепления взаимного доверия между СМИ и обществом трудно удерживать права и свободы, достигнутые постсоветской Россией.

Именно поэтому в комментариях особо отмечена значимость конвенции как своеобразной “заявки на результат”, мотив рассматривать свой этический документ как “визитную карточку” профессионального сообщества, конкретного СМИ, отдельного журналиста, как элемент их публичной политики.

Кроме того, сформулирован и такой мотив, как потребность в сохранении корпоративной общности в ситуации раскола. Констатируя, что мы уже не сообщество – в его советской версии и еще не сообщество – в постсоветской версии, скорее мы сегодня – протосообщество, участники проекта зафиксировали актуальность конвенции именно для такого рода пренатальной ситуации.

Раздел **“Корпоративная миссия”**. Представляется важным, что процесс “присвоения” понятия “миссия” привел участников проекта от сомнения в его целесообразности и стремления уклониться от его использования к четкому осознанию *рационального* значения этого понятия и, соответственно, ограничению его смысла применительно к тексту конвенции.

Да, в комментариях говорится, что источник нравственной ответственности журналиста и ее направленности содержится в том или ином понимании профессиональной миссии “цеха”, что “миссия” – метафорическая характеристика представления профессионального сообщества о своем незаурядном, особом назначении или даже “предназначении”. Отмечается, что миссия – добровольно возлагаемая “цехом” на себя и выходящая за пределы повседневных обязательств “ремесла” сверхнагрузка, связанная с характером журналистики как общественной профессии, это высокая ответственность за возложенный на себя долг (а не просто за “дело”, “функцию”), предполагающая мобилизованность на сверхзадачу, требующая не прозаической “службы”, а – Служения.

Тем не менее коллективный поиск участников итогового семинара привел к пониманию корпоративной миссии в *скромной* версии этого понятия, уходящей от “мессианства”, с одной стороны, но не допускающей редукции смысла понятия “миссия” до понятия “функция”. Сформулировано и ограничение, согласно которому пафосные слова о миссии, служении и т.п. не означают стремления возвести журналистов в ранг “богочеловеков”. Более того, подчеркнуто, что особенность корпоративной миссии дополнительно стимулирует не заносчивость, апломб и прочие черты, а ответственность – за позицию, подходы, за каждое слово журналиста.

Что касается содержательного эффекта работы проекта над этой темой, то, как видно из материалов экспертных опросов и семинаров, дискуссия о профессионально-нравственной миссии сообщества не прекращалась на всех этапах проекта. И это естественно, ибо речь шла об основаниях самоидентификации “цеха” в новых условиях деятельности СМИ. Это обстоятельство зафиксировано в конвенции, авторы которой говорят, что с помощью конвенции намерены предпринять попытку самоидентификации в новой – неопределенной – ситуации, не вписывающейся в дилемму “СМИ – либо часть пропагандистской машины, либо – инструмент удовлетворения информационных запросов потребителей”.

Но это заявление на финише проекта. На старте же пришлось преодолеть вполне естественное желание свести определение корпоративной миссии к выбору между миссиями, образная характеристика которых – “зеркало” и “зеркальщик”. Только длительная дискуссия и взвешивание аргументов каждой из сторон привели к итоговому тезису, согласно которому, примеряя метафоры “зеркало” и “зеркальщик”, журналистское сообщество не выбирает одну из этих стратегий вопреки другой, а сочетает их в зависимости от особенностей конкретной профессиональной ситуации.

Раздел **“Журналист как субъект морального выбора”**. Прежде всего, стоит отметить, как участники проекта определили статус этого раздела – отношение к журналисту как субъекту нравственных исканий, принятия решения и ответственности рассматривается как кредо конвенции. И раздел начинается с попытки объяснить смысл самого этого понятия, с утверждения о том, что кредо фокусирует дух профессиональной корпорации, делает конвенцию документом профессиональной этики. И это естественно

– для общественной профессии принципиально важными оказываются вопросы “ради чего?” и “во имя чего?”, а не только “как?” и “с какой целью?”.

Содержательная формулировка кредо заключается в отношении к журналисту как человеку, для которого характерны нравственные искания, свободный выбор решения и ответственность за него. Характерны для журналиста как *личности*, характерны для него как для *профессионала*. Текст конвенции подчеркивает *доверие* нравственной свободе журналиста, участники проекта не опасаются непредсказуемости его самоопределения, напротив, готовы противостоять любым намерениям патерналистски “опекать” свободное решение журналиста. Участники проекта ценят свободу морального выбора журналиста, готовность отвечать за ситуацию выбора, за принятие-непринятие определенных профессионально-нравственных ориентиров, за способность решать противоречия.

На наш взгляд, примечательно появление в комментариях тезиса о необходимости противостоять искушению уклониться от морального выбора и ответственности за него, ссылаясь на трудные обстоятельства. Как отмечается в тексте, лишь кажется иногда, что разумнее отказаться от свободы морального выбора, ссылаясь хотя бы на то, что возможностей для маневра так мало – “куда ни кинь – всюду клин”, что лучше плюнуть на все и заниматься каким-то частным делом. Однако и в этом случае журналист принимает моральное решение. Он, разумеется, может и впредь поступаться совестью, но для того и существует конвенция, чтобы такому “представителю массмедиа” было труднее ходить в героях, выдавать себя за порядочного человека, обманывая себя и других.

В то же время конвенция не уклоняется от вопроса о правильности-неправильности принятого журналистом решения.

Показателем эффективности проекта можно считать не просто то обстоятельство, что фактически никто из участников экспертных опросов или семинаров не уходил от обсуждения темы морального выбора в профессиональной деятельности журналиста, а многие – приводили примеры из собственной практики. Важнее то, что если на первых этапах проекта в процессе комментирования участниками проекта вполне верных решений нередко возникали трудности при необходимости *обосновать* свой выбор, показать, что речь идет не просто о выборе между вариантами конкретного решения, но о предпочтении тех или иных *ценностей*, то в итоговом тексте конвенции уже появилась характеристика нравственно-конфликтной ситуации – когда в сознании журналиста сталкиваются разные ценности и требуется выбор решения в пользу одной из них и *вопреки* другой: например, когда требование кодекса не выдавать источники информации сталкивается с требованием суда открыть эти источники. Или когда журналист сталкивается с противоречием между нормами *одного и того же* кодекса: например, требование *профессиональной честности* и – невозможность добыть информацию легальным путем, а значит, выполнить долг: предоставить гражданам важную информацию.

Материалы интервью и семинаров показывают, что в этом вопросе конвенция может и должна дать определенный ориентир выбора. И действительно, в процессе реализации проекта понимание его участниками природы морального выбора в журналистской этике существенно продвинулось. Направление движения – от извлечения из собственного индивидуального опыта журналиста факта постоянного принятия решения в ситуации морального выбора до попытки сформулировать рациональные критерии такого решения, прежде всего, через соотнесение этического достоинства цели и адекватности/неадекватности этой цели выбираемых средств.

При этом конвенция заявляет, что “цехом” открыто признается моральное право на риск журналиста в ситуации морального выбора – как обоснованное право на нравственные искания, моральное творчество (в том числе и на создание новых правил честной игры), с обязательным распространением этого права на неудачу и ошибку в моральном выборе.

В заключение характеристики этого раздела следует сказать, что сам факт его появления в конвенции – серьезный аргумент в пользу тезиса об эффективности проекта. Тем более, когда участники проекта подчеркивают, что сам факт создания этого института саморегуляции медиасообщества – акт их морального решения, принятия ответственности.

Раздел **“Минимальный стандарт”**. Большинство (почти все) участники проекта называли этот раздел как самый практически значимый.

При этом показательно само появление этого раздела в тексте конвенции. На старте проекта (например, на первом семинаре – в редакции газеты “Тюменский Курьер”) “Минимальный стандарт” рассматривался скорее как способ проблематизации содержания семинара, в том числе как материал для игрового моделирования. Но на финише проекта он был *присвоен* участниками семинара как безусловно обязательный и самый бесспорный фрагмент конвенции.

На наш взгляд, благодаря именно этому разделу участники проекта смогли прояснить для себя тезис комментария о том, что конвенция как документ *профессиональной* этики журналиста *конкретизирует* и дополняет требования *общественной* морали, т.е. расписывает, инструментализирует общую норму, отвечая на вопросы “что именно делать?” и “как именно это делать?” и, тем самым, помогает журналисту, вовлеченному в нравственную коллизию.

Показателен фрагмент комментария о том, что “цехом” осознается противоречивость любой попытки *сформулировать* нравственные ориентиры и правила журналистики – либо сделать их предельно краткими, либо обстоятельными. Участники проекта говорят, что не собираются соревноваться с мудростью Нагорной проповеди или с дошностью учебно-методического пособия. Их цель – модель конвенции, которая сочетает характеристику высокого предназначения профессии, ее ценностных ориентиров, и – элементарных норм профессионального поведения. Тем самым предпринимается попытка уйти от утопического морализаторства и вульгарного инструктажа.

Именно в процессе работы над этим разделом удалось наглядно прояснить тезис из замысла проекта о том, что детально расписанные нормы “минимального стандарта” остаются в рамках моральных норм до тех пор, пока “стандарт” оставляет журналисту возможность выбора и решения, пока выбором конкретного решения, средства, действия прямо или косвенно затрагивается какая-либо нравственная ценность. В противном случае норма “стандарта” оборачивается либо обычаем, либо служебной инструкцией – об этом уже говорилось выше – при характеристике новых акцентов замысла проекта. Поэтому в последний вариант конвенции был включен тезис, согласно которому нарушение азов ремесла не просто разрушает само ремесло, но подрывает *смысл* и *устой* профессии.

Необходимо особо отметить то обстоятельство, что участники проекта настояли на обсуждении вопроса о степени категоричности требования норм “стандарта” в несовершенных экономических условиях, которые предельно затрудняют возможности профессионально-нравственного поведения. Например, в ответ на аргумент одного из журналистов о том, что нельзя ориентироваться лишь на низкую планку “минимального стандарта”, а дальше поступай как хочешь, ибо пропадет ориентация на долг, другой журналист возражает: если поднять планку “до потолка”, то журналисту никогда, ни при каких обстоятельствах не писать рекламы, не совмещать свою профессию с должностью пресс-секретаря, а большинство журналистов так и делают.

Иначе говоря, для многих участников проекта “минимальный стандарт” притягателен своей минимальностью, но не размеров, а степени категоричности. По словам одного из участников проекта, он по силам большинству журналистов уже сегодня. Именно по этому на самом первом семинаре, – моделирующем ситуацию выбора приоритета между разделом “Моральный выбор” и “Минимальный стандарт”, – в одной из норм “стандарта” вместо строгой формулы требования было включено мягкое требование к журналисту *не путать* свою профессию с пиаровской. Кстати, и на итоговом семинаре журналисты просили учесть, что *сегодня* еще трудно развести эти профессии.

Считать ли сохранение позиций первого семинара в позициях заключительного именно показателем эффективности?

В любом случае, надо иметь в виду суждение консультанта проекта Ю.В.Казакова о том, что такого рода мягкость может привести к размыванию устоев профессии, к утрате безусловной ясности профессионально-нравственных ориентиров.

“Этическая комиссия”. Эффективность работы участников проекта над этой темой проявляется прежде всего в том, что, в конечном счете, почти удалось снять антагонизм между двумя альтернативными моделями комиссии. Будет ли такого рода комиссия

инстанцией нравственного суда – или же она возьмет на себя роль инстанции *экспертно-консультативной*?

Сторонники первой модели на заключительном семинаре практически отказались от модели “нравственный суд”. Мерой их движения навстречу оппонентам стала позиция, согласно которой комиссия “сводит” конфликтующие стороны и пытается наладить диалог между ними, не уклоняясь от оценки действий каждой из сторон. Комиссия имеет право сказать свое мнение о том, кто как поступил. В этом смысле сторонники первой точки зрения теперь считают, что комиссия должна стать инстанцией, к которой не хотел бы попасть ни один совестливый журналист, редактор, издатель, ни одно пекущееся о своем авторитете средство массовой информации. “Добьемся этого – можно считать, что главная задача сообщества выполнена”.

Сторонники второй модели продвинулись навстречу оппонентам, теперь уже выступая не против права комиссии на моральные оценки, а лишь проблематизируя возможность собрать в составе комиссии *моральных авторитетов*.

Соответственно, в последнем варианте текста конвенции появилось положение о том, что наиболее реальной в сложившейся в сообществе ситуации является *экспертно-консультативная* модель комиссии. При этом в дискуссионном вопросе о составе комиссии найдено решение, согласно которому предпочтительнее модель комиссии, состоящей не только из самих журналистов, но и представителей гражданского общества. Аргумент? В этом случае профессиональное сообщество журналистов видит в комиссии не просто инструмент саморегулирования внутрицеховых конфликтов, но институт связи с обществом, готовый защищать граждан от злоупотреблений *журналистами* свободой слова.

Рекомендации профессиональному сообществу: “Технические условия эксплуатации” конвенции

1. Эффективность дальнейшего существования конвенции определяется степенью преодоления в профессионально-нравственном сознании “цеха” стереотипных подходов и суждений, значительно снижающих эффект морального анализа и самоанализа ценностей и правил игры медиасообщества, а также эффект создания конкретного этического документа. Поэтому, кроме указанных ранее, стоит выделить еще несколько трудностей, которые ожидают профессиональное сообщество при работе с конвенцией.

Речь идет, прежде всего, о том, чтобы участники проекта “не забыли” идею *конвенциональности* как основы создания этического документа, ориентирующего процесс саморегулирования “цеха”. И при этом отнеслись к конвенции не столько как к набору готовых решений и ответов, сколько как к ориентиру поиска индивидуального решения, аккумулирующему опыт сообщества.

Наконец, важно не допустить, чтобы конвенция подверглась радикал-реформаторскому стилю “внедрения”. Проблемы подписания-неподписания документа, связанных с ним моделей “этической комиссии”, отношения к вопросу о санкциях и т.п. не должны решаться с нарушением природы и духа профессионально-нравственного саморегулирования, требуют категорического исключения из оборота административного подхода и проч.

Например, будущей “Этической комиссии” при работе с конвенцией предстоит преодолеть искушение свести свою работу к санкциям и решиться на придание самостоятельного значения процессу анализа конфликтной ситуации. Иначе говоря – процедура важнее “приговора”.

Вообще работа будущей комиссии – основная забота, связанная с подлинной эффективностью конвенции.

В то же время важно не дать развиться фобиям сообщества, которые могут спровоцировать его на подмену рационально оправданных опасений административно-бюрократического вырождения этической комиссии аффективным отказом от применения моральных санкций в принципе. Тогда как в мировой практике тема “*давления кодекса*” на членов профессионального сообщества поставлена в весьма рациональном ключе.

2. Сообществу предстоит определиться по поводу будущего созданной им конвенции. Принять ли его “к сведению”? Рекомендовать ли его “к исполнению”? Рассматри-

вать ли в качестве ориентира в профессиональной деятельности? Использовать ли как инструмент собирания корпорации?

Этот выбор – удел Союза журналистов Тюменской области, редакций, малых неформальных групп журналистов, отдельных журналистов.

До принятия того или иного решения конвенция находится в состоянии, аналогичном документам *Римского клуба*, которые публикуются “до востребования”. Статус весьма актуальный для периода *собирания* сообщества.

3. Сообществу предстоит достигнуть адекватной – рациональной, а не аффективной – реакции на скептические настроения ряда журналистов по поводу эффективности действия конвенции. Такая реакция предполагает *понимающую* критику этих настроений. Здесь уместно выслушать суждение американского исследователя медиаэтики Эдмонда Б.Ламбета: “Описание этичного журналиста как гуманного человека, который стремится к справедливости и защищает свободу, в качестве верного хранителя заветов своего профессионального цеха, может вызвать законный скептицизм. На взгляд человека XX века, может показаться, что такой профессиональный портрет излучает спесь и написан яркими красками непрактичности. Ни один из живущих, дышащих журналистов и никто из ушедших титанов не могли бы подогнать все свои решения под принципы, изложенные выше.

Но причина, естественно, заключается не в самих принципах, а в том, что все мы – люди. Это замечание поможет нам провести различие между очевидной потребностью журналистики в этических принципах и менее чем идеальным распределением человеческих добродетелей, необходимых для проведения этих принципов в жизнь”²⁰.

В заключение повторим слова, вынесенные в заголовок предисловия к этому выпуску “Тетрадей...”: «Нравственное саморегулирование “цеха” не завершается созданием конвенции, а лишь начинается им».

²⁰ Ламбет Э.Б. Приверженность журналистскому долгу. Об этическом подходе в журналистской профессии. М.: ВИАЛАНТА, 1998. С. 59-60.